

В0 $\frac{892}{240}$ С.Д. Кавтарадзе В0

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Издательство
«ЭКЗАМЕН»

МОСКВА
2005

УДК 327
ББК 66.4(0)
К-12

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
2005

Кавтарадзе С.Д.

К-12 Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве / С.Д. Кавтарадзе. — М.: Издательство «Экзамен», 2005. — 224 с.

Рецензент: доктор психологических наук, профессор Г.В. Солдатова

ISBN 5-472-00579-5

В монографии автором рассматриваются актуальные вопросы этноконфликтологии: истоки и причины этнополитических противоречий в период распада СССР, вопросы разрешения конфликтов, роль миротворческой деятельности России и влияние геополитических и политико-экономических интересов крупных международных игроков на динамику межнациональной напряженности на постсоветском пространстве.

Использование междисциплинарного подхода в анализе конфликтов позволило рассмотреть комплекс этих проблем в историческом, политологическом, правовом, этнопсихологическом ключе, и предложить меры и рекомендации по снижению напряженности в зонах конфликтов.

Значительная часть работы выполнена на кафедре истории общественных движений и политических партий исторического факультета кафедры политической истории факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова.

УДК 327
ББК 66.4(0)

Подписано в печать с диапозитивов 12.11.2004 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная
Уч.-изд. л. 7,35. Усл. печ. л. 11,76. Тираж 500 экз. Заказ № 2846

ISBN 5-472-00579-5

© Кавтарадзе С.Д., 2005
© Издательство «ЭКЗАМЕН», 2005

2005025607

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ _____	4
К вопросу о теории конфликтов _____	10
Глава I. Этнополитические конфликты в СССР и на постсоветском пространстве _____	33
§1. Понятийный аппарат этнической конфликтологии _____	33
§2. Истоки и причины возникновения этнических конфликтов в СССР _____	44
§3. Распад СССР: массовые националистические движения и этнополитические конфликты _____	62
§4. Новые государственные образования и конфликты на постсоветском пространстве _____	79
Глава II. Конфликт Россия — Чечня — попытка междисциплинарного подхода _____	94
§1. Чеченский конфликт и средства массовой информации _____	94
§2. Перспектива развития конфликта: контртеррористическая операция или переговорный процесс _____	109
Глава III. Опыт участия Российской Федерации в миротворческой деятельности на территории СНГ _____	124
§1. Миротворческая деятельность РФ в Южной Осетии и зоне грузино-абхазского конфликта _____	124
§2. Многоплановая миротворческая операция в Таджикистане _____	134
§3. Характерные особенности миротворческих операций РФ на территории СНГ _____	140
Глава IV. Технологии урегулирования этнополитических конфликтов на территории СНГ: поиск парадигмы _____	154
§1. Архетипы войны и мира _____	154
§2. Принципы политического урегулирования конфликтов _____	161
§3. Правовые основы разрешения конфликтов и вторжение сверхдержав в «горячие точки» _____	177
§4. Политика толерантности _____	188
Заключение _____	196
ВЫВОДЫ _____	206
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ _____	208

ВВЕДЕНИЕ

Исследовательский интерес к урегулированию этнополитических конфликтов на территории СНГ обусловлен очевидной напряженностью межэтнических отношений во всем мире, ярко проявившейся в различных регионах постсоветского пространства, насущной необходимостью поисков путей их разрешения политическими методами. В настоящее время в мире насчитывается более 100 полиэтничных государств, в подавляющем большинстве которых в той или иной степени проявляется межнациональная напряженность. При этом в конфликтах, перешедших в стадию вооруженного противостояния, потери гражданских лиц составляют от 50% до 97% от общего числа жертв¹.

Предотвращение лавинообразного роста этнической напряженности стало в последнее десятилетие фактически глобальной задачей, требующей кардинального решения. Исследователями отмечается, что «этнический конфликт заменил собой «холодную войну» в качестве наиболее взрывоопасной проблемы в мире»². Таким образом, конфронтация, развивающаяся по линии этнической общности, становится одним из системообразующих факторов в современном историческом и политическом процессе.

Этнополитические конфликты являются, по сути, наиболее острым выражением кризиса, переживаемого странами СНГ, как следствие исторически резкого перехода от жесткого политического режима к более либеральным моделям, от административно-командной экономики к рыночной, от унитарного государственного устройства к различным типам децентрализации.

¹ State of the World 1999. A Worldwatch Institute Report on Progress Toward a Sustainable Society. — N.-Y., 1999. — P. 156.

² Weiner E. Coexistence work: a new profession // The Handbook of Interethnic Coexistence. — N.-Y., 1999. — P.17.

На современном этапе развития этнополитических конфликтов, проистекающих на фоне процессов мировой глобализации, наблюдаются тенденции их расширения до региональных или континентальных кризисов. Так, динамику распространения конфликта до континентального кризиса демонстрируют югославские события весны 1999 года, когда конфликт вышел за рамки отдельного региона, превратившись в общеевропейский, а фактически и в общемировой кризис.

Несколько иной тип конфликта представляют собой события на территории Чечни, рассматриваемые после событий 11 сентября 2001 года в контексте международной борьбы с исламским экстремизмом. Примером максимально «глобализированного» конфликта является многолетнее арабо-израильское противостояние, течение которого сказывается на внешней политике не только государств региона, но и на динамике межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений в тех регионах, где так или иначе сталкиваются интересы представителей обозначенных этносов и вероисповеданий. Данный феномен обусловлен, по-видимому, и наибольшей персонификацией «межцивилизационного столкновения» именно в этой области Ближнего Востока.

Вышеприведенные примеры конфронтаций демонстрируют негативную тенденцию, когда межэтническое противостояние теряет характеристику «территориальности», в том смысле при расширении конфликта затруднительно выделить не только его географические границы, но и выявить очертания конфликтной и околоконфликтной среды: геополитические и макроэкономические стремления, международные и межэтнические взаимосвязи, интересы «третьих» лиц и т.п. Таким образом, конфликты, фокусирующие на себе в силу тех или причин пристальный взгляд мирового сообщества и тем самым становящиеся «актуализированными», нуждаются в «незамедлительном разрешении для сохранения политической стабилизации на международной арене».

Вместе с тем существуют затяжные конфликты, которые «ждут своего часа», и на настоящий момент не вызвали «интереса» мировых держав (несмотря на серьезные нарушения прав человека), чтобы или быть разрешенными, или скорее всего перейти на новую, более высокую, степень напряженности. Так, помимо широко известных долговременных конфликтов, таких как сепаратизм этнических курдов в Турции и Ираке или тиморцев в Индонезии, существуют противостояние индейцев штата Чьяпас с федеральной властью Мексики, и движение за отделение от Марокко в Западной Сахаре, во главе которого стоит «Фронт Полисаро»... (Вопрос о двойных стандартах международной практики миротворчества будет нами рассмотрен в главе IV.)

Последствия межэтнических конфликтов характеризуются рядом негативных аспектов.

Прежде всего они отрицательно сказываются на протяжении длительного времени на установлении стабильности в общественно-политической и социально-экономической жизни, в межгрупповых и межличностных отношениях на обширных территориях. Как в процессе открытого конфликта, так и в длительный период его урегулирования, последующей социально-политической стабилизации имеет место перестройка государственных структур, смена политических элит, развитие непропорциональных относительно друг друга социально-экономических групп (резкое расслоение общества), исчезновение и появление новых групп и сегментов социума. Обозначенные явления усиливают внутреннее постконфликтное напряжение и становятся барьером на пути гражданской консолидации в рефлексирующей «субстанции» национально-го самосознания.

В случае рекрутирования значительного сегмента новой элиты во властные структуры или смены политического истеблишмента (внутренний военный переворот, революция, формирование нового правительства «внешними игроками») кардинально меняются методы, подходы и механизм принятия решений на государственном уровне.

Эскалация межнациональных конфликтов на территории СНГ принесла огромный материальный ущерб. Только прямые материальные потери вследствие разрушения жилых строений, производства объектов и инженерных сооружений, выведения из севооборота плодородных земель составляют около 5 млрд долларов. При этом в наибольшей степени пострадало хозяйство Грузии, где в результате разрушений от военных действий в Абхазии и Южной Осетии убытки достигли более 2 млрд долларов, в Таджикистане убытки от гражданской войны к началу 1993 года — 0,7 млрд долларов, в Азербайджане — более 1 млрд долларов¹.

Существование потенциальной этнополитической напряженности в полиэтничных зонах обуславливает низкую инвестиционную привлекательность регионов, что негативным образом влияет на экономическое развитие как отдельных территорий, так и отдельных государств СНГ в целом.

Нельзя также недооценивать и те социально-экономические и демографические (миграционные процессы на постсоветском пространстве) последствия межнациональной конфронтации, которые прямо или косвенно влияют на установление стабильности в экономике государств. Решение проблем постконфликтной миграции и формирование эффективной миграционной политики, включающей трудоустройство и обеспечение психологической и социальной адаптации мигрантов, — одна из наиболее актуальных и не решенных на сегодняшний день задач, стоящих в первую очередь перед руководством России². Кроме того, постсоветская межэтническая дезинтеграция выступает одним из наиболее трудно преодолимых барьеров на пути построения гражданского общества в новых независимых государствах.

¹ Паин Э.А. Государственная политика России в конфликтных зонах. — М., 1994. — С. 25 — 26.

² Население России на рубеже XX — XXI веков. Проблемы и перспективы / Под. ред. В.А. Ионцева и А.А. Саградова. — М., 2002. — С. 69.

Затяжные локальные конфликты, как показывают последние исследования в области окружающей среды, проведенные на территории Боснии и Герцеговины¹, а также в зоне военного арабо-израильского конфликта², доказывают существование многолетних, а порой и необратимых последствий ведения боевых действий с использованием вооружения нового поколения на экологическую обстановку регионов. Масштаб изменений окружающей среды таков, что вопрос территориальных претензий фактически должен был бы потерять былую актуальность — понятие «земли» перестает представлять собой привлекательный объект для противостояния, качественные характеристики потенциальной среды проживания значительно снижены «места, где побывали войска, зарастают колючками и терновником, после скопища армий всегда наступают лихие годы»³.

Этнополитическая проблематика и вопросы урегулирования межэтнических конфликтов особенно актуальны для Российской Федерации как государства, в силу геополитических причин вовлекаемого в той или иной степени во все конфликты на территории Содружества Независимых Государств. При этом необходимо учитывать, что одной из характерных особенностей СНГ является быстрая эволюция политической ситуации, что обуславливает краткосрочность интересов стран Содружества на современном этапе развития. Также немаловажную роль в развитии новых независимых государств фактически сразу после роспуска СССР стали играть как приграничные государства, так региональные и мировые лидирующие державы, что объясняет многополярность интересов в зонах этнополитической конфронтации на территории СНГ.

¹ См. Depleted Uranium in Bosnia and Herzegovina. Post Conflict Environmental Assessment. United Nations Environment Programme. — Switzerland., 2003.

² См. Desk Study on the Environment in the Occupied Palestinian Territories. United Nations Environment Programme. — Switzerland., 2003.

³ Лао-цзы. Канон Дао и Дэ // Лукьянов А.Е. Лао-цзы и Конфуций. Философия Дао. — М., 2000. — С.189.

Данные характеристики напрямую сказываются на процессе достижения компромисса при урегулировании межэтнических конфронтаций, а также дальнейшем на соблюдении достигнутых договоренностей.

Анализ становления миротворческой деятельности РФ в зонах этнополитических конфликтов на территории СНГ требует не только определения самой природы конфликта, его особенностей, течения и механизмов разрешения применительно к конкретной территории, но и исследования исторических и социально-политических факторов, оказавших влияние на прохождение миротворческих операций. Кроме того, обобщив опыт урегулирования межэтнических противоречий в СНГ, следует попытаться выделить наиболее характерные проблемы, которые в отсутствие адекватных действий по разрешению конфликта и политической воли, ориентированной на его окончательную деэскалацию, возвращают противоборствующие стороны к силовым решениям.

В связи с этим выработка технологий урегулирования этнополитических конфликтов, включающих в себя управленческую деятельность от превентивных акций вплоть до проведения многоплановой постконфликтной политики, становится наиболее актуальной проблемой. Для каждого конкретного конфликта необходим казуальный подход в выборе методов урегулирования, обусловленный уникальными характеристиками каждой межэтнической конфронтации.

Исследуемая тема находится на стыке интересов различных социальных наук и дисциплин, а значит, различны и подходы к ее изучению. Исходя из этого, научную литературу, освещающую в том или ином аспекте этнополитические конфликты на постсоветском пространстве, можно сгруппировать с учетом следующих факторов: происхождение научной работы (отечественная и зарубежная историография); научная дисциплина (теоретическая конфликтология, этноконфликтология, история, политология, социология, правоведение и психология).

К вопросу о теории конфликтов

«Я Господь, и нет иного, Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю это».

*Книга Пророка Исаии,
глава 45, стих. 6-7¹*

Вопрос о природе конфликта, его роли в жизни общества и проблемы его урегулирования являются актуальными на протяжении всей истории гуманитарных наук. Существует по меньшей мере две основные концепции неразрывной связи природы самого человека и социального конфликта.

Первая концепция берет свое начало еще в античное время. Так, Аристотель усмотрел источник конфликта в социальном и имущественном неравенстве людей от природы, в нарушении меры имущества и почестей. Кроме того, причиной «распрей» в обществе он считал психологические свойства и побуждения, присущие человеку, в том числе и от животной природы².

Позднее английский социальный мыслитель Томас Гоббс в трактате «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» выдвигает мысль о том, что люди, рождающиеся равными в физическом и умственном плане, обладают и равенством надежд на достижение целей. В этом и кроется природа конфликта, так как два человека, пытающиеся добиться одной и той же цели, вступают в конфликт и стараются погубить или покорить друг друга. Из равенства надежд на достижение целей возникает взаимное противостояние, являющееся причиной «*bellum omnium contra omnes*» (войны всех против всех). При этом, по Гоббсу, существуют

¹ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. — М., 1985. — С. 717.

² Аристотель. Соч.: В 4 т. — Т. 4 — М., 1984. — С. 380.

также такие причины конфликта, как соперничество, недоверие и жажда славы¹.

Таким образом, Аристотель и Т. Гоббс определили основные направления разработки теории о сущности и причинах конфликта.

Теории социологов Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Н. Смелзера представляют собой разработки концепций о стабильности и устойчивости общества. Целью их работ является не столько изучение конфликта, сколько обоснование консенсуса. Для противоположного направления, которое представлено социально-философскими работами К. Маркса, М. Вебера, В. Парето, Р. Дарендорфа, доминирующей является теория о первичности конфликта, который занимает, по их мнению, определяющее место при объяснении социальных процессов и изменений.

Несколько иной ракурс природы конфликта выявляется при попытках вывести социальную напряженность из уровня удовлетворения базовых потребностей людей и социальных групп. Именно такой подход к проблеме демонстрирует П.А. Сорокин при выяснении вопроса о причинах социальных конфликтов. «Непосредственной предпосылкой всякой революции, — пишет он, — всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения». Среди подавленных «инстинктов», вызывающих конфликт, он выявляет инстинкты личного самосохранения, коллективного самосохранения (семьи, религиозной секты, партии), потребность в жилище и одежде, потребность в свободе².

В вышеозначенных концепциях природа конфликта и консенсуса разрабатывается на макроуровне в контексте крупномасштабных теоретических построений, связанных с задачами

¹ Гоббс Т. Изб. соч. — Т. 2. — М., 1991. — С. 93.

² Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. — М., 1992. — С. 272-273.

объяснения социокультурных изменений в современном обществе.

Современная социологическая и политическая мысль существенно дополняет концепцию демократического общества теорией и политической технологией предотвращения конфликта, а также его использования в интересах развития и совершенствования политических и общественных отношений. Конфликт признается, таким образом, не только разрушительной силой, но и силой созидательной, обновляющей. Эта теория является модификацией концепции классового конфликта и представляет собой аналитическую разработку политических технологий социально-политической, экономической, идеологической и прочей стабилизации общества (Л. Козер)¹.

В последнее десятилетие теория конфликтов в современном мире дополнилась разработкой критики современного неолиберализма как причины существования конфликтогенного «мирового порядка», прежде всего в силу увеличивающегося разрыва между «бедными и богатыми странами»². Определенный интерес представляет также концепция американского социолога и футуролога Э.Тоффлера, объясняющая повышение количества противоречий в современном мире изменениями природы института власти³.

В то же время проблематика конфликта носит прикладной характер. Она пользуется широким спросом при принятии решений в конкретных ситуациях в таких областях, как дипломатия, юриспруденция, коммерческая деятельность, менеджмент, когда сталкиваются интересы двух или более сторон. Таким образом, в современных социальных науках сложилось прикладное направление, получившее название «конфликтология».

Адекватный анализ конфликтной ситуации предполагает выделение обстоятельств, способствующих созреванию кон-

¹ Козер Л. Функции социального конфликта. — М., 2000.

² Хомский Н. Прибыль на людях. — М., 2002.

³ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. — М., 2002.

фликта. Здесь могут в той или иной мере действовать исторические, социально-экономические и культурные факторы, проявляющиеся в деятельности политических структур и институтов. Необходимо учитывать, что оценка конфликта как «политического», «экономического» или «социального» базируется на выявлении совокупности обуславливающих его причин: преобладание тех или иных характерных факторов выступает как основной критерий определения (обозначения) конфронтации. При этом практически в каждом из конфликтов существуют исторические и социально-экономические движущие силы, определить которые необходимо и для этнополитического конфликта (ниже нами будет подробно определены характерные признаки этнополитического конфликта и его природа как таковая).

Так, исторический фон играет заметную роль в эволюции современных этнополитических конфликтов, выполняя при этом двоякую функцию. С одной стороны, он является объективной основой многих конфликтов в виде нерешенных в прошлом проблем между этносами. (Однако обращение к историческим корням конфликтов при разработке методов их урегулирования обычно ограничивается поиском исторических предпосылок для актуализировавшейся на современном этапе фазе противостояния.) В ином значении исторический фон выступает, создавая возможности для манипулирования историческим знанием, со стороны политических антрепренеров. Как показал американский конфликтолог А. Позен, исследовавший роль исторических знаний в этнических конфликтах, развернувшихся в распавшихся полиэтничных государствах (на примере СССР и Югославии), исторические изыскания, предпринимаемые новыми независимыми этническими группами, редко отвечают научным стандартам современной истории. Они направлены прежде всего на политическую мобилизацию населения, придание истории «эмоциональной заряженности» и манипулирование историческим

знанием для поддержания собственной власти¹. Значение же исторического фона для проистекания конкретного конфликта зависит от преобладания традиционалистской или «модернистской» ориентации сторон в конфликте, степени развития гражданского общества и идеологии гражданских прав и свобод человека.

Социально-экономический элемент занимает также немаловажное место в зарождении и генезисе конфликта, в связи с чем целесообразно выделить несколько тенденций, повышающих его значимость при межэтнических противоречиях. Прежде всего, это совпадение экономических и этнических различий на уровне государственной структуры, что служит зачастую основанием для предъявления претензий центральной власти со стороны сепаратистских движений в «дискриминационном перераспределении». Однако, как отмечает социолог Р.Премдас, в подобного рода объяснениях, как правило, значительное место занимают сфабрикованные данные². Вместе с тем экономическая аргументация занимает одно из центральных мест в оправдании сецессии. Она являлась базисной идеологемой, например, при попытках самоопределения следующих субъектов: южных штатов в США, Страны басков в Испании, провинции Биафра в Нигерии, провинции Катанга в Конго, Латвии, Литвы и Эстонии в СССР.

Вторая тенденция, характерная для расширения негативного влияния социально-экономического фактора в межэтнических отношениях, связана с частичным совпадением этнической и экономической стратификаций общества. Такой социальный феномен имеет место в той или иной степени в любом полиэтническом государстве и содержит в себе конфликтогенный потенциал.

¹ *Pozen B. The Security Dilemma and Ethnic Conflict // Ethnic Conflict and International Security / Ed. b M.Brown. — Princeton, NJ., 1993. — P.103.*

² *Secessionist Movements in Comparative Perspective/ Ed. R.Premdas. — Lon., 1990. — P.19.*

Из вышесказанного следует, что при исследовании причин возникающих конфликтов целесообразно обратиться к системному подходу, одним из направлений которого является такой метод научного анализа, как системная динамика. Данный метод был разработан американским ученым Д. Форрестером для моделирования динамических процессов, характерных для крупных «систем»¹. В настоящее время он широко применяется в зарубежных социальных исследованиях, в том числе для прогнозирования процессов и предотвращения кризисов.

СИСТЕМНАЯ ДИНАМИКА: основные связи, порождающие конфликты

- Стрелки указывают на связи, образующие внутренний конфликт
- Стрелки указывают на связи, образующие международный конфликт
- + положительная обратная связь
- отрицательная обратная связь

¹ Forrester J.W. Principles of Systems. Cambridge, 1968. World Dynamics. — Cambridge, 1971.

Данная схема, демонстрирующая причинно-следственные связи в происхождении конфликта, явилась одним из результатов проведенного методом системной динамики научного анализа, в основу которого были положены данные о конфликтах в тринадцати регионах мира¹. Системная динамика позволяет описать структуру и механизм развития конфликтов как внутренних (межнациональных), так и внешних (международных). Выделение системности таких конфликтов показывает их цикличность, которую трудно прервать.

Говоря об отечественных исследованиях в области конфликтологии, и в особенности урегулирования конфликтов, следует отметить, что они значительно отстают от общемировых. На Западе в послевоенный период активно велись исследования в таких областях, как разрешение международных конфликтов и разрядка напряженности в области этнических и расовых отношений. В СССР же такого рода исследований не проводилось. Это объясняется тем, что после окончания Великой Отечественной войны, по существу, игнорировалась сама возможность значительных внутренних противоречий, политических, этнических и других конфликтов. В этот период действительно отсутствовали насущные причины для проведения научных исследований в области урегулирования этнополитических конфликтов. Лишь резкое обострение межнациональных отношений в завершающий период существования СССР и впоследствии в странах СНГ и привело к тому, что в 1990 годах конфликтология стала одной из ведущих дисциплин и областей познания в отечественных политологических, этнопсихологических и социологических исследованиях. Актуализация данной проблематики характерна в 90-е годы также и для западной научной мысли, что выразилось прежде всего в появлении новых направлений в совето-

¹ *Wils A., Kamiya M., Choucri N. Threats to sustainability: simulating conflict within and between nations//System Dynamic review Vol. 14, No. 2-3, (Summer-Fall 1998). — P. 129-162.*

логин, исследующих этнополитические процессы на постсоветском пространстве.

Особенностью отечественной конфликтологии является ее зачастую отраслевой характер. Исследования разбиты на тематические или региональные направления: политические, экономические, межнациональные, конфликты в Средней Азии, на Северном Кавказе и т.п. Узкая специализация исследователей не позволяет увидеть целостную картину, вскрыть общий механизм конфликтов в любой сфере или территории.

В российской этноконфликтологии следует выделить две наиболее распространенные концепции подхода к исследованию противоречий, имеющих этническую окраску: генерализаторскую, рассматривающую отдельные конфликты прежде всего с точки зрения общерегиональных и мировых тенденций «этнического вопроса»; и редукционистскую, выделяющую казуальные причины для каждого конкретного случая.

О национальной политике в СССР и распаде советского государства существует уже довольно обширная научная литература. Она представлена прежде всего статьями, исследований же монографического характера пока еще немного.

Историко-политологическим исследованием, посвященным национальной политике в Российской империи — СССР — Российской Федерации, является «Национальная политика России: история и современность»¹. Авторы предприняли попытку дать систематическое изложение национальной политики российского государства на всем протяжении ее истории. Ими введены в научный оборот документы из Архива Президента РФ, Центрального архива ФСБ и Архива СВР. Показывая в широком историческом и этнополитическом контексте эволюцию российской национальной политики на разных этапах, включая современный, авторы стремятся определить приоритетные направления развития российского

¹ Национальная политика России: история и современность. — М., 1997.

многонационального государства. В работе над монографией принимали участие известные политические деятели, такие как экс-советник Президента РФ Э.А. Паин, министр РФ по делам национальностей и федеративным отношениям В.А. Михайлов, его заместитель А.Г. Воронин, известный политик и ученый Р.Г. Абдулатипов и другие. Значительный интерес представляет изложенная авторами концепция «идеологического обруча», призванная объяснить судьбу бывших многонациональных государств — СССР и Югославии¹. Суть ее состоит в том, что социалистическая идеология, являясь одним из вариантов тоталитарной идеологии, служила средством подавления национальных интересов. Таким образом с ослаблением идеологического давления в полной мере обнажились и национальные интересы.

В монографии С.В. Чешко «Распад Советского Союза. Этнополитический анализ»² основной акцент при исследовании причин распада СССР делается на анализе идеологических процессов в советском обществе. Основной тезис научно-аргументированной системы взглядов автора состоит в том, что наряду с объективными факторами, способствовавшими центробежным тенденциям, главную роль в распаде СССР сыграли действия российских радикалов во главе с Б.Н. Ельциным, активно «подрывавших» союзную власть и поддерживавших националистов-сепаратистов в других республиках. Решающую роль в этом процессе сыграл этнонационализм, возвращением которого на протяжении десятилетий занималось советское государство. В основе этого альянса российских радикалов и республиканских националистов, его антикоммунистической и националистической идеологии лежали исключительно прагматические цели — перераспределение власти и собственности.

¹ См. например: Национальная политика России. — М., 1997. — С.321-332.

² Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. — М., 1996.

Фундаментальный вклад в изучение как истории советского общества, так и в осмысление предпосылок современных этнополитических конфликтов вносят исторические исследования Н.Ф. Бугая, анализирующие этнические депортации в 40-х — начале 50-х гг.¹

Вышедшая на Западе монография известного историка и этнографа, а также экс-министра по делам национальностей В.А. Тишкова «Ethnicity, Nationalism and conflict in and after the Soviet Union» («Этничность, национализм и конфликты до и после распада Советского Союза»)² представляет собой анализ этнополитической ситуации с конца 80-х по конец 90-х гг. Вовлекая в научный оборот обширную базу источников, среди которых немаловажное значение имеет личный архив автора, Тишков приходит к выводу о том, что на постсоветском пространстве «этничность» играет многогранную роль: это и наиболее доступная основа для политической мобилизации, и средство для удержания власти в трансформирующемся обществе, и способ компенсации моральных травм, нанесенных индивидам и группам в период существования СССР. Работа уникальна также в связи с тем, что здесь впервые дана достаточно полная характеристика чеченского кризиса, основными причинами которого, по мнению исследователя, стали амбиции лидеров и высокомерие участников конфликта.

В то же время известный политолог К.С. Гаджиев в монографии «Геополитика Кавказа» акцентирует внимание на особенностях геополитических концепций каждого государства и общих тенденциях геополитических амбиций государств этого региона. В данной работе предпринята попытка комплексного

¹ Бугай Н.Ф. Депортация народов в СССР: история и современность // Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации. — М., 1993.; Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно вашему распоряжению...». — М., 1995.

² Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and conflict in and after the Soviet Union. — Lon., 1997.

исследования важных геополитических проблем, подчеркивается влияние на стабильность в регионе фактора становления новых государств и влияние России на постсоветском пространстве.

Генерал-майор КГБ, заместитель начальника Второго управления КГБ В.С. Широнин в книге «Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки» выдвигает весьма оригинальную версию распада советского государства¹. Автор приводит факты, свидетельствующие о высокой степени вмешательства во внутривнутриполитическую жизнь страны зарубежных правительственных, неправительственных организаций, а также спецслужб. Основной вклад в дезинтеграцию СССР, по его мнению, сыграли народные фронты, инспирированные и поддерживаемые из-за рубежа.

Рассмотрение исследователями вопросов урегулирования этнополитических конфликтов с точки зрения теории и практики проведения военных операций, направленных на прекращение вооруженного конфликта и восстановление стабильности в территориальных рамках текущего противостояния, как правило, отвечает четким задачам военно-стратегического характера и не выходит за границы проблематики осуществления миротворческой операции как таковой. Так, в работе «Россия (СССР) в локальных войнах»² авторы заостряют внимание на достижении военно-политических целей, масштабах противоборства и потерях в живой силе и технике при осуществлении полномасштабных войсковых операций. При этом вопросы этнополитического характера, устранения последствий конфликта и установления мирного политического диалога выходят из поля зрения исследователей.

¹ Широнин В.С. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. — М., 1996.

² Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / Под. общ. редакцией В.А. Золотарева. — М., 2000.

Работа А.Г. Здравомыслова «Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве»¹ представляет собой продолжение его книги «Социология конфликта». Анализируя межнациональные конфликты, автор подводит читателей к необходимости перехода к рефлексивной национальной политике, определяемой по-новому с каждым изменением политической ситуации. Обоснование такой политики состоит в предложенной релятивистской теории национальных сообществ. Исследователь уделяет анализу конфликтов как таковых недостаточное внимание, сосредотачиваясь на рекомендациях в сфере практического осуществления общегосударственной национальной политики.

Учебно-методологический характер носят работы А.Г. Здравомыслова², М.О. Мнацаканяна³ и М.М. Лебедевой⁴. Они характеризуются последовательным изложением теории конфликтов, методов их урегулирования на национальном и международном уровнях.

Рассмотрение данной темы невозможно без привлечения исследований в области этнопсихологии и социальной психологии. Теоретические работы таких классиков, как Г. Лебон⁵, В. Райх⁶, Х. Ортега-и-Гассет⁷, заложили основы данного рода исследований, выявив закономерности в поведении больших групп людей. Привлечение данной теоретической базы представляется целесообразным в силу того, что бихевиористский параметр конфликта является одним из основополагающих при изучении этнического противостояния.

¹ *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. — М., 1997.

² *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта. — М., 1996.

³ *Мнацаканян М.О.* Этносоциология: нации, национальная политика и межнациональные конфликты. — М., 1997.

⁴ *Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов. — М., 1997.

⁵ *Лебон Г.* Психология народов и масс. — С-Пб., 1995.

⁶ *Райх В.* Психология масс и фашизм. — С-Пб., 1997.

⁷ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М., 2001.

Наиболее фундаментальной монографией по интересующему нас «конфликтному» аспекту межнациональных отношений является работа Г.У. Солдатовой¹. На основании теоретического анализа и масштабных эмпирических исследований автор анализирует факторы и закономерности динамики межэтнической напряженности, рассматривает возможные пути ее снижения. Уделив особое внимание межэтническим отношениям на Северном Кавказе и определив основные направления массовой активности проживающих в этом регионе этносов, Г.У. Солдатова предлагает упреждающие конфликтные ситуации «этнотерапевтические» действия.

Для рассмотрения данной проблемы необходимо обращение и к правовым аспектам межнациональных отношений. Это объясняется в первую очередь тем, что несоответствия и пробелы в законодательстве демонстрируют явные противоречия между субъектами правоотношений и создают предпосылки для дальнейших конфликтов. Наиболее полная картина «конфликта законов» на примере России отражена в монографии И.А. Умновой «Конституционные основы современного российского федерализма»². В ней рассматриваются основные вопросы становления и функционирования конституционных основ российского федерализма, анализируются положения Конституции РФ, конституционных актов, внутрифедеральных договоров, конституций и законодательства субъектов РФ, а также решений Конституционного суда. Результатом проведенного исследования стал вывод о том, что российская модель федерализма имеет в значительной степени переходный характер. В ней сочетаются централизация и децентрализация, дуалистические и кооперативные отношения. О неустойчивости отечественной формулы федерализма свиде-

¹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности.—М., 1998.

² Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. — М., 1998.

тельствуется также попытка найти компромисс между асимметрией и принципом равноправия субъектов РФ, между национальным и территориальным принципами структурирования федерации. Повышение эффективности российской модели федерализма видится в преодолении асимметрии как источника конфликтности в федеративных отношениях. Устранение препятствий в этом направлении в немалой степени обусловлено успехом в снятии тех противоречий, которые вызваны как объективными причинами временного характера, так и искусственно созданными барьерами, ликвидировать которые вполне реально.

Четкое разграничение источников и научной литературы, относящейся к данной проблематике, вызывает некоторое затруднение. Так, мемуары политических деятелей (М.С. Горбачева¹, А.Н. Яковлева², Н.И. Рыжкова³, Н.А. Назарбаева⁴) содержат не только важные исторические факты, но и нередко тенденциозные по тем или иным вопросам суждения, которые, в свою очередь, могут в какой-то степени объяснить логику действий данного политического лидера. В гораздо большей степени это относится к воспоминаниям бывших работников советских и российских спецслужб (П.А. Судоплатова⁵, В.С. Широнова⁶), а также военачальников, принимавших участие в вооруженных конфликтах на территории Чечни (Г.Н. Трошева⁷). Эти работы помимо уникального фактиче-

¹ Горбачев М.С. Декабрь-91. Моя позиция. — М., 1992.

² Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. — М., 1991.

³ Рыжков Н.И. Перестройка: история предательств. — М., 1992.

⁴ Назарбаев Н. Без правых и левых. — М., 1991.

⁵ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М., 1996.

⁶ Широнов В.С. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. — М., 1996.

⁷ Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. — М., 2001.

ского материала представляют собой вполне сложившуюся систему взглядов на интересующие нас вопросы.

Научно-практическая конфликтология представляет собой в настоящий момент активно развивающуюся область исследований, ставящих задачей нахождение парадигмы разрешения этнополитических противоречий. При этом большинство авторов заостряют внимание именно на роли России как основного игрока на геополитической карте постсоветского пространства.

Работа «Государственная политика России в конфликтных зонах»¹, подготовленная Центром этнополитических и ставляет собой одну из наиболее полных разработок в этой сфере. Авторский коллектив акцентирует внимание на проблеме выработки государственной политики, направленной на предотвращение, локализацию, урегулирование и ликвидацию последствий региональных конфликтов.

К области прикладной конфликтологии можно отнести работу А.И. Никитина «Миротворческие операции: концепция и практика»², где заостряется внимание на подходах ключевых международных организаций и объединений (ООН, ОБСЕ, ЕС, ЗЕС, НАТО, СНГ) к организации и проведению миротворческих операций в конфликтных зонах. Автор обращает внимание на практику операций в СНГ в сопоставлении с международными принципами и стандартами миротворческой деятельности, выделяя при этом роль РФ как ключевую.

Необходимо отметить также появление в последнее время работ, носящих прикладной характер и ставящих своей целью выявление на основе казуального метода (case study) адекватных методов урегулирования каждого из конфликтов. Одним из наиболее фундаментальных исследований данного типа является монография В. Тишкова «Общество в воору-

¹ Государственная политика России в конфликтных зонах. — М., 1994.

² Никитин А.И. Миротворческие операции, концепция и практика. — М., 2000.

женном конфликте. Этнография чеченской войны»¹. В основу работы положено более 100 интервью с участниками событий (политическими деятелями, чеченскими боевиками, представителями всех слоев чеченского общества). В книге нашли свое отражение как характер режима в этом регионе и формирование идеологии национализма и этносепаратизма, так и анатомия эскалации насилия. По мнению автора, самое полное самоопределение возможно и должно быть обеспечено Чечне, включая государственный статус республики и высокую степень самостоятельности внутреннего управления.

В зарубежной советологии по истории национального вопроса особое место занимают монографии Б. Нахайло и В. Свободы «Soviet Disunion. A History of Nationalities Problem in the USSR» («Развал Союза. История национальных проблем в СССР») и монография Г. Смита «The Nationalities Problems in the Soviet Union» («Национальные проблемы в Советском Союзе»)». В практически аналогичных исследованиях этнические проблемы и их роль в дезинтеграции государства просматриваются на протяжении истории России — СССР вплоть до последних лет перестройки.

Западные работы, посвященные этническим конфликтам на постсоветском пространстве, представляют значительный интерес уже в силу того, что теоретическая и прикладная конфликтологическая проблематика активно разрабатывается на протяжении многих лет. Существующая и уже апробированная методология исследования, а также опыт изучения и описания этнополитических конфликтов на других территориях позволили исследователям приблизиться к пониманию природы конфликтов в СНГ и определению путей их урегулирова-

¹ *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. — М., 2001.

² *Nahaylo B., Swoboda V.* Soviet Disunion. A History of Nationalities Problem in the USSR. — Lon., 1990.

³ *Smith G.* The Nationalities Problems in the Soviet Union. — Lon., 1990.

ния. В то же время следует иметь в виду, что многие исследования западных советологов подчас носят идеологически ангажированный характер и не всегда объективны в оценках.

Для определения причин этнополитических конфликтов и противоречий в современном мире профессор Гарвардского университета С. Хантингтон выдвинул концепцию глобального кризиса цивилизации. Сутью кризиса, по его мнению, является культурная несовместимость народов прежде всего еврохристианской и азиатско-мусульманской цивилизаций. Если посмотреть на конфликты последних десятилетий, то нетрудно заметить, что цивилизационный компонент играет немало важную роль. Ярким подтверждением этой теории являются конфликты в Боснии между православными сербами, с одной стороны, и хорватами и мусульманами с другой, а также арабо-израильские конфликты, где столкновение идет между иудаизмом и различными версиями ислама¹.

Значительный интерес представляет собой концепция, выдвинутая экс-советником по национальной безопасности при президенте США Д. Картере (1977 — 1981 гг.) известным советологом З. Бжезинским в своей книге «Большая шахматная доска». Автор приходит к выводу о существовании такой территориальной субстанции, как «Евразийские Балканы», являющейся центром столкновения геополитических интересов многих государств. «Евразийские Балканы» представляют собой значительно больший по территории, более дезинтегрированный в силу полиэтничности населения и различий в религиозном и культурном плане регион, чем Балканы реальные. Кроме того, Бжезинский указывает на то, что в связи с распадом СССР, влияние которого в этом регионе было определяющим, образовался «вакуум силы», что еще более способствует растущей нестабильности в этом регионе². В своей работе, написанной семь лет спустя, американский геополити-

¹ *Huntington S.P. The Clash of Civilizations p/ The International System after the Collapse of the East-West Order. — N.-Y., 1994.*

² *Brzezinski Z. The Grand Chessboard. — N.-Y., 1997. — P. 123-150.*

тик, продолжая размышлять над перспективами этого региона, прогнозирует, что усилия по стабилизации «Евразийских Балкан» будут происходить еще несколько десятилетий. При этом прогресс в лучшем случае будет постепенным и уязвимым для серьезных рецидивов насилия¹.

Иной подход к данной проблеме предлагает швейцарский историк Урс Альтерматт, рассматривающий «этнополитическую нестабильность» в Восточной Европе в контексте общеевропейской тенденции формирования национальных государств. Национально-ориентированное стремление к созданию независимых государств имеет переходный характер развития самого крайнего восточного региона Европы².

Взгляды У. Альтерматта частично разделяет Эрнест Геллнер, полагающий, что события конца XX века в Восточной Европе («четвертый часовой пояс» соответствует исторической «задержке» событий, пережит в Западной Европе в более ранние периоды) являются продолжением процесса образования национальных государств, происходивших в Западной Европе начиная со времени Французской революции 1789 года. Геллнер полагает, что историческое развитие обусловлено переходом от одного типа связи культуры и власти к другому таким образом, что национализм в Европе возникает от стандартизации и соединения национальной культуры и власти в условиях индустриализма — «политические единицы обретают четкие очертания, совпадающие с единицами культур. Каждая культура требует себе политической крыши, и принципом легитимизации государственной власти становится охрана интересов данной культуры (и обеспечение экономического роста)»³. Данная теория, возможно, во многом объясняет те процессы, которые происхо-

¹ Brzezinski Z. Exsept from «The Hegemonic Quicksand» // In The National Interest. — 24.02.2004.

² Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. — М., 2000. — С.73, 78-79.

³ Геллнер Э. Пришествие национализма // Нации и национализм/ Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. — М., 2002. — С. 198.

дят в России в начале XXI века, когда официальная власть активно позиционирует себя как связанную именно с русской культурой, религией и традициями.

Широко распространена «антиимперская» концепция, которая обобщает сложившуюся ситуацию после распада колониальной системы: обретение независимости стало мощным стимулом к национальным движениям и националистическим идеологиям. Однако нации, встав на путь приобщения к мировой культуре, оказались перед дилеммой: либо раствориться в достижениях современной цивилизации (модернизация), либо сохранить свою самобытность с помощью национализма (изоляциялизм). Возникающие на подобной почве конфликты характерны для многих стран третьего мира. Прежде всего это африканский континент (53 государства), где с 1970 года произошло более 30 войн и конфликтов, преимущественно внутренних.

Ключевой слабостью СССР как сильного государства была неспособность к легитимности правящего режима, полагает философ и футуролог Френсис Фукуяма, подчеркивая, что отсутствие легитимности власти в данном случае выразилось прежде всего в кризисе на уровне идей. В то же время этносы в СССР «нуждались в признании» собственной уникальности и самостоятельности, которая была нивелирована в условиях авторитарного режима¹.

Этнополитическая напряженность и территориальные конфликты на постсоветском пространстве рассматриваются в контексте взаимодействия макро- и мини-систем и как повторение в масштабах мини-империи процессов, произошедших в рамках макроимперии. Таким образом, распад СССР вызвал аналогичные процессы в республиках, в силу того что республики по своей политической системе повторяли союзную модель².

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек.-М., 2004. —С. 47.

² Бестужев-Лада И.В. Альтернативная цивилизация.- М., 1998 — С.198-199.

Представленные выше точки зрения на глобальные причины и предпосылки межнациональных конфликтов имеют, бесспорно, под собой фактическую основу, но в то же время в основном акцентируют внимание на отдельных мотивах социального действия.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что к настоящему времени существует достаточно обширная база в научной и научно-практической области урегулирования этнополитических конфликтов в СНГ, однако малоразработанной областью остаются различные аспекты становления миротворческой деятельности РФ в зонах конфликтов. Степень проработанности темы дает возможность дальнейшего продвижения по пути как обобщения, так и детализации материала. При этом, учитывая опыт изучения темы, следует отметить, что необходим системный, с точки зрения привлечения различных научных дисциплин, а не предметный подход в исследовании материала.

Имеется достаточно обширная база источников для исследования в этой области. Представляется целесообразным сгруппировать документальные источники в несколько категорий.

1. Документы СССР представлены договором об образовании СССР, отдельными союзными законами, постановлениями, указами, материалами съездов народных депутатов СССР, Верховного Совета (ВС) и Президиума ВС. Некоторые документы КПСС также включены в эту группу, поскольку вплоть до ее роспуска в 1991 году она представляла собой важнейшую государственную структуру. Сюда отнесены также официальные документы советского государства до образования СССР. Работа с этой группой позволяет отразить историю межэтнических отношений в Советском Союзе, идеологическую базу проведения национальной политики, роль различных государственных структур в процессе ее непосредственного осуществления.

2. Документы России. Они представлены Конституцией РФ, федеративным договором, федеральными законами, конституциями республик в составе РФ, другими нормативно-правовыми актами. Данные нормативные акты в полной мере отражают развитие российского федерализма на современном этапе. Анализ этих источников позволяет выявить противоречия и пробелы как в Основном законе России, так и в республиканском законодательстве.

3. Документы стран СНГ. В эту категорию вошли Договор об образовании СНГ, законы стран СНГ, а также международные договоры, указы и заявления высших лиц СНГ. Совокупность данных источников позволяет охарактеризовать развитие стран СНГ на современном этапе, показать существующие тенденции в разрешении межэтнических конфликтов и проблем коллективной безопасности стран СНГ.

4. Международное право. Эта группа представлена документами ООН, СБСЕ/ОБСЕ, международными конвенциями, материалами международных встреч и конференций. Данные правовые акты представляют значительный интерес по той причине, что наглядно демонстрируют существующую правовую основу для действий международных организаций в процессе урегулирования конфликтов.

5. Конституции зарубежных стран. Данная группа нормативных актов дает основу для проведения сравнительного анализа между основными законами зарубежных стран и Конституцией РФ, а также для выявления позитивного опыта зарубежного законодательства в развитии правовой базы федеративных отношений.

6. Статистические сборники и хроники¹. Данная группа представлена переписями населения СССР, а также статистическими материалами в отношении беженцев. Кроме того,

¹ Абхазия: хроника необъявленной войны 14.8-14.9 1992. — М., 1992; Хроника НКАО: февраль 1988 — февраль 1990. — Баку. 1990; Северная Осетия. Этнополитические процессы. 1900 — 1994. Очерки. Документы. Хроника. — М., 1994.

сюда могут быть отнесены отчеты Worldwatch Institute о мировых конфликтах. Такого рода источники позволяют выявить фактологическую основу этнополитических конфликтов, численность этнического населения в регионах повышенной напряженности, количество беженцев и жертв конфликтов.

Большой фактический материал содержат газетные и журнальные статьи информационного характера.

Таким образом можно констатировать, что имеется довольно обширная источниковая база для работы в рамках данного исследования. Подбор источников обусловлен в первую очередь тем, что в настоящей работе основной акцент будет сделан на анализе политических действий сторон в кризисной этнополитической ситуации. При этом тема работы предусматривает рассмотрение довольно широкого круга вопросов, так как этнополитические процессы можно рассматривать с позиций различных социальных наук и прикладных дисциплин.

Исходя из вышесказанного, целью настоящей работы являются анализ и выявление этапности развития методов урегулирования Россией этнополитических конфликтов на территории СНГ, обобщение наиболее характерных факторов успешного урегулирования.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи.

1. Проанализировать динамику накопления межэтнических противоречий, приведших при отсутствии адекватных и своевременных действий со стороны центра к военным действиям в некоторых регионах бывшего СССР.

2. Охарактеризовать этнополитическую ситуацию в отдельных регионах постсоветского пространства, делая акцент на процессе становления политических систем, внутриполитической борьбе, росте напряженности в национальных отношениях, выявить общие тенденции развития региональных конфликтов и пути их разрешения.

3. Проанализировать опыт России в проведении миротворческих операций и попытаться определить закономерности и специфику развития российской прикладной конфликтологии.

4. Выделить и оценить значение наиболее результативного урегулирования конфликтов.

5. Определить наиболее адекватные превентивные механизмы предотвращения открытых конфликтов.

Предметом исследования является становление миротворческой деятельности России в зонах этнополитических конфликтов в СНГ. Выбор этнополитических конфликтов обусловлен следующими категориями: открытое вооруженное противостояние сторон, длительная временная протяженность, осуществление миротворческих операций в зонах протекания конфликтов.

В методологическую основу диссертации положена совокупность общенаучных и конкретно-исторических принципов. При решении поставленных в работе целей и задач автор использовал прежде всего основные принципы исторического исследования: историзм, объективность, системный подход, научный анализ фактических данных, методы сравнительно-исторического анализа, комплексность подхода к объекту исследования.

ГЛАВА I. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В СССР И НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

§1. Понятийный аппарат этнической конфликтологии

Терминологическое определение этнополитического конфликта находится в настоящее время на этапе научного осмысления. Существует несколько наиболее распространенных в современных социальных науках определений. Так, В.А. Тишков полагает, что «этнический конфликт — это конфликт с определенным уровнем социального противодействия, организованного политического действия, общественных движений, массовых беспорядков, сепаратистских выступлений и даже гражданской войны, в которых противостояние происходит по линии этнической общности¹». Заметим, что вышеприведенная характеристика сужает границы идентификации конфликта, так как предполагает существование взаимных претензий по «этнической линии». Следовательно, она не может быть применена к конфликтам сепаратистского типа, где только одна из сторон выдвигает требования этнополитического толка.

Наиболее точную трактовку исследуемого феномена предлагает, на наш взгляд, Н.П. Настасюк: «Социальный конфликт тогда приобретает свойства этнического, когда его субъектами становятся группы людей, отождествляющие себя по этническим характеристикам... Этническая общность определяет сущность и динамику конфликта, когда этнические различия

¹ Тишков В. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. — 1993. — № 4. — С. 6.

сознательно и неосознанно используются для того, чтобы охарактеризовать противостоящих действующих лиц в конфликтах»¹.

Широко распространен также взгляд на этнический конфликт как на «этнически окрашенный» ньюсмейкерами и масс-медиа социальный конфликт, где в действительности только одна из проблем существующей конфронтации носит сугубо этнический характер. В связи с этим А. Клинке, О. Ренн и Ж.-П. Ленер полагают, что «этнические конфликты имеют несколько объектов конфликта и конфликтных зон практически в каждом случае»².

Вышеозначенная тенденция в конфликтологии находит свое радикальное продолжение в рассмотрении этнического конфликта как остаточного явления других социальных конфликтов, вплоть до отрицания самого феномена: «То, что стало называться этническим конфликтом, не более и не менее, чем борьба за государственную власть»³.

Одним из показателей потенциального этнического конфликта является появление напряженности в межнациональных отношениях. Напряженность при этом возникает как на межличностном, так и на межгрупповом уровне. Центральным психологическим элементом этнического самосознания и идентичности при напряженности в межэтнических отношениях является возникновение оппозиции «Мы — Они»⁴.

¹ *Настасюк Н.П.* Геополитические факторы возникновения и развития этнических конфликтов (на примере Приднестровья) // Автореф. дис. ... канд. полит. наук. — СПб., 1994. — С. 10.

² *Klinke A., Renn O., Lehnert J.-P.* Ethnic Conflict and Cooperation Among and Within States // *Ethnic Conflict and Civil Society: Proposal for a New Era in Eastern Europe.* — P.16.

³ *Lipshutz R.D.* Seeking a State of One's Own: an Analytical Framework for Assessing Ethnic and Sectarian Conflicts // *The Myth of «Ethnic Conflict»: Politics, Economics and «Cultural» Violence/* Ed. by B. Crawford and R. Lipshutz. — Beverly, Cal., 1998. — P.54-55.

⁴ См. например: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983, Levine R.A., Campbell D.T. Ethnocentrism: Theories of conflict, Ethnic Attitudes and Group Behavior. — N.—Y., 1972.

Причина данного противостояния лежит в глубоких различиях, существующих между психологическим складом разных народов. Они чувствуют, рассуждают и действуют совершенно различно, а приходя в соприкосновение друг с другом, находят разногласия практически по всем вопросам¹. Однако не меньшее значение имеет и воображаемый конфликт (при отсутствии причин для открытого конфликта) интересов между двумя автономными группами (происходящий из далекой или близкой истории взаимодействия этих групп, а подчас навязываемый политическими антрепренерами). Воображаемый конфликт интересов также приводит членов группы (этноса, нации) к закреплению мысли о существовании непреодолимых противоречий и различий между ними и членами другой группы². Более того, воображаемый конфликт интересов может прямо влиять на проявления агрессии и соответственно насилия по отношению к членам другой группы. Данный факт был экспериментально подтвержден исследованиями взаимоотношений между представителями одного вероисповедания: ультраортодоксальными и неортодоксальными евреями, проживающими по соседству в Иерусалиме.

Понятие «напряженность» имеет прежде всего психологическое содержание и связано с возникновением стрессовых ситуаций в жизни индивида. Широкое использование конфликтологами, социологами, политологами и политическими деятелями термина «напряженность» стало отражением реальных событий, своего рода характеристикой сложного социального положения современного общества, показателем неблагоприятного состояния межнациональных отношений.

Понятие «напряженность» имеет прежде всего психологическое содержание и связано с возникновением стрессовых ситуаций в жизни индивида.

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. — С-Пб, 1995. — С. 140.

² Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. — С-Пб, 1998. — С. 217.

К основным параметрам межнациональной напряженности относятся:

- политические индикаторы: наличие в регионе разногласий между политическими организациями в области межнациональных отношений, признание наличия такого рода проблем, требующих обязательного решения, существование разногласий и конфронтации по политическим вопросам национальных отношений;
- социальные индикаторы: негативная оценка положения своего региона по сравнению с другими регионами, а также при похожей ситуации в сравнении с возможным идеальным вариантом;
- кросскультурные индикаторы: отрицательная оценка состояния языка, культуры, религии как своей, так и другой нации, национальной, этнической группы;
- психологические индикаторы: отрицательная оценка межнациональных отношений, наличие при этом неудовлетворенности, беспокойства, опасения и страха.

Для выявления напряженности, а следовательно, для демонстрации наличия латентного национального конфликта следует учитывать действие следующих факторов:

- анализ реального состояния межнациональных отношений;
- определение конфликтогенных точек;
- оценка состояния межнациональных отношений прежде всего на уровне индивидов, национальных и этнических групп, политических организаций, властных региональных структур;
- анализ общих установок и основных программ политических сил по конфликтным проблемам межнациональных отношений;
- определение возможностей (объективных и субъективных) в решении конфликтных проблем межнациональных отношений¹.

¹ Сулимова Т.С. Напряженность как показатель конфликтности в межнациональных отношениях // Мир психологии. — 1997. — № 2. — С. 100-107.

Открытому этапу межнационального конфликта предшествует конфронтация по конкретным обострившимся противоречиям, которые составляют конфликтогенные точки. Можно констатировать наличие у конфликтующих сторон следующих требований: суверенитета, автономии, независимости, территориальных претензий, представительства во властных структурах и гарантий сохранения и развития этнической, национальной самобытности и т. п. Именно эти проблемы являются источником напряженности в межнациональных отношениях.

Усиление напряженности, ведущее к развитию открытого конфликта, является, по существу, ключевым моментом для провоцирования конфронтации со стороны политических антрепренеров. Технология же, как правило, сводится к следующей схеме:

- начальная подготовка общественного мнения к конфликту (расширение проблем взаимоотношений и сосуществования в регионе проживания, раскрутка в СМИ информационных поводов случаев бытовой межэтнической неприязни, изменение пропорциональных размеров межэтнических проблем, а также характеристик противника, что ведет к изменению восприятия¹);
- создание провокационной ситуации и (или) проведение экстремистской или террористической акции на собственный этнос силами противника;

¹ Изменение восприятия индивидуумами и группами при изменении «пропорций объекта» (увеличение угрозы противника путем заведомо ложного искажения его характеристик: численности, эмоциональной «окраски», личностных качеств представителей данной национальности) характерно как для социотехнологий, так и для индивидуальной реакции человека в случае визуального изменения пропорций путем изменения цвета // Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства: В 2 т. — М., 2001. — Т.2. — С. 287.

В связи с этим максимальный эффект достигается, по-видимому, при интеграции пропаганды и визуального изображения (агитационно-пропагандистские материалы, видеосюжеты).

- актуализация конфликта в общественном мнении: превращение произошедшей акции в *cause celebre*¹ и использование в дальнейшем как повод для эскалации насилия.

В международной практике различаются три типа разворачивания конфликтов, соответствующих конечному результату при столкновении участников противоборства. Если интересы сторон полностью противоположны, то есть реализация интересов одного участника означает, что интересы другого не будут реализованы вообще, то такие конфликты называются конфликтами с нулевой суммой. В них «выигрыш» одной стороны точно равен «проигрышу» другой, а в итоге сумма «выигрышей» оказывается нулевой. Территориальные и статусные конфликты описываются обычно ситуацией, близкой к нулевой сумме. Конфликт с ненулевой суммой — это ситуация, в которой интересы сторон не являются полностью противоположными, поэтому «выигрыш» в принципе возможен. Конфликт с отрицательной суммой — ситуация, при которой все участники оказываются в «проигрыше». Гипотетическим примером этого вида конфликта может служить глобальная ядерная война².

Определением же такой категории, как «победа», в этнополитическом противостоянии в метафорическом смысле является Ника, персонифицировавшая победу в эллинском мире именно в том виде, в котором Ника Самофракийская³ сохранилась до нашего времени как обезглавленная крылатая богиня.

Говоря о современных этнических конфликтах, происходящих в различных точках мира, необходимо выделить несколько направлений, по которым и разворачиваются конфликты, а также мотивы, ведущие к их эскалации.

¹ *cause celebre* — фр.—громкое дело.

² *Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов. — М. 1997. — С. 33-34.

³ *Ника Самофракийская*, Греция, 4 в. до н.э., Париж, Лувр.

Прежде всего это конфликт, развивающийся по линии центр — объект — субъект, где в качестве объекта выступает территория проживания определенного этноса. Это, как правило, конфликт, носящий сепаратистский характер (сецессионный конфликт). В ходе его развития усиливаются центробежные тенденции, вызванные прежде всего кризисом власти в определенном регионе, и усиливается самоидентификация этноса или амбиции лидеров нации, приводящие к обоснованию необходимости государственной самостоятельности. Ключевой проблемой при разрешении подобного типа конфликта для теоретической и прикладной конфликтологии является вопрос о соотношении понятий территориальной целостности государства и права наций на самоопределение¹.

Наиболее часто применяемая отделяющимся субъектом аргументация в пользу сецессии сводится к актуализации национальной идеи, самозащиты и сохранения культуры. В более частных случаях могут присутствовать и дополнительные доводы, заключающиеся в необходимости исправления прошлых несправедливостей и избежания дискриминационного перераспределения. Последняя мотивировка характерна, например, для сепаратистов Прибалтики и Средней Азии, протестовавших против экономической политики московского правительства, которая приносила выгоду остальной стране в ущерб развитию регионов.

Следует отметить и менее острую форму сецессионного конфликта — статусный конфликт. В его основе — противоречия между центром и субъектом по поводу расширения административно-управленческих полномочий или более полной экономической самостоятельности. Этот конфликт не характеризуется перерастанием в военное противостояние в случае его урегулирования на стадии именно статусного конфликта, а не сецессионного.

¹ Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. — М., 2001. — С. 34.

Второй тип конфликта развивается по линии истец — объект — ответчик: обычно он вызван территориальными или иными претензиями одного этноса к другому. В этом случае толчком к конфликту из-за территории служит возрастающая на данный момент национальная или конфессиональная неприязнь, подогреваемая зачастую амбициями национальной элиты.

На постсоветском пространстве это уже прошедшие открытую военную стадию армяно-азербайджанский конфликт, где объектом является территория Нагорного Карабаха, осетино-ингушский конфликт из-за территории Пригородного района.

Среди конфликтов, находящихся на данный момент в латентном состоянии, можно выделить следующие. Конфликт между Киргизией и Таджикистаном, где спорной территорией является анклав Ворух в Баткенском районе Киргизии — зона компактного проживания этнических таджиков с наличием единственной транспортной магистрали, соединяющей Ляйлякский район Таджикистана с остальной частью страны; конфликт между Киргизией и Узбекистаном, в основе которого лежат притязания Киргизии на анклав Сох на территории Узбекистана, являющийся территорией проживания этнических узбеков и одновременно зоной контроля над транспортными магистралями в западной части Киргизии.

Такая классификация вполне приемлема, хотя в реальном конфликте суть противостояния невозможно сузить до территориальных претензий или проблемы государственности. Рассматривая конкретные конфликты в современном мире вокруг, например, чисто территориальной проблемы, можно выделить еще несколько факторов, способствующих разрыванию конфликта и служащих преградой к его урегулированию. Более того, по утверждению С. Хантингтона, в большинстве современных межэтнических войн стороны определяют противника не как локальную этническую группу, а как представителей другой цивилизации. Подъем общего же

«цивилизационного» ресурса той и другой стороной усиливает мотивацию, интенсивность и масштаб конфликтов¹.

Говоря об общей модели территориально-этнических притязаний и конфликтов, можно выделить несколько фаз их развития.

1. «Потенциальное притязание». Наличие поводов, оснований для притязания на данную территорию, но отсутствие на данный момент субъективных предпосылок и территориально-государственного самосознания. Здесь речь идет в основном о пограничных коридорах шириной в несколько десятков километров или о разбросанных повсюду «пятнах» этнического расселения.

2. «Латентное притязание». Переход в эту фазу характерен тем, что об определенной территории начинают говорить как о «своей». Для нее характерны неявность, безадресность и непубличность притязаний, выражающиеся в самой постановке вопроса о том, что данная территория спорна.

3. «Открытые притязания — латентный конфликт». Претензия выдвигается публично, хотя и не обязательно имеет конкретный адрес. Реакция второй стороны на стадии латентного конфликта не является отчетливо выраженной. Это могут быть замалчивание проблемы, выдвижение контраргументов и обоснование справедливости статус-кво, или «нападение». Последнее укладывается в две основные схемы: выдвижение ответных претензий «истцу» — для баланса либо выдвижение претензий третьей стороне с целью вовлечения в назревающий конфликт как можно большего числа участников и обеспечения всеобщего стремления к сохранению существующего положения. Таким образом, может возникать цепная реакция, вовлекающая все новые территории и связанная либо со встречными, либо с упреждающими претензиями. Сложившаяся конфликтогенная обстановка предопределяет начало

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М., 2003. — С. 440.

влияния «brinkmanship»¹ на многие сферы внешнеполитической деятельности и социально-политической жизни региона, тем самым еще больше усиливая и накапливая напряжение.

4. «Открытый конфликт». Данная стадия предполагает активное участие сторон, как правило, двух-трех, реже четырех. Схема истец – объект — ответчик на этой стадии несколько усложняется, так как объект выступает не как незаселенная территория, а само население является активным участником конфликта, занимая или позицию одной из сторон, либо выступая самостоятельно, требуя независимости.

Кроме того, в развитии конфликта можно выделить еще несколько завершающих стадий.

5. Тупиковая ситуация, возникающая в ходе развертывания конфликта, характеризуется саморазрушающим воздействием, так как конфликт проникает во все структуры и отношения, наблюдается доминирование конфликта в сознании сторон над всеми иными отношениями.

6. Осознание тупиковости сложившейся ситуации само по себе представляет «политическую» и психологическую проблему (подчас разочарование сторон в результатах применения насильственных мер) — поиск новых подходов (осмысление необходимости политических мер) — смена лидеров конфликтующих сторон.

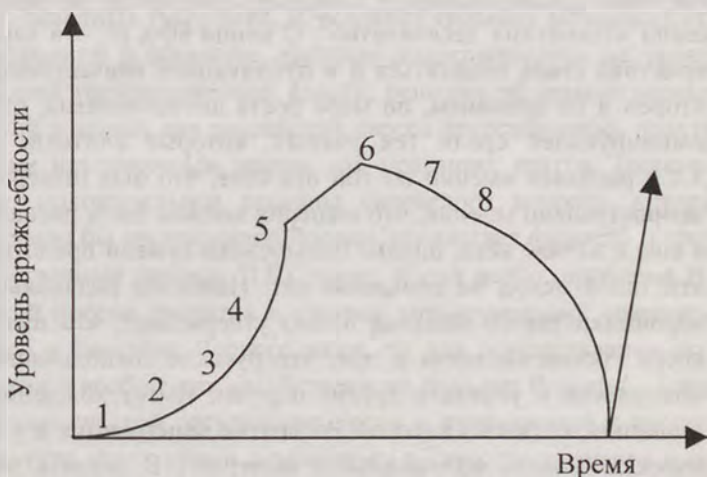
7. Переосмысление, переформулировка собственных интересов с учетом опыта тупиковой ситуации (военных действий) и понимание интересов противостоящей стороны — попытка нахождения консенсуса в ходе переговоров. Этот этап является наиболее затяжным по временным характеристикам.

8. Новый этап социального взаимодействия (возможен при ситуации ненахождения консенсуса, новый виток конфликта, причем проходящий первые стадии за более короткий срок).

¹ По нашему мнению, brinkmanship — наиболее емкое категориальное определение данной стадии конфликта (пер. — грань войны).

Обобщенную схему развития конфликта с учетом примерных временных рамок целесообразно, по нашему мнению, представить в виде графика:

Динамика развития конфликта

Несомненно, что в каждом конкретном случае динамика развития имеет свою кривую изменений, выражающуюся во временном различии латентных и открытых фаз, а также степени эскалации и деэскалации конфликта. Противоборство может усиливаться как по горизонтали (вовлечение новых участников, появление новых проблем спора или дифференциация тех вопросов, по которым уже велся спор), так и вертикали (эскалация).

Таким образом, этнические конфликты могут быть описаны основными структурами (потребности и интересы сторон, уровень враждебности) и их сочетаниями. Число комбинаций определяется ресурсами сторон и длительностью фаз.

§2. Истоки и причины возникновения этнических конфликтов в СССР

«Кризис — это вечное настоящее».

Мишель Фуко¹

Определение СССР как последней колониальной империи было традиционным в западной советологии на протяжении нескольких десятилетий². С конца 80-х гг. эта характеристика стала появляться и в публикациях отечественных авторов и со временем, по мере роста антисоветизма, стала доминирующей среди тех ученых, которые считали, что СССР распался именно по той причине, что был империей. Распространено мнение, что империя должна была распасться еще в начале века, однако большевики сумели предотвратить такой исход на семьдесят лет. Наиболее радикальные сторонники такого подхода прямо утверждают, что имперскость России состояла в том, что русские господствовали политически и угнетали другие народы. Имеет хождение и концепция, согласно которой Россия не вписывается в классическую модель колониальной империи³. В связи с этим можно констатировать, что к началу Первой мировой войны Россия оставалась унитарным государством со сложной системой правовых статусов отдельных территорий и народов (Финляндия, Польша, Хива и Бухара представляли собой своего рода автономии). Политика самодержавия в национальном вопросе, положение нерусских народов были неод-

¹ Фуко М. Политика — это продолжение войны другими средствами // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью.

Ч.1 Статьи и интервью 1970-1984. — М., 2002. — С. 148.

² См. например: Pipes R. Russia's shuddering Empire. — Wash., 1989.

³ Так, В.А. Тишков утверждает, что Россия была империей «особого рода», поскольку в ней не было разделения на метрополию и колонируемую периферию, более того, она была империей за счет русского народа./ См. : В.А. Тишков. Национальность и национализм в постсоветском пространстве // Этничность и власть в полиэтничных государствах. — М., 1994. — С. 13.

нозначными по своему характеру и последствиям для этих народов. Отсутствовали сильные национальные движения, которые могли бы угрожать целостности государства¹.

Вместе с тем в начале века в России были актуализированы два национальных вопроса: еврейский и польский.

Еврейский вопрос для Российской империи состоял в существовании так называемой черты оседлости в 15 западных и юго-западных губерниях. В условиях сильных антисемитских настроений в обществе, которые поддерживались на уровне высшей государственной власти, решение об отмене ограничений в правах для российских евреев представлялось практически невозможным шагом для правящих кругов. Вместе с тем, положительное решение еврейского вопроса, которое служило бы процветанию России, предлагает философ и государственный деятель П.Б.Струве: «Если верно, проблема Великой России сводится к нашему хозяйственному «расширению» в бассейне Черного моря, то для осуществления этой задачи и вообще для хозяйственного подъема России (...) преданные русской государственности и привязанные к русской культуре евреи прямо незаменимы в качестве пионеров и посредников. Таким образом, нам, ради Великой России, нужно создавать таких евреев и широко ими пользоваться. Очевидно, что единственным способом для этого является последовательное и лояльное осуществление «эмансипации» евреев»². Однако его мнение так и осталось не услышанным агрессивно настроенной российской элитой.

Положение Царства Польского в составе Российской империи являлось важным внешнеполитическим фактором, обеспечивающим как оборонительный буфер с Западной Европой, так и связь с западными славянами в Австро-Венгрии.

¹ Придя к власти, большевики приняли в наследство национальные движения, в период же своего «триумфального шествия» они всячески поддерживали и подогревали их.

² *Струве П.Б.* Великая Россия // *Нация и империя в русской мысли начала XX века.* — М., 2004. — С. 212.

По мнению П.Б. Струве, внутренняя политика империи в Польше должна была строиться на благоустройстве польского населения и «моральной» связи Польши с Россией¹. Заметим, что сепаратистские настроения в этой части государства были всегда сильны (наиболее крупные восстания национально-освободительного характера происходили в 1794 г., 1830 – 31 гг., 1846, 1848, 1863 — 1864 гг., революционное движение 1905-1907, и именно поэтому осуществление превентивных мер для предотвращения очередного рецидива конфликта было так важно. Польский вопрос как национальный вопрос для внутренней политики России решился после занятия этой территории войсками Австро-Венгрии в ходе Первой мировой войны и последующего аннулирования со стороны Советской России договоров о разделе Польши. При этом стоит отметить, что Польша оставалась на протяжении истории советского государства одним из приоритетных направлений, об этом свидетельствуют амбициозный, но неудачный поход маршала М. Тухачевского на Варшаву в 1920 г.; секретный пакт Молотова — Риббентропа 1939 г. (по которому СССР и отошли Западная Украина и Западная Белоруссия, принадлежащие Польше после Рижского договора 1921 г.); установление и поддержка просоветски ориентированного правления после победы во Второй мировой войне. При этом определяющим аспектом для взаимоотношений Советской России с независимой Польшей с 1920 по 1939 г. было во многом оправданное представление о своем ближайшем западном соседе как об авангарде агрессивной Западной Европы и наиболее вероятном противнике в потенциальном военном столкновении. Во многом такая точка зрения обуславливалась и тем фактом, что Польша являлась, по существу, не только базой для осуществления разведывательных и диверсионных операций на территории Советской России², но и активным

¹ С. 213.

² См. Кавтарадзе С. Госбезопасность против эмиграции//«Дети фельдмаршала». Журнал стратегических оценок российской политики. — № 10. — 2000.

организатором боевых отрядов из национальной эмиграции для создания партизанских отрядов и диверсионных групп на территории СССР в преддверии крупномасштабной войны в Европе¹.

И еврейский, и польский вопросы так и остались не решенными в рамках Российской империи...

Рассмотрение этнополитических конфликтов как продукта кризиса межэтнических отношений в СССР невозможно без анализа национальной политики советского государства.

Необходимо отметить тот факт, что право наций на самоопределение было провозглашено на II съезде РСДРП и оставалось главным ее программным положением как до 1917 года, так и в первые послереволюционные годы². Возможно, что принцип самоопределения вступал и в противоречие с космополитизмом классического марксизма, однако в случае с РСДРП(б) этого противоречия по существу не было. Самоопределение выступало в качестве промежуточного средства в преодолении угнетения меньшинств и соединения классовых целей большевиков с национальными движениями, а кроме того, само освободительное движение являлось идеологически обоснованным этапом осуществления задач мировой революции³ и фактически одним из средств активизации масс на территории бывшей Российской империи. Так, сторонник идеи перманентной революции Л.Д. Троцкий прямо указывает на

¹ Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм: на службе СД и абвера: из секретных досье разведки. — М., 2003. — С. 82-89.

² Выработка марксистски ориентированных подходов к национальному вопросу характеризуется не только идеями по будущему государственному и мировому устройству, но и даже в большей степени по организации партийных ячеек и рабочего движения в национальных окраинах. В этом контексте и В.И. Ленин и И.В. Сталин прямо предостерегают от организации партии по национальному признаку, видя будущее организации как единой армии социализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т.22. — С. 223 — 230.; Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. Соч. — Т.2. — С. 290 — 367.

³ Сталин И.В. Октябрьский переворот и национальный вопрос. Соч. — Т.4. — С. 327-331.

то, что принцип национального самоопределения ведет к государственной и экономической децентрализации и сталкивается с «централизаторскими стремлениями империализма»¹, что работает на большевиков. В то же время следует вспомнить и точку зрения стратега революции В.И. Ленина, предсказывавшего стирание национальных различий и утверждение единого мирового языка, а одной из целей марксистов считавшего сближение и слияние наций². Однако, по-видимому, в период революции и Гражданской войны возобладало более «практичное использование» национального вопроса: большевики активно поддерживали национальные движения именно с целью актуализации национального вопроса и расшатывания государственных основ и общественного порядка. В дальнейшем именно в этом ключе мыслилась и «национальная автономизация» — как ключ к доверию масс и последующей «советизации». Об этом прямо говорит нарком по делам национальностей И.В. Сталин в «Правде» от 9 апреля 1918 года: «Необходимо поднять массы до советской власти, а их лучших представителей — слить с последней. Но это невозможно без автономии этих окраин, т.е. без организации местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественно-политических и просветительских учреждений с гарантией полноты прав местного, родного для трудовых масс края, языка во всех сферах общественно-политической работы»³.

В провозглашенных II Всероссийским съездом Советов документах не разъяснялось понятие «федеративная республика». Оно появилось в принятой на III съезде Советов «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа»: «Со-

¹ Троцкий Л.Д. Право наций на самоопределение // К истории русской революции. — М., 1990. — С.133-134.

² Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу: ПСС.-Т. 24. — С. 125.; см. также: Заметки к тезисам «Социалистическая революция и право наций на самоопределение». —Т. 27. — С. 256.

³ Сталин И.В. Соч.: в 4 т. —С. 75-76.

ветская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик...»¹. Некоторые пояснения этому содержатся в работах И.В. Сталина, в которых он видел Российскую Федерацию как «союз определенных исторически выделившихся территорий, отличавшихся как особым бытом, так и национальным составом»². В то же время на X съезде РКП(б) Сталин говорил: «В 1918 и 1920 годах мы вели работу по линии административного передела России по национальному признаку в интересах сближения трудовых масс отсталых народов с пролетариатом России»³. Это признание прямо указывает на то, что большевики в государственном и национальном строительстве с самого начала занимались созданием искусственных этнополитических территориальных образований, понимая это как выражение принципов федерализма. При этом любые внутренние границы имели сугубо номинальное значение: истинные последствия территориальной «перекройки» стали очевидны только в процессе распада СССР. Споры по поводу тех или иных территорий стали одним из главных источников конфликтности в межнациональных отношениях. Особенно остро «произвольное территориальное размежевание» проявилось в приграничных районах Средней Азии, например в Ферганской долине: Ошский конфликт между узбеками и киргизами, Исфаринский — между киргизами и таджиками⁴.

Процессы, которые происходили в период до образования СССР, нередко рассматриваются как экспансия большевиков в отношении национальных государств, образовавшихся в ре-

¹ Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Ленин В.И. ПСС. — Т.35. — С. 221.

² Сталин И.В. Организация Российской Федеративной республики. Беседа с сотрудником газеты «Правда» // Соч. — Т. 4. — С. 68

³ Сталин И.В. Заключительное слово (X съезд РКП(б)). Соч. Т. 5. — С. 45.

⁴ Паин Э.А. Государственная политика России в конфликтных зонах. — М., 1994. — С. 10.

зультате распада Российской империи, а создание СССР — как окончательное оформление этого завоевания. Однако более логичной и адекватной историческому контексту того времени выглядит концепция, предложенная С.В. Чешко. По его мнению, в период образования советского государства имела место не завоевательная политика большевиков по отношению к независимым новообразованиям, а «политическая борьба с помощью оружия»¹, то есть большевики, представляя собой одну из враждовавших политических партий, стремились победить своих противников и установить свою власть в пределах бывшей Российской империи.

Декларация и Договор от 30 декабря 1922 г. об образовании СССР (затем они вошли в первую Конституцию СССР 1924 г.) определяли СССР как «союзное государство»². В ведение союзных органов власти передавались основные функции государства: внешние сношения, оборона, установление основ законодательства и судопроизводства, внешняя торговля, разработка общего для Союза хозяйственного плана. За союзными республиками закреплялось право выхода из СССР. В то же время не был выработан механизм разделения полномочий союзных и республиканских органов власти: устанавливалась сфера совместного руководства (учреждались объединенные наркоматы). Таким образом, государственное устройство СССР имело в себе некоторые элементы, которые свидетельствуют о недостаточной централизации, с одной стороны (Союз носил скорее конфедеративный, чем федеративный характер), и об излишней централизации (имелись предпосылки фактического расширения прерогатив союзных властей)—с другой, следовательно, данное государственное новообразование нельзя четко охарактеризовать как федерацию или конфедерацию. Проблема заключается в том, что

¹ Чешко С.В. Распад Советского Союза. — М., 1996. — С. 90.

² Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических республик. Прил. к «Вестнику ЦИК, Совнаркома, Совета труда и обороны СССР». — 1924. — № 2.

конституционные нормы, включая те, которые определяли государственное устройство и характер отношений между центром и регионами, существовали автономно от правящего политического режима и имели формальное, декларированное значение. Таким образом, на протяжении большей части своей истории СССР являлся формально федеративным образованием, по существу представляя собой государство с жесткой социально-политической (тоталитарной) системой и не закрепленной конституционно унитарной системой. Отношения строились не между центром и субъектами государства, а между властью и обществом в целом.

Говоря о национальной политике в Советском Союзе, целесообразно отметить, что в рамках данной работы возможно осветить все стороны ее проведения в различных регионах страны. Поэтому акцент будет сделан на рассмотрении тезиса о том, что в Советском Союзе проводилась активная целенаправленная политика угнетения и «ассимиляции» нерусских народов.

Тезис о проводимой в Советском Союзе политике этноцида в отношении нерусских народов, и в особенности против национальной интеллигенции, широко поднимался в годы перестройки прежде всего лидерами националистических движений. Критики советского государства, например А.Н. Яковлев, утверждают, что в СССР проводилась политика уничтожения «целых наций»¹. Однако данные радикальные утверждения не являются исторически точными, и главное, не объясняют суть национальной политики в СССР и мотивы ее проведения.

Действительно в годы Гражданской войны и после нее советская власть осуществляла массовые репрессии в отношении больших социальных групп. Смысл классовой борьбы заключался не только в подавлении реального классового врага, но и

¹ Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. — М., 1991. — С.146.

в ликвидации потенциальной базы классовой оппозиции. Репрессии против «национальной интеллигенции» имели свои особенности: преследовались прежде всего те ее представители, которые исповедовали (или подозревались в этом) идеи национализма, исламизма, тюркизма и т.п., рассматриваемые режимом как противоречащие официальной коммунистической идеологии и поэтому опасные. В связи с этим нельзя утверждать, что уничтожение «национальной интеллигенции» имело форму этноцида, тем более что в равной степени подвергалась репрессиям интеллигенция титульной русской нации.

Однако сама доктрина «неблагонадежного населения» и «неблагонадежной географии» была сформулирована русскими военными статистиками конца XIX века А. Макшеевым, Н. Обручевым, В. Золотаревым. В ее основу легло представление о благонадежном и неблагонадежном населении и их процентном соотношении в конкретной местности. К первой группе относилось в основном славянское население, ко второй — евреи, немцы, поляки, народы Кавказа и Средней Азии. Только те районы считались неблагонадежными, где славянское население составляло менее 50%. Коэффициент благонадежности сокращался по мере продвижения от центра к окраинам империи. Данная концепция преподавалась в военных академиях будущим офицерам царской, Белой и Красной армий¹.

Подходя к периоду советской истории, который отмечен массовыми депортациями народов, нужно отметить, что они начались во второй половине 30-х гг. (корейцы, поляки, немцы) и закончились в начале 50-х гг. выселением «враждебных» элементов из Закавказья.

¹ Хольквист П. Российская катастрофа (1914-1922) в европейском контексте. Тотальная мобилизация и «политика населения» // *Rossia*, 1998. Vol. XXI. №11/12. С. 26-54. // Цит. по Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. — М., 2001. — С. 27.

Депортация 15 тысяч польских и немецких семей с Украины в Казахстан, переселение корейцев из приграничной зоны Дальнего Востока и ингерманландцев из Ленинградской области объяснялись их политической «неблагонадежностью» и попыткой предотвращения шпионажа. По-видимому, задачей этой превентивной меры являлось предотвращение появления «пятой колонны» в приграничных зонах в случае начала войны. Не случайно в этом же ряду стояли депортации иностранных граждан — румын, венгров, финнов, итальянцев, греков. Такого рода политические акции характерны не только для сталинского режима. В 1941 году американские власти депортировали с тихоокеанского побережья японцев, имевших гражданство США, направив их на принудительные работы в рудники¹.

Стратегическими задачами было обусловлено и создание Еврейской автономной области в 1934 году. Она была образована для усиления пограничного режима на Дальнем Востоке путем создания своего рода заслона, а вовсе не как шаг к созданию еврейской республики. Идея Сталина заключалась в том, чтобы поставить преграду на пути белогвардейских террористических групп в виде поселений, жители которых были враждебно настроены к белоэмигрантам и особенно к казачеству². Однако на этом основании нельзя говорить об угнетении одних народов и предоставлении благоприятных условий для развития других.

Говоря о депортациях малых народов Северного Кавказа, проводимых с конца войны и до начала 50-х гг., следует отметить, что в данном регионе на протяжении всего межвоенного периода имели место националистические повстанческие выступления. В операциях по их подавлению активно участвова-

¹ См. Weglun M. *Years of Infamy. The Untold Story of America's Concentration Camps.* — N.Y., 1976.

² Судоплатов П.А. *Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля.* — М., 1996. — С. 337-338.

ли отдельные воинские части Северо-Кавказского военного округа: в Чечено-Ингушетии (в 1922-1924, 1925, 1929, 1930, 1932 гг.) и в Дагестане (в 1925)¹. В предвоенный период также наблюдались антисоветские выступления, проявлявшиеся в террористических акциях против советских должностных лиц². Кроме того, активно действовавшим непосредственно перед войной и в ее начале в этом регионе германским спецслужбам³ удалось разыграть «мусульманскую карту»⁴ в свою пользу и создать довольно многочисленную «пятую колонну» среди местных народов, включая крымских татар⁵. По мнению режима, подобных фактов было достаточно, чтобы наказать такие народы. По-видимому, здесь мы имеем дело с социальным феноменом «групповой вражды», где любой инородец воспринимается как потенциальный враг. Особенно это явление дало о себе знать в предвоенный и послевоенный период. Последствием же депортаций стало появление в самосознании репрессированных народов русофобских настроений, по при-

¹ Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. — М., 2000. — С. 117.

² В период с октября 1937 по февраль 1939 г. на территории Чечено-Ингушской АССР действовало 80 террористических группировок (400 чел.), более 1000 находились на нелегальном положении. В середине 1939 г. с их выступлениями в основном было покончено. Но в 1940-1941 гг. положение вновь становится критическим: в республике зарегистрировано 20 террористических группировок. С июня 1941 по январь 1945 г. были ликвидированы 232 террористические группировки. Террористические выступления имели место и в Кабардино-Балкарской АССР: на май 1943 г. было зарегистрировано 44 группы (941 чел.). // Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». — М., 1995. — С. 90, 91, 97, 124.

³ В 1942-1943 гг. германская зарубежная разведка (VI управление РСХА) в сотрудничестве с турецкими спецслужбами готовила и забрасывала с территории Турции в южные районы России агентов восточных национальностей, представителей кавказских и тюркских народностей // Шелленберг В. Мемуары. — М., 1991. — С. 272.

⁴ Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. — М., 2001. — С.205-207.

⁵ Национальная политика России: сб. статей / Михайлов В.А., Абдулатипов Р.Г., Воронин А.Г. и др.). — М., 1997. — С. 317-320.

чине того, что произошел перенос обиды с советского руководства на весь русский этнос в целом.

Таким образом, этнические депортации выражали комплекс субъективных побуждений сталинского режима. В целом же они представляли собой перевод в этническую сферу тоталитарной и репрессивной политики.

Значительные по своему масштабу процессы, свидетельствующие также о имевших место националистических движениях, происходили в западных областях СССР, в особенности на территории Западной Украины под руководством Организации Украинских Националистов. В период с 1929 (с момента основания организации) до первой половины 60-х г. ОУН занималась антисоветской и террористической деятельностью на территории Западной Украины. В 30-е годы и во время войны она тесно была связана с абвером (военной разведкой вермахта фашистской Германии), при этом связи украинской эмиграции являлись одним из немногих каналов получения военно-политической информации о Советском Союзе. Активное финансирование Германией деятельности ОУН осуществлялось с 1935 г., когда глава абвера генерал Канарис акцентировал внимание на фактическом отсутствии агентуры на территории СССР и выступил с инициативой использования антибольшевистски настроенных украинцев¹. Внутри ОУН шла внутренняя борьба за власть выделялось два центра: «старика» (Коновалец, Мельник) и «молодежь» (Бандера и Костарев (позднее был уничтожен по приказу Коновальца). При этом необходимо отметить, что германские власти оказывали финансовую помощь тому и другому крылу ОУН. Орга-

¹ Финансирование ОУН со стороны Германии временно прервалось по личному распоряжению А. Гитлера вслед за подписанием советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. В период до июня 1941 г. ОУН финансировалась и курировалась союзнической разведкой Японии в том же неизменном объеме. // Райли О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921-1945). — М., 2002. — С. 108.

низация совершала теракты не только против советских государственных лиц (убийство советского дипломата Майлова во Львове оуновцем Лемеком в 1934 г.), но и против высших должностных лиц других государств, в какое-либо время притеснявших украинское меньшинство (убийство польского министра Перацкого националистом Мацейко — по приказу Бандеры, вопреки мнению Коновальца — в 1934 г.). Кроме сотрудничества с абвером, ОУН проводила политику сближения с националистическими группировками Восточной Европы (хорватские националисты, вместе с которыми готовились и совершались убийства югославского короля Александра и министра иностранных дел Франции Луи Барту, также финансировались абвером.) Также ОУН имела связи с чехословацким правительством, пользовалась его поддержкой (президент Бенеш). Таким образом, здесь уже имел место не только террор в отношении граждан одного государства, а хорошо налаженный механизм международного террора в Восточной Европе. На определенном историческом этапе цели украинского этнического сепаратизма и агрессивной внешней политики Германии совпали. Однако повстанческое движение в Западной Украине продолжилось и после окончания ВОВ и было окончательно разгромлено только в начале 1950 гг. При этом деятельность «повстанцев» на Украине привлекла в 1949 году внимание Центрального разведывательного управления США, которое пыталось использовать внутреннюю партизанскую войну в рамках широкомасштабных активных действий против СССР. Однако акции ЦРУ по поддержке украинских националистов и включению в их ряды американской агентуры были нейтрализованы в ходе разгрома движения¹.

Появление антисоветски настроенных эмигрантов после присоединения к СССР прибалтийских республик было также активно использовано военной разведкой в предвоенный и во-

¹ *Thomas E. The very best men. Four who dared: the early years of the CIA.* — N.-Y., 1996. — P. 36.

енный период. Так, например, активно использовались эстонские эмигранты, участвовавшие на стороне Финляндии в боевых действиях в ходе русско-финской войны, которые были завербованы эстонскими офицерами, проживавшими в Германии. Появившись в июне 1941 года на советской территории, на определенном этапе они поставляли ценную информацию¹.

В целом характер использования националистических групп в эмиграции при разработке и проведении разведывательных операций был всеобъемлющ, в том смысле что в круг интересов специальных служб входили представители большинства значимых по влиянию этнических общин за рубежом². Нахождению и использованию в военно-политических интересах «пятой колонны» на территории противника уделялось одно из ключевых мест в специальных операциях германской разведки, что отчетливо видно не только на примере восточного, но и западного фронта. Так, абвер старался активно использовать группировку Ирландской республиканской армии в разведывательно-диверсионных целях на территории Великобритании³. Вместе с тем следует отметить, что германская военно-политическая машина на оккупированных советских территориях не использовала до конца фактор «национального самосознания», отказавшись от активной поддержки национальных движений (за исключением создания нескольких воинских формирований из их числа, а также использо-

¹ Райли О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921-1945). — М., 2002. — С. 137.

² См.: Соцков Л. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и абвера: Из секретных досье разведки. — М., 2003.

³ Coogan T. P. The I.R.A.-Lon., 2000. P.202-218. Небезынтересен и тот факт, что лидеры ИРА выходили по линии Коминтерна на руководство СССР, и в том числе на И. Сталина, еще в 1925 г. с просьбой оказать помощь в деле вооружения ирландских сепаратистов. Однако им было отказано по причине того, что руководство Советского Союза полагало, что за лидерами ИРА не стоит значительное количество священнослужителей, а значит, отсутствует серьезная база среди населения // Ibid.-P. 93-94.

вания националистов в качестве агентуры на советской территории), а вопреки этому установила власть, «невыносимую для местного населения»¹. Тем самым имевшие место значительные симпатии к оккупантам со стороны национальных меньшинств (что было во многом спровоцировано предшествующими репрессиями со стороны сталинского режима) были нейтрализованы и в результате направлены против самих немцев.

Важным аспектом национальной политики эпохи Сталина является активное манипулирование национальными чувствами. Если в период прихода большевиков к власти национальный вопрос актуализовался в обществе в контексте государственного переворота, то через десять лет, в 1927 году, Сталин использовал межэтническую нетерпимость как одно из средств удержания власти в своих руках и разгрома политических противников. Оппозиция в лице Л. Троцкого, Г. Зиновьева и Л. Каменева представляла реальную угрозу в глазах Сталина, особенно в свете поддержки первых как Красной Армией и профсоюзами, так и московским Советом (Каменев), и ленинградским Советом (Зиновьев). Антисемитская кампания как часть «антиоппозиционной» кампании, начатая с целью отколоть от оппозиции ее значительную часть, сыграла свою роль: вскоре Троцкий потерял былую поддержку и рычаги влияния в руководстве страной².

Тактика манипулирования общественным мнением в национальном ключе особенно активно применяется в сороковые годы, хотя цели и масштаб задач, стоявшие перед руководством СССР, были тогда значительно серьезнее. Так, в начальный период войны национальные и патриотические идеологемы выходят на первое место в сравнении с социализмом сталинского толка, что обусловлено катастрофическим

¹ Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942-1971. — М., 2003. — С. 117.

² Малапарте К. Техника государственного переворота. — М., 1998. — С. 149-151.

положением на фронтах и угрозой существованию всему советскому режиму. Власть идет на послабление даже по одному из наиболее острых идеологических вопросов, допуская активизацию Русской православной церкви, одного из столпов русской национальной культуры.

Сразу после войны, которая была выиграна скорее в патриотическом, чем в идеологическом порыве когда национальные чувства находились на естественном и оправданном подъеме, руководство Советского Союза пошло на возврат к исключительному доминированию марксистской идеологии и указанию работникам на местах о «перегибах» в деле прославления «национальных» достижений.

Через короткий промежуток времени—с началом кампании по борьбе с космополитизмом—государственной машине необходима антитеза космополитизма. И очевидно, что она находится именно в прославлении великого национального прошлого и настоящего.

Таким образом, происходило использование национальных чувств не только в «энергетическом» ключе в период войны, манипулирование общественным мнением в области актуализации или снижение влияния национализма продолжилось после ее окончания¹.

Последствия жестких репрессий по отношению к отдельным этносам стали проявляться уже в постсталинский период. С 1953 г. до середины 80-х гг. имели место массовые волнения населения на почве национальной розни. В основном они ограничивались территориями, на которых проживали представители депортированных народностей (в том числе на осваиваемых целинных землях), или же были вызваны

¹ Данная интерпретация мотивации политических решений советского руководства в 40-начало 50-х гг. конкретно в национальном вопросе является развитием концепции, предложенной профессором Оксфордского университета И. Берлином о политике И. Сталина как о тактике подъема и спада напряжения в различных областях социально-политической жизни // Берлин И. История свободы. Россия. — М., 2001. — С.385.

репатриацией депортированных этносов на исторические территории проживания. Так, в период 1953—1960 гг. из известных 24 межэтнических столкновений 13 составили «конфликтные пары» чеченцев и ингушей с русскими, 3 — с осетинами и аварцами, что составляет фактически 70% известных насильственных локальных конфликтов. По своей вовлеченности в массовые беспорядки на этнической почве чеченцы и ингуши уступают место только русским (16 зафиксированных эпизодов с участием чеченцев и ингушей против 19 эпизодов с участием русских)¹. Имевшие этническую основу конфликты происходили на уровне локальных столкновений, которые можно разделить на несколько типов:

- групповые драки с разделением сторон по этническому признаку;
- этнические столкновения, переходящие в столкновения с представителями власти;
- погромы, избиения представителей другого этноса, хулиганские нападения на церкви в дни религиозных праздников;
- массовые беспорядки с этнической окраской, сопровождающиеся конфликтами с властями, разгромами отделений милиции, особо жестокими убийствами, погромами и поджогами;
- массовые беспорядки, сопровождающиеся призывами к депортации враждебного этноса, антикоммунистическими высказываниями.

Данные конфликты, не имея возможности в силу налаженного механизма функционирования жесткой социально-политической системы перейти в открытое вооруженное противостояние, в кратчайшие сроки нейтрализовывались, массовые выступления подавлялись. Однако устойчивое существование характерных «конфликтных пар» наглядно демонст-

¹ Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 — начало 1980 гг.). — Новосибирск., 1999. — С.99 — 100.

рирует длительность и глубину этнических противостояний, перешедших в стадию открытых вооруженных конфликтов в период распада СССР.

Отдельно следует сказать об «ассимиляционной и русификаторской политике» советского руководства. Главным аргументом в пользу ассимиляторской политики является провозглашенный генеральным секретарем КПСС Л.И. Брежневым на XXIII съезде тезис о новой социальной общности «советский народ»¹. Несомненно, что интеграционные тенденции у народов СССР существовали. Этому способствовали такие факторы, как межрегиональная экономика, сильные миграционные процессы, связанные с индустриализацией, урбанизацией, развитием транспорта, коммуникаций, СМИ. Кроме того, развитие получали только «интеграционные» национальные настроения, стремление же к дезинтеграции «не одобрялось» советским руководством. Но все же тезис о «советском народе» не только не имел под собой реальной основы единства наций, но и не выдержал испытания временем как идеологема, ибо был отвергнут правящей элитой в силу политической конъюнктуры. Наиболее объективным по поводу ассимиляторской и русификаторской политики представляется анализ, проведенный С.В. Чешко. На основе статистики, отражающей численность народов в различные годы, он сумел доказать, что если такая целенаправленная политика и имела место (для этого нет веских доказательств), то она не сумела достичь своей цели².

Одним из основных противоречий советской национальной политики являлось введение административных границ по национально-территориальному принципу и предоставление языковой автономии. Таким образом, были созданы латентные национальные структуры в рамках жесткой социально-политической системы. Главным отрицательным следствием

¹ Материалы XXIII съезда КПСС. — М., 1966. — С. 88 — 89.

² Чешко С.В. Распад Советского Союза. — М., 1996. — С. 142 — 146.

такой политики были не только сами национальные границы и утверждение в республиках этнических элит, но и то, что посредством этой системы в массовое сознание внедрялись нормы национализма на общем фоне интернациональной идеологии. Существование различных по правовому и фактическому статусу субъектов в составе СССР приводило к возвышению или понижению роли той или иной национальности.

Таким образом, политика руководства СССР в национальном вопросе привела к формированию социальных групп, которые могли реализовать себя только через национализм, а кроме того, породила многочисленные противоречия между этносами.

Руководство СССР, осознавая как укрепляющий, так и разрушительный потенциал этнической энергетики, активно манипулировало национализмом, то актуализируя национальный вопрос (как в периоды прихода к власти большевиков и борьбы с фашистской Германией), то сопротивляясь национальному подъему, используя идеологию марксизма и репрессивные меры.

Следует заметить, что различные аспекты проводимой в СССР национальной политики, в том числе репрессии в отношении целых народов, стали основными аргументами в идеологии национального сепаратизма, проявившимися в ходе перестройки. Межнациональные противоречия и «несправедливости» в отношении этносов со стороны государственной власти были использованы этническими антрепренерами (национальными лидерами) в корыстных политических целях.

§3. Распад СССР:

массовые националистические движения и этнополитические конфликты

Системность процессов поражения СССР в «холодной войне» — распада Советского Союза — подъема националистических движений и развертывания этнополитических кон-

фликтов—демонстрирует взаимосвязь идеологических, социально-политических и экономических компонентов периода исторической деструктивности.

Идеологическое поражение в «холодной войне» с США и Западной Европой определило вектор распада Советского Союза как государства. И, по-видимому, определяющим фактором в основе идеологического разрушения сыграла верно выбранная Западом стратегия в «холодной войне». Ставка на информационное воздействие в отношении населения Восточного блока оправдала себя полностью, при этом в достаточно короткие сроки. Снижение международной напряженности и облегчение циркуляции идей на территории Восточной Европы и СССР фактически стало происходить после подписания «третьей корзины Хельсинкских соглашений», более известных, как Хельсинкский заключительный акт СБСЕ¹. Таким образом, был фактически нанесен сильнейший удар по информационно-культурной «автаркии» страны.

Однако воздействие информационных потоков шло уже на первоначально подготовленную почву культурного и материального характера — создание системы «притяжения вещей», которое отражало объективно более сильную цивилизацию². Впоследствии внутренняя реакция в СССР на быстро глобализирующийся капитализм стимулировала стремление к модернизации, отказ от коммунистической идеологии и сохранение власти за республиканскими элитами за счет актуализации национализма. Как отмечает Ю. Игрицкий, не национализм породил импульс к модернизации, а модернизация создала условия, при которых у национальных элит появилась потребность и возможность со-

¹ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1 августа 1975 г. // Действующее международное право. — М., 1997. — Т.2. — С. 151-155.

² Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии XX века. — М., 2000. — С.156.

хранения и расширения пределов своей власти, с использованием националистических лозунгов и этнической идентичности¹.

В разрезе военно-стратегического противостояния советского блока и стран НАТО позиция СССР по наращиванию вооружений была обречена на провал по экономическим параметрам. Уже в самом начале соревнования двух политико-экономических систем стороны находились в неравных стартовых условиях: США на этапе экономического подъема и разрушенный войной Советский Союз. Помимо реальной угрозы политико-экономического давления Соединенными Штатами и потенциальной возможности нанесения ядерных ударов по территории СССР немалую роль в ввязывание СССР в гонку вооружений сыграл так называемый культ Хиросимы: стремление к обладанию стратегическим оружием². США с момента разработки первой атомной бомбы затратили в ценах 1995 года около 4 триллионов долларов на создание ядерного потенциала и огромную инфраструктуру, задействованную на его поддержание и на обеспечение безопасности в ядерную эпоху³. Соответственно сопоставимые затраты были и со стороны СССР.

В завершающем периоде противостояния руководство страны во главе с М. Горбачевым не обладало материальными ресурсами для обеспечения адекватного ответа программе Стратегической оборонной инициативы США. Фактически М. Горбачев пошел на переговоры о выводе ядерного оружия

¹ *Игрицкий Ю.И.* Распад СССР: роль этнонационализма // *Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность / Отв. ред. В.Л.Мальков.* — М., 2002. — С. 438.

² *Мальков В.Л.* Игра без мяча: социально-психологический контекст советской «атомной дипломатии» (1945-1949) // *«Холодная война» 1945-1963. Историческая ретроспектива. Сборник статей.* — М., 2003. — С. 303.

³ *Смирнов Ю.Н.* «Холодная война» как явление ядерного века // *Холодная война 1945-1963. Историческая ретроспектива. Сборник статей.* — М., 2003. — С. 599.

средней дальности из Европы как на вынужденный шаг в обмен на остановку американской программы СОИ¹. Однако по ходу достижения договоренностей, которые в итоге были юридически закреплены договором от 8 декабря 1987 года, СССР отказался от своих персональных требований². Тактическая борьба была проиграна, при этом необходимо отметить, что программа СОИ так и не была осуществлена, а сама она, по-видимому, являлась блестяще продуманной PR-акцией.

Обозначенные контрольные точки развязки «холодной войны» закреплялись юридически, что свидетельствует не только о неудачах дипломатии, но и недальновидности юридических советников. Однако более существенным является «не моментальное», а отсроченное по времени стратегическое воздействие подписанных правовых актов, оказавших воздействие на всю систему международных отношений³.

Вместе с тем стратеги западных стран не сумели спрогнозировать дальнейшую судьбу Советского Союза — в том смысле, что специалисты-советологи, по-видимому, не обладали методами и информацией для выдвижения столь «смелых» гипотез. В то же время в самом СССР имел место прогноз распада СССР, который был сделан историком-

¹ Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. — М., 2003. — С. 35.

² См.: Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны, 8 декабря 1987 г. // Действующее международное право. — М., 1997. — Т. 2. — С. 534-552.

³ Мы акцентировали юридический аспект окончания «холодной войны», так как полагаем, что именно отсроченное по времени действие международных договоров, их идеологическое и стратегическое наполнение могут иметь прикладной характер при урегулировании локальных конфликтов. В том случае, когда сторона (стороны) идет на формально незначительные уступки, которые не означают «позорного» для политических элит и самих наций проигрыша, через определенный период времени качественно меняется конфликтная ситуация.

диссидентом А. Амальриком¹ в 1969 г. В работе выдвигались предположения о кризисе «тоталитарной» государственной власти, который должен привести к крушению Союза к 1984 году. Одновременно с этим автор предполагал рост национализма и сепаратизма в прибалтийских республиках, на Украине, в Средней Азии, на Кавказе...

В рамках жесткой социально-политической системы национализм не мог проявляться открыто, выступать как самостоятельная идеология и политическая сила, способная угрожать режиму и государству. Национализму противостояли идеология и мораль интернационализма, которые носили не только пропагандистский характер: и по сей день для многих людей интернационализм остается нормой жизни.

Тот факт, что национализм заявил о себе в открытых и активных формах именно в период перестройки, доказывает, что именно перестройка стимулировала его актуализацию. Однако, некоторые исследователи полагают, что от национализма не застрахован ни один общественно-политический строй и что национализм — определенная стадия общественного развития².

Вместе с тем именно в Советском Союзе сформировавшиеся национальные элиты сделали своевременный «рациональный выбор» в сторону отказа от коммунистической идеологии и переориентации на разыгрывание национальной карты.

Напряжение в межнациональной сфере впервые проявило себя в декабрьских событиях 1986 года в Алма-Ате. Поводом к этому послужила смена руководителя Казахстана — Д.А. Кунаева. Последний занимал должность первого секретаря ЦК КП Казахстана с 1964 года. Он был связан с брежнев-

¹ Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? — Амстердам, 1970.

² Тишков В.А. Союз до и после пяти лет перестройки. Национальные процессы в СССР. — М., 1991. — С. 74.

ской партийной элитой, а главное — обладал весомым голосом в Политбюро и мог выступать с консервативных позиций по отношению к горбачевским реформам¹. Замена Кунаева на другого опытного партийного функционера Г. Колбина вызвала выступление со стороны студентов алма-атинских вузов, протестовавших против самоуправства центра и подобных методов смещения руководства². Демонстрация была разогнана силой — это стало началом эскалации этнических конфликтов. В связи с этими событиями интерес представляют воспоминания Н. Назарбаева, занимавшего в то время пост Председателя Совета Министров Республики Казахстан. Комментируя происходившие в Алма-Ате волнения, он указывает на то, что никто из руководителей не был готов к общению с людьми, потому что «все умели общаться только с организованным народом, зачитывая с трибун заготовленные заранее тексты»³. К такому повороту событий в СССР не был готов никто.

Алма-атинский инцидент показал, насколько болезненными могут быть перемены во властных структурах в связи с проблемами национального самосознания. Проводя в жизнь свою кадровую политику, М.С Горбачев нарушил одну из важных норм советской системы: первым секретарем

¹ Отставку Д.А. Кунаева следует рассматривать в контексте кадровой политики, проводимой командой Горбачева. Придя к власти, новый генсек отстранил от властных постов своих политических противников: Г. Романова, В. Гришина, В. Щербицкого, Г. Алиева и др. К началу 1987 г. было заменено 70% членов Политбюро ЦК КПСС // Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. — М., 1996. — Т.2. — С. 615.

² А.Г. Здравомыслов приводит такую версию отставки Кунаева. Суть ее в том, что в правящей элите Казахстана имело место разногласие по поводу способов изменения власти. На замене Кунаева настаивал центр, но последний не хотел уступать место своему сопернику — Председателю Совмина Казахстана Н. Назарбаеву. Он предложил кандидатуру Колбина, и центр согласился с ним // Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. — М., 1997. — С. 14.

³ Назарбаев Н.А. Без правых и левых. — М., 1991. — С. 181.

рем ЦК республиканской компартии мог быть, за редким исключением, только представитель союзно-республиканской титульной нации. Это являлось одним из основных символов национальной государственности, созданных центральной властью. Видимо, против нарушения этого принципа и выступила казахская молодежь, демонстрируя тот «закрепленный» национализм, который взращивался советской системой.

Недооценка этнополитического компонента составила одну из существенных ошибок уже в начале горбачевской национальной политики. Советская правящая элита находилась в плену старых, нереалистичных представлений о состоянии «национального вопроса» в СССР и о национализме как явлении¹. И здесь можно согласиться с общим замечанием диссидента А. Зиновьева о том, что «в советском обществе преобладает система ценностей, основанная на полном отсутствии общих принципов оценки»². Но «оценка» политических событий изначально должна базироваться на выявлении и признании проблемы. М.С. Горбачев же лишь после своей отставки признал, что поначалу он недооценил всей серьезности этого вопроса³. Такое же признание содержится и в мемуарах А.Н. Яковлева⁴, Н.И. Рыжкова⁵.

Из алма-атинских событий также не был сделан должный вывод. Единственное, что предприняла по этому поводу союзная власть,— это созыв очередного Пленума ЦК КПСС в январе 1987 года. Однако на нем не было принято никаких

¹ Горбачев М.С. О национальной политике партии в современных условиях. Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК КПСС. — 19, 20 сентября 1989. — М., 1989.

² Zinoviev A. The Reality of Communism. — Lon., 1984. — P. 117.

³ Горбачев М.С. Декабрь-91. Моя позиция. — М., 1992. — С. 175-176.

⁴ Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. — М., 1991. — С.13

⁵ Рыжков Н.И. Перестройка: история предательства. — М., 1992. — С. 197.

принципиальных решений, за исключением «крепить дружбу между народами» и созвать специальный пленум по международным отношениям¹.

Необходимо отметить и тот факт, что руководство СССР не смогло выработать четкой концепции государственно-территориального устройства, адекватной быстро меняющимся политическим реалиям. Более того, понятийный анализ заявлений советских лидеров может свидетельствовать об отсутствии и четкой программы развития федеративного устройства страны, и элементарной теоретической базы. Так, в заявлении М.С. Горбачева говорится: «Мы расширяем суверенные права республик. И мы надеемся, что полноценная федерация... решит все накопившиеся проблемы»², то есть говорится о предполагаемом статусе советских республик — их суверенитете (фактически полной государственной независимости), — но одновременно предполагается, что они будут членами федерации, что несовместимо с идеей независимости. По-видимому, глава государства подразумевал, что республики будут обладать лишь некоторыми чертами суверенитета. Подобного рода понятийные противоречия несомненно влияли на настроения республиканских политических элит, которые, в свою очередь, интерпретировали высказывания центра в пользу полного суверенитета. Как саркастически отмечает в связи с этим Р. Шпорлюк, «националисты поймали коммунистов на слове и обратили советскую Конституцию против ее творцов»³.

Вместе с тем, идеология суверенизации находила широкий отклик внутри российской политической элиты. Впервые мысль об отделении России от Советского Союза была открыто высказана писателем В. Распутиным в ходе I съезда народ-

¹ Материалы Пленума Центрального комитета КПСС. 27-28 января 1987 года. — М., 1987.

² *Gorbachev M.* New York Times International. — 04.06.1990. — P. A13

³ *Szporluk R.* The National Question // After the Soviet Union: From Union to Commonwealth/ Ed. by T.Colton, R.Legvold. — N.-Y.; L., 1992. — P. 87

ных депутатов СССР в 1989 году в ответ на сепаратистские утверждения депутатов от прибалтийских республик и Закавказья и мотивировалась экономической нецелесообразностью поддержки Россией остальных республик¹. Впоследствии идеологическая база суверенизации России впитала в себя этот тезис и стала основываться на позиции об освобождении республики от «наследия тоталитаризма и от необходимости целиком поддерживать другие республики»².

Если посмотреть на процесс распада СССР с точки зрения инициативы принятия юридически закрепленных политических решений, то очевидно, что процессы суверенизации республик начались именно с России. Провозглашение суверенитета России 12 июня 1990 года явилось стартом для аналогичных действий в остальных республиках. Как отмечает Ю.Н. Игрицкий, выделение «России из общей «упряжки» могло привести к дисфункции всей «упряжки»³. Политический курс руководства РСФСР на суверенизацию был продиктован прежде всего желанием дестабилизировать позиции СССР во главе с Горбачевым и активизировать национализм в республиках. Горбачев как глава СССР не обладал бы опорой для своей власти в случае суверенизации России. Таким образом, этничность в Советском Союзе стала инструментом борьбы за власть между советским и российским руководством. Заметим, что политический ход с провозглашением «суверенизации» очень близок по сути к приему, который применили большевики с провозглашением принципа национального самоопределения. Как и в период революции стояла одна задача: перераспределение властных ресурсов в много-

¹ Первый съезд народных депутатов СССР: Стенографический отчет. — М., 1989. — Т.2. — С. 458.

² *Старовойтова Г.* Национальное самоопределение: подходы к изучению случаев // Библиотека «Вехи». <http://www.vehi.net>

³ *Игрицкий Ю.Н.* Распад СССР: роль этнонационализма // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. — М., 2002. — С. 433.

национальной стране. В условиях происходившего процесса актуализации национализма провозглашение российского суверенитета сыграло одну из решающих ролей в дезинтеграции СССР.

Получив такой «козырь», как суверенизация России, представители национальных элит сумели усилить националистические и сепаратистские настроения в среде значительной части собственных этносов. Движение к «этнической мобилизации» населения мотивировалось различными причинами в зависимости от региона, но в первую очередь, вызванное ослаблением центральной власти, оно привело к временному сближению местных элит и этнического населения.

Ослабление центрального государственного аппарата оживило движение широких людских масс, что, по выражению Х. Ортеги-и-Гассе, было невозможно бы в «хорошо организованном обществе», где масса не действует сама по себе, а «следует чему-то высшему, исходящему от избранных меньшинств»¹. Именно повышением активности масс в условиях распада СССР и подъема национальной республиканской элиты, по-видимому, можно объяснить столь широкое распространение этнической идеологии.

В рамках данной работы рассмотрение националистических движений на всем пространстве СССР невозможно, так как практически во всех республиках возникли организации такого рода. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть тех движений, которые являлись «катализаторами» этнополитических конфликтов. В качестве примера можно привести армяно-азербайджанское противостояние, возникшее на почве территориального конфликта между этими республиками, и конфликт в Приднестровье, вызванный желанием Молдовы присоединиться к Румынии. (Грузино-абхазский конфликт будет рассмотрен в следующем разделе, так как открытое противостояние сторон наблюдалось уже по-

¹ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М., 2001. — С. 108.

сле распада СССР. Такое же решение правомерно и в отношении Средне-Азиатского региона и сецессионного российско-чеченского конфликта, хотя националистические движения и локальные конфликты здесь также имели место в период существования Союза).

Анализируя рост национализма, приведший по существу к возникновению взаимных претензий и эскалации конфликта между Арменией и Азербайджаном, необходимо дать краткий исторический очерк их взаимоотношений.

Еще в период образования национальных государств на Малом Кавказе в октябре 1917 г. и установления советской власти в этом регионе наблюдались проявления ксенофобии в отношении к «чужим» нациям, нередко доходящие до шовинизма. Дашнакское правительство в 1919 году отказалось выделить пастбища азербайджанским крестьянам, что вылилось в кровавый этнический конфликт. Произошла массовая резня армян в Азербайджане и азербайджанцев в Армении¹.

Республиканские власти Азербайджана, особенно в 70-е и 80-е годы, не смогли смягчить противоречия национальной политики в этом регионе. Административная практика способствовала территориально-культурной изоляции Нагорно-Карабахской автономной области от Армении. Вспышка национализма, назревавшая десятки лет, произошла в тот период, когда тенденции национального единения уже не могли сдерживаться жесткой политической системой. Но непосредственной причиной стала проблема Нагорного Карабаха, автономной области на территории Азербайджана, образованной 7 июля 1923 года. В этом юго-восточном регионе Малого Кавказа (при населении в 189 тыс.) большинство населения составляют армяне — 77% по сравнению с азербайджанцами — 21%².

¹ Национальный вопрос на перекрестке мнений. — М., 1992. — С. 43.

² Национальный состав населения СССР. По данным всесоюзной переписи населения 1989. — М., 1991. — С.15.

С начала 1988 года в Нагорном Карабахе началось массовое движение за присоединение к Армении. 20 февраля соответствующее решение приняла сессия областного совета. В ответ на это 28 — 29 февраля произошли погромы армянского населения в Сумгаите (Азербайджан). 17 марта в Степанакерте состоялась наиболее массовая демонстрация армянского населения (75 000 человек) за воссоединение с Арменией. 15 июня сессия ВС Армянской ССР дала согласие на вхождение этой автономной области в состав республики, но уже через три дня ВС Азербайджанской ССР заявил о неприемлемости такого решения. 12 июля областной совет Нагорного Карабаха объявил о выходе области из состава Азербайджанской ССР и о присоединении к Армянской ССР.

Более двухсот тысяч азербайджанцев, проживавших главным образом в сельской местности, покинули Армению и Нагорный Карабах. Волна беженцев из Армении стала своего рода «социальной базой» для новой вспышки погромов армянского населения в Баку. Народный фронт Азербайджана оказывал повсеместное давление на центральные власти Баку и местную администрацию, требуя более решительных действий в отношении армян. На этой волне складывался этноцентрический комплекс, содействующий превращению демократических требований Народного фронта в националистические лозунги.

Обе стороны оперировали понятиями самоопределения, но трактовали их совершенно по-разному. На сентябрьском пленуме ЦК КПСС А.Р. Везиров утверждал, что правом самоопределения обладает только вся нация в целом (то есть в данном случае армянский народ), а не ее часть (то есть карабахские армяне). По мнению С.Г. Арутюняна, такого ограничения не должно быть, а Советский Союз — это союз не только республик, но и автономий, имеющих право на самоопределение в рамках СССР¹. В обоих случаях, однако, дейст-

¹ Дискуссия на пленуме ЦК КПСС // Правда. — 21.9.1989.

вовала логика этнонационализма. Для азербайджанцев требования армян обозначали посягательство на суверенитет их этнического государства, армяне считали свои требования выражением естественного права этноса на объединение.

В ноябре 1989 года Президиум ВС СССР упразднил Комитет особого управления НКАО, созданный в январе того же года. Таким образом, центр признал несостоятельность своих попыток урегулирования конфликта сверху. А 1 декабря 1990 г. Верховный Совет Армении объявил о создании единой Армянской республики, включив в нее Нагорный Карабах. Эта акция и послужила поводом для новой волны насилия в Баку.

Агрессивность азербайджанских националистов была обусловлена тем, что в политические события были вовлечены люмпенизированные слои азербайджанского общества, а также беженцы из Армении и Нагорного Карабаха. Кроме того, имели место провокационные действия со стороны иностранных спецслужб, пытавшихся еще более дестабилизировать обстановку в этом регионе¹. 13 января 1989 г. в Баку состоялся митинг азербайджанских националистов, после которого начались погромы армян; 35 человек были убиты, тысячи домов и квартир разграблены, 220 тыс. армян стали беженцами.

В конфликт вмешались внутренние войска, которые в ночь на 20 января были введены в Баку. После введения в столицу Азербайджана чрезвычайного положения войска взяли город под контроль (по официальным данным, погибло 125 человек). Руководство страны пошло на этот шаг не только для приостановления кровопролития, но и видя в бакинских событиях реальную угрозу для дальнейшего управления ситуацией на территории Азербайджана.

Армяно-азербайджанский конфликт стремительно разворачивался и перешел в полномасштабные боевые действия,

¹ *Широнин В.* Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. — М., 1996. — С. 262-265

которые приводили к все большему экономическому упадку и социальной нестабильности в обеих республиках. Пиком развернувшихся военных действий стал штурм Ходжалы, города с четырехтысячным, преимущественно азербайджанским, населением, произошедший 25-26 февраля 1992 года. В ходе нападения армянских боевиков на этот населенный пункт было зверски уничтожено несколько сот его жителей, включая женщин, стариков и детей.

Эти события, произошедшие вскоре после исчезновения Советского Союза как государственного образования, поставили лидеров Армении и Азербайджана перед фактом решения этих проблем своими силами. В то же время ситуация в зоне армяно-азербайджанского конфликта осталась в центре внимания России, но Москва выступала уже не в качестве союзного центра, а как основной геополитический игрок в регионе¹.

Ситуация в Молдавии (Молдове) развивалась по весьма близкому варианту: возникновение Народного фронта, оппозиционно настроенного в отношении к союзному центру и КПСС, нарастание требований от признания молдавского языка в качестве государственного до полной государственной независимости. Однако существовал ряд отличий. Во-первых, образование Приднестровской и Гагаузской республик и превращение Приднестровья в зону вооруженного

¹ В 1993 году президент Азербайджана А. Эльчибей, занимавший откровенно прозападные позиции, ощутил на себе давление со стороны России в тот момент, когда принял решение заключить контракт с западным консорциумом на добычу азербайджанской нефти, тем самым закрывая для России нишу в этой отрасли. Россия, в свою очередь, перекрыла каналы экспорта нефти и с помощью Армении усилила напряженность вокруг Нагорного Карабаха. Однако это не принесло результатов, и А. Эльчибей был свергнут в результате переворота, а его место занял близкий Москве Г. Алиев. Последний, вопреки ожиданиям, также плохо шел на уступки, и при поддержке России были предприняты две попытки его свержения. // Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. — М., 2003. — С. 125.

конфликта, во-вторых, то, что Молдова не выступала в качестве активного субъекта распада СССР. Лидеры этой республики рассчитывали на поддержку центра в решении внутреннего статусного конфликта — признать или не признать Приднестровье в качестве нового государственного образования. Уникальность же конфликта в Молдавии заключалась в том, что возрожденческая идеология основывалась на отрицании особого молдавского этноса и требовании признать его частью румынского этноса. По мере политизации этого «квазинационализма» сторонники Народного фронта выдвинули задачу присоединения Молдавии к Румынии, аргументируя такое решение тем, что Советский Союз аннексировал территорию Молдавии.

Противостояние между Кишиневом и Тирасполем проявилось летом 1989 года, когда сессия Верховного Совета Молдовы приняла в первом чтении закон о функционировании языков. Через год — 23 июня 1990 года — Верховный Совет республики принял декларацию о суверенитете. В августе того же года был принят закон о языке, по которому государственным провозглашался румынский язык¹.

Реакцией на этот шаг Молдовы стал II съезд народных депутатов Приднестровья всех уровней, состоявшийся 2 сентября 1990 г. в Тирасполе. На нем было провозглашено создание Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) и выход из Молдавской Республики².

Однако процесс межнационального размежевания в республике продолжался. Принятый 5 июня 1991 г. парламентом Закон о гражданстве Республики Молдовы» исключал приобретение двойного гражданства, а лицам, пожелавшим оставить за собой двойное гражданство, запрещалось занимать общественные, государственные и военные должности. К тому вре-

¹ Таго А. Молдова: своевременность компромисса, которым пренебрегли политики. Штрихи к истории конфликта в Приднестровье // Независимая газета. — 21.4. 1992.

² Независимая газета. — 22.9. — 1992.

мени относится и наибольшая агитация Народного фронта за «воссоединение» с Румынией¹.

Приднестровская республика не была признана официальными властями Молдовы. Более того, было принято решение о незаконности этого новообразования. С конца 1991 г. против Приднестровья начали проводиться систематические акции силами МВД Молдовы. Противостояние между Кишиневом и Тирасполем характеризовалось постоянными вооруженными столкновениями.

19—21 июня 1992 г. было осуществлено вторжение моторизованной бригады Молдовы в город Бендеры, в результате которого погибло 620 и было ранено свыше 3500 приднестровцев. Это событие положило конец всем надеждам на мирный исход противостояния².

Проводившиеся в целях прекращения военных действий многочисленные раунды переговоров под эгидой СБСЕ, ООН, России, Украины и Румынии не принесли результатов. Стабилизация обстановки и прекращение военных действий было обеспечено присутствием в этом регионе 14-й российской армии, возглавляемой генералом А. Лебедем. В отличие от руководителей воинских частей Закавказского округа Лебедь сумел с помощью угрозы насилия приостановить вооруженный конфликт и не допустил разграбления оружейных складов. Однако присутствие 14-й армии на территории Молдовы в качестве армии иностранного государства стимулирует антироссийские настроения в молдавском руководстве. В свою очередь, приднестровское руководство рассматривает сохранение российских военных баз на своей территории как гарант стабильности в регионе.

¹ Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. — М., 1997. С. 29.

² Доклад правозащитного общества «Мемориал»: Массовые и наиболее серьезные нарушения прав человека и положение в зоне вооруженного конфликта в г. Бендеры за июнь-июль 1992 г. // Независимая газета. — 22.9.1992.

Проведенный в марте 1995 г. в Приднестровье референдум показал, что приднестровцы, опасаясь новой эскалации конфликта, настаивают на сохранении российского военного присутствия на своей территории¹.

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод, что помимо объективных причин для возникновения этнополитических конфликтов с ростом национализма появились новые дестабилизирующие факторы:

- национальная и конфессиональная нетерпимость;
- использование местными элитами этнических проблем для достижения собственных целей, а также использование центром этих же проблем для решения их по принципу «разделяй и властвуй»;
- борьба бывшего местного партийного и государственного аппарата за сохранение и умножение своей власти;
- игра на национальных чувствах для консолидации общества, а также для сохранения образа внешнего врага;

Полиэтнический состав населения на территории бывшего СССР и нынешних государственно-территориальных образований предопределяет тот факт, что практически любое внутреннее противоречие, любой социально-экономический или политический по своей природе конфликт начинает быстро обретать этническую окраску. Это зачастую углубляет и осложняет противоречия и придает конфликтам манифестный и, как правило, непримиримый характер.

Необходимо отметить и тот факт, что существующая социальная, политическая и культурная иерархия этнических групп, а также репрессивные действия прошлого режима в отношении народов, населяющих территорию бывшего СССР, столь велики, что имеется более чем достаточно оснований для межэтнических противоречий как на личностном, так и групповом уровне.

¹ «Комсомольская правда». — 23.5.1995.

§4. Новые государственные образования и конфликты на постсоветском пространстве

«Умеренные, ставящие перед собой узкие цели, как, например, автономия, а не независимость, не добиваются своих целей посредством переговоров — которые почти всегда на начальной стадии терпят неудачу, — и их дополняют или вытесняют радикалы, стремящиеся к достижению куда более отдаленных целей насильственным путем».

С. Хантингтон,
«Столкновение цивилизаций»¹

4.1. Грузино-абхазский конфликт

«Когда поднимают всю страну и двигают многочисленную армию, в то время, как в стране беспорядки и люди изнемогают, — это война против самих себя. ...Война против самих себя непременно преодолевается искусной тактикой».

У-Цзы,
«Трактат о военном искусстве»²

Стремление к стратегическому обеспечению восточных границ России, к военно-политическому доминированию и расширению торговых связей с государствами Востока на территориях, прилегающих к Каспийскому и Черному морям, было главным стимулом политики российских царей на Кавказе. «Геостратегические императивы» России в этом регионе по-прежнему амбициозны. Усилия российской политики на-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М., 2003. — С. 433.

² У-Цзы. Трактат о военном искусстве // Сунь-Цзы, У-Цзы. Трактаты о военном искусстве. — М., 2002. — С. 463.

правлены на поиск возможностей для сохранения военного присутствия в этом регионе.¹

Для понимания развития грузино-абхазского конфликта необходимо учитывать следующие факторы. Абхазы относятся к адыгской этнической группе. Район исторического проживания (западное Черноморское побережье) был присоединен к России в 1864 г. (центральная и восточная часть Грузии вошли в состав Российской империи на основе Георгиевского трактата 1783 г.), что ознаменовало собой изгнание адыгов со своих земель и переселение их в Турцию и другие страны Ближневосточного региона². В то же время существование грузинской нации (слияние трех этнических групп: картов, мегрелочанов и сванов) в составе Российской империи не отмечалось такого рода процессами. Иными словами, теория о тождестве грузинского и абхазского этносов не соответствует действительности, хотя сторонники этой концепции правы в том отношении, что эти народы жили вместе мирно, более того, часто объединяясь для отражения внешней угрозы.

Безусловно, существенным являются культурные, в частности религиозные, различия этих этносов: в своем большинстве абхазы исповедуют ислам, в то время как грузины — христианскую православную религию.

В советский период Абхазия стала автономной областью в составе Грузии³. Одним из факторов, способствующим нарас-

¹ *Brzezinski Z. The Grand Chessboard. — N.-Y., 1997. — P. 142.*

² Начало присоединения грузинских земель относится к 1638 г., когда царь Мегрелии Леон обратился к царю Михаилу Федоровичу с грамотой о желании грузинского народа перейти под покровительство России. Спустя три года жалованная грамота была дана кахетинскому царю Теймуразу I о принятии Иверской земли под покровительство России, а Алексей Михайлович в 1653 г. взял под покровительство Имеретию. В 1657 г. о переходе в подданство России попросили три горских княжества Восточной Грузии — Тушинское, Кевсурское и Пшавское. / Под стягом России. — М., 1992. — С. 182-188, 192-196.

³ В советский период между Грузинской ССР (образована 25.2.1921) и Абхазской ССР (31.3.1921) был заключен договор о вхождении Абхазской ССР в Грузинскую ССР, а позднее, в 1922 г., в Закавказскую Фе-

танию напряженности между этими этносами, была политика вытеснения абхазов с собственной территории. В результате дискриминации численность этнокоренного населения была доведена до 17%. Грузинский язык доминировал. Эта политика была встречена протестом со стороны местного населения, определенные круги абхазской интеллигенции ставили вопрос о выходе Абхазии из состава Грузии и присоединении к России. Имели место всенародные митинги.

Главную роль в формировании национального движения сыграли представители творческой и научной интеллигенции. С конца 80-х годов в Грузии стали образовываться довольно многочисленные общественные организации и политические партии. Одни из них выдвигали преимущественно культурные, гуманитарные и правозащитные задачи (Всегрузинское общество «Рустанели», Грузинская Хельсинкская группа), другие ставили целью достижение государственной независимости Грузии (Общество Ильи Чавчавадзе, Национально-демократическая партия, Народный фронт Грузии и ряд других)¹.

Трагические события в Тбилиси в апреле 1989 г., приведшие к применению вооруженной силы против демонстрантов, были непосредственно связаны с собранием абхазских патриотов в селе Лыхны. На нем при участии политического руководства Абхазии было принято обращение к союзным властям о преобразовании Абхазии в союзную республику, то есть о выходе из состава Грузии. Очевидно также, что тбилисская манифестация выражала более общие настроения, связанные с идеями национального возрождения и суверенитета. Абхазия оказалась лишь поводом для демонстрации этих на-

дерацию (до 1936 г.), что и было закреплено Конституцией Абхазской ССР в 1925 г. Только в феврале 1931 г. на Шестом съезде Советов ГССР и АССР было принято постановление о преобразовании «договорной» Абхазской республики в Абхазскую автономную республику в составе Грузинской ССР.

¹ Новые политические организации и партии. 1988-1990. Краткий справочник. — Ч.1. — Вып.1. Белоруссия, Грузия, Латвия, Литва. — М., 1990. — С. 17.

строений и недовольства республиканским руководством, которое сохраняло лояльность горбачевской политике. Апрельские события способствовали дальнейшей радикализации политических требований — идея независимости стала преобладающей. Убедительная победа Звиада Гамсахурдия на президентских выборах еще раз подтвердила доминирование национал-радикализма в грузинском обществе. Политика грузинского президента в ходе борьбы с партократией переросла в радикальные лозунги националистического толка. Тезис «Грузия для грузин» и деление этнических групп, населяющих республику, на истинных грузин и на тех, кто таковым не является и в первую очередь это население автономных областей абхазов, осетин и аджарцев, — не могли не вызвать защитных реакций и сепаратистских тенденций.

Грузино-абхазский конфликт приобрел насильственный характер: 12 августа 1992 г. на территорию Абхазии, объявившей о своем суверенитете, вступили войска, подчиненные Госсовету Грузии. Непосредственным поводом для перемещения грузинских войск послужили два обстоятельства: во-первых, необходимость обеспечения безопасности на железных дорогах Абхазии и Западной Грузии — Менгрелии; во-вторых, стремление к освобождению заложников — (в частности, премьера А. Кавсадзе и др.), захваченных звиадистами и удерживаемых ими на территории Абхазии. 14 августа грузинские войска заняли столицу Абхазии — Сухуми и после переговоров заложники были освобождены. Если председатель ВС Абхазии В. Ардзинба заявил об агрессии со стороны Грузии и объявил всеобщую мобилизацию, то лидер Грузии Э. Шеварднадзе, получивший тяжелое наследие после бегства З. Гамсахурдия в Армению, считал, что Абхазия находится под грузинской юрисдикцией, а значит, перемещение войск по собственной же территории в любом направлении вполне правомочно¹.

¹ Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч.1: 14 августа — 14 сентября 1992. — М., 1992. — С.29-32.

Таким образом, стремление к формированию моноэтнического государства вызвало противодействие со стороны нетитульной нации. Последняя видела выход из сложившейся ситуации только через сецессию, которая и вызвала конфликт по линии центр — субъект.

4.2. Осетино-ингушский конфликт на территории России

На территории России в наиболее острой форме так называемое сталинское наследие отразилось в конфликте между Северной Осетией и Ингушетией. Коренное население Чечено-Ингушской АССР — чеченцы и ингуши — было депортировано в 1944 году в Казахстан и другие регионы Средней Азии. Сама автономная республика была ликвидирована с передачей части территории Североосетинской АССР. В эту территорию вошел и Пригородный район, доминирующим населением которого (вплоть до депортации) являлись ингуши. В 1957 году Чечено-Ингушская АССР была восстановлена, коренное население стало возвращаться в районы своего традиционного проживания, хотя в административном отношении Пригородный район остался в составе Северной Осетии¹. Таким обра-

¹ Реабилитация же репрессированных народов произошла значительно позже — только в 1991 г. Территориальные вопросы, связанные с возвращением коренного населения в места бывшего проживания, практически не решены. Единственными нормативными документами, представляющими собой правовую базу для решения этой проблемы, являются Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и Указ Президента РФ р 948, раскрывающие общие вопросы территориальной реабилитации. Какого-либо правового акта, регламентирующего механизм территориальной реабилитации, не существует. / См. Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26.4.1991 г. с изменениями и дополнениями от 1.7. 1993 г. р 5303-1.; Указ Президента Российской Федерации «О мерах по осуществлению территориальной реабилитации репрессированных народов» от 16.9. 1995 г. р 948. // Конституционное право России. Сборник конституционно-правовых актов. — М., 1998. — С. 639 — 641, 646.

зом, была создана почва для национально-этнической напряженности. За период с 1957 по 1991 годы имело место несколько конфронтационных ситуаций, выразившихся в основном в митингах ингушского населения в январе 1973 года и беспорядках 1981 года. Последние факторы демонстрируют наличие латентного конфликта даже в условиях жесткой политической системы.

Первой проблемой, которая стимулировала обсуждение вопросов этнического развития в этой республике, стала ситуация в Южной Осетии. После выхода из состава СССР Грузия взяла курс на построение унитарной государственности, который предполагал ликвидацию автономных образований (Южная Осетия, Абхазия). Сопrotивление грузинской политике привело к военным действиям и появлению массы беженцев из Южной Осетии во Владикавказе. К 1991 г. их число достигло 100 тыс. человек — около трети осетинского населения республики (по переписи населения в 1989 г. осетин в Северной Осетии насчитывалось около 335 тыс. чел.)¹.

Это вызвало обострение ситуации в Северной Осетии. I Чрезвычайный съезд осетинского народа, проходивший 13 — 14 декабря 1991 г., поставил вопрос о кризисе осетинского этноса и «угрозе физического и духовного опустошения нации». В качестве первоочередной задачи было выдвинуто создание программы и механизма воссоединения Осетии, образования единого государства в равноправном союзе с РФ и СНГ. Однако руководство РФ отклонило обсуждение вопроса о включении Южной Осетии в состав России, что привело к появлению лозунга о создании независимой республики Алания.

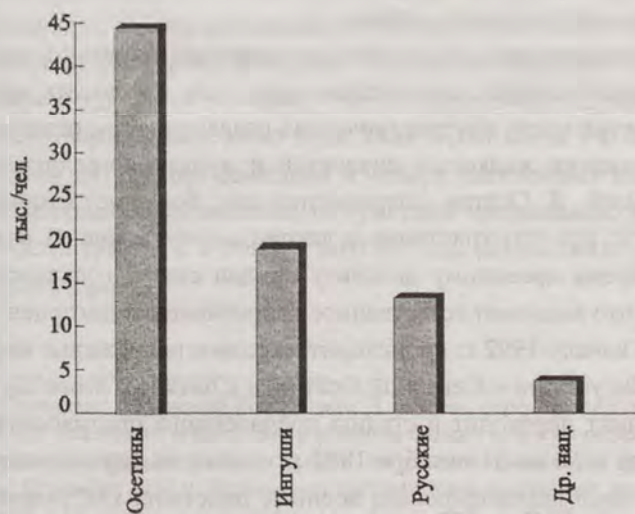
Параллельно с развитием осетинского конфликта в Грузии и усиливающимся потоком беженцев в Северную Осетию начинает обостряться и осетинская проблема, связанная с ингушскими притязаниями на Пригородный район Владикавказ-

¹ Национальный состав населения СССР: По всесоюзной переписи населения 1989 г. — М., 1991. — С. 28.

за. Таким образом, два конфликтных узла локализовались на узком пространстве и сфокусировались в точке осмысления задач этноса, среди которых на первое место в силу региональной конфликтности вышла задача укрепления защитных функций государства.

Притязания ингушей на Пригородный район представлялись осетинской стороне необоснованными по той причине, что на момент эскалации конфликта граждане осетинской национальности представляли собой абсолютно доминирующую этническую группу в этом районе (см. таблицу)¹.

Национальный состав Пригородного района (1989)

Осенью 1990 г., отреагировав на решение ингушской партии «Нийсхо» восстановить права ингушей на Пригородный район, ВС СОАССР принимает указ, направленный против механического прироста численности населения Пригородно-

¹ *Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and conflict in and after the Soviet Union. The Mind Aflame. — Lon., 1997. — P. 159.*

го района г. Владикавказа. При этом имелся в виду запрет на прописку приезжающих и желающих поселиться здесь ингушей. По мере нарастания антиосетинских настроений в соседней Чечено-Ингушетии руководство Северной Осетии принимает ответные меры: в 1991 г. создается неконституционная республиканская гвардия, в СМИ обсуждается вопрос о необходимости повышения обороноспособности республики. 20 октября 1992 года ВС СО принимает постановление о введении в действие закона «О безопасности», который юридически оформляет существование гвардии. Заметим, что подобные решения идут вразрез с конституционными нормами единого государства, не допускающими создание вооруженных формирований субъектами федерации наряду с федеральными вооруженными силами.

Немаловажно, что в этой ситуации процесс консолидации осетинской нации навязывался сверху, так как до сих пор сохраняется некая внутриэтническая разделенность, основанная на различии языковых диалектов и культурно-религиозных традиций. В Осетии сохраняются две большие этнические группы: иронцы-христиане и дигорцы-мусульмане. В настоящее время иронскому диалекту придан статус государственного, что вызывает естественное сопротивление дигорцев¹.

К началу 1992 г. происходит массовое вооружение населения Ингушетии и Северной Осетии, а к октябрю этого же года конфликт переходит в стадию предвоенного противостояния. В ночь с 30 на 31 октября 1992 г. стычка между ингушами и осетинами спровоцировала военные действия: как только население Ингушетии узнало о том, что в Пригородном районе «идет истребление земляков», масса вооруженных ингушей двинулась в сторону Северной Осетии. Одновременно с этим утром 31 октября руководство СО объявило об агрессии. Осетинское руководство получило поддержку со стороны Северо-

¹ Денисова Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. — Ростов-на-Дону, 1996. — С. 156 — 157.

Кавказского военного округа. Прибывшие на место представители российского правительства Г. Хижа и С. Шойгу дали военному округу санкцию на выдачу оружия осетинскому населению. И если в первые дни конфликта разрушались осетинские дома, то теперь началось истребление ингушей. В это же время во Владикавказе из своих домов выселялись ингуши.

Внутренние войска, находившиеся в районе конфликта, не стремились его остановить. Указ Президента РФ Б. Ельцина о введении чрезвычайного положения был введен в действие только 2 ноября¹. Первый глава временной администрации в зоне конфликта Г. Хижа недвусмысленно заявил о поддержке осетинской стороны, полагая, что таким путем можно будет спровоцировать вступление в открытый конфликт генерала Д. Дудаева и, воспользовавшись этим предлогом, покончить с «чеченским фактором»². Однако этот расчет оказался неверным как в тактическом плане, так и стратегическом. Косвенным подтверждением этого стал Указ Президента РФ о возвращении ингушских беженцев в четыре населенных пункта, ранее являвшихся совместными пунктами проживания. Военские части сумели к 6 ноября того же года разъединить враждующие стороны³.

¹ Президент Чеченской Республики Д. Дудаев отреагировал на введение ЧП заявлением о нейтралитете Чечни, однако во время обострения конфликта российские войска вышли на административную границу Чечни. 10 ноября 1992 г. Дудаев ввел чрезвычайное положение; началось создание мобилизационной системы и сил самообороны ЧР. Только 18 ноября 1992 г. была достигнута договоренность между правительственно-парламентскими делегациями Чечни и России о разведении российских и чеченских вооруженных формирований. Таким образом, в зоне осетино-ингушского противостояния зарождался будущий конфликт между федеральным центром и субъектом федерации / Россия — Чечня: цепь ошибок и преступлений. — М., 1998. — С. 26.

² Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. — М., 1997. — С. 92.

³ Северная Осетия. Этнополитические процессы. 1900-1994 г. Очерки. Документы. Хроника. — М., 1995. Ч.3. — С. 115.

В результате противостояния от 46 до 64 тыс. беженцев ингушской национальности обосновались в небольших и экономически неразвитых районах Ингушетии, 70% из них проживает в домах родственников¹.

Однако конфликт не устранил противоречий, спорная часть осталась под юрисдикцией Северной Осетии, а Ингушетия в своей Конституции признает одной из важнейших задач существования государства — возвращение незаконно отторгнутой территории (ст. 11)².

Территориальные противоречия между Ингушетией и Северной Осетией являются «конфликтом с нулевой суммой». Чересполосное расселение этих этносов на спорных территориях ограничивает возможность радикального разрешения территориального спора в пользу одной из сторон.

Помимо этого конфликт постоянно подогревается устойчивыми мотивационными структурами. Со стороны ингушей — это чувства несправедливости, зависимости и ущемленности, вызревшие во взаимоотношениях и с русскими, и с осетинами, и с чеченцами. Со стороны осетин это также чувство ущемленности, связанное с насильственным переселением и разделенностью этноса границей между двумя государствами — Грузией и Россией. Но если у ингушей эти чувства разделяет весь народ, так как история почти каждой семьи повторяет историю народа, то в Осетии они в первую очередь характерны для осетин, пострадавших либо в военные годы, либо в осетино-ингушских или грузино-осетинском конфликтах³.

Таким образом, существующее межэтническое противоречие, нерешенность проблемы беженцев и во многом сохраняющиеся настроения возмездия на личностном уровне продолжают оставаться факторами, способными перевести

¹ *Tishkov V.* Ethnicity, Nationalism and conflict in and after the Soviet Union. The Mind Aflame. — Lon., 1997. — P. 180.

² Конституция Республики Ингушетия // Конституции республик в составе РФ. Вып. 1. — М., 1995. — С. 67.

³ *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. — М., 1998. — С. 220-222.

осетино-ингушском конфликт из латентной ныне стадии в новую вооруженную борьбу.

4.3. Средняя Азия и Казахстан — исламизация и клановые конфликты

Говоря о Средне-Азиатском регионе Советского Союза, следует отметить, что в этих республиках в наибольшей степени выразились противоречивые процессы советской модернизации. Местные патриархальные общества оставались в своей социальной основе преимущественно сельскими и традиционалистскими. Советская жесткая социально-политическая (тоталитарная) система наложилась на местные традиции авторитарной власти, социальной иерархии, клановости и в конечном счете трансформировалась в своеобразный элемент этих отношений. Сложилась система восточного «неодеспотизма» с псевдокоммунистической идеологией¹.

Пять среднеазиатских республик до 1991 г. отличались наибольшей прокоммунистической ортодоксальностью среди всех остальных республик бывшего Союза. Особенно наглядно это проявлялось на первых двух съездах народных депутатов СССР. Пришло время, и политика правящей элиты региона эволюционировала в такой степени, что стало возможным говорить о диаметрально противоположной смене политической ориентации.

В той или иной форме о необходимости духовного возрождения и о важной роли в этом процессе ислама высказались лидеры практически всех республик этого региона. Однако, восприняв идеологию исламского возрождения, лидеры среднеазиатских государств не отказались от своей прежней стратегии — максимально нейтрализовывать политическую активность исламских партий и движений.

¹ Чешко С.В. Распад Советского Союза. — М., 1996. — С. 216.

В официальной мусульманской доктрине утверждается, что ислам является барьером на пути национализма, особенно ислам, распространенный в среднеазиатских республиках, так как объединяет единоверцев и пропагандирует мир между конфессиями. Правда, эта теория не подтверждается фактами. Ош, Фергана и Новый Узень — акции этнической агрессии единоверцев, причем принадлежащих к одному религиозному течению — суннизму.

Здесь важно указать на общие причины межэтнических противостояний, в которых мусульманские группы выступают в качестве стороны (сторон) в конфликте.

Причина локальных конфликтов в Средне-Азиатском регионе лежит в социальной организации общества, которая пережила ряд трансформаций в XX столетии. Испокон веков основной формой организации жизни оседлого населения была махалля—своего рода локальная община, в пределах которой происходили организация и регулирование деятельности, взаимодействие с окружающим миром и официальными властями. Махалля таким образом являлась базовой ячейкой общества. В советское время сформировалась новая элита, которая не представляла собой наследственную родоплеменную знать. В большинстве своем в нее входили авторитетные лидеры, которые шли в административный аппарат для защиты интересов своих общин. При этом община, избравшая лидера, впоследствии беспрекословно подчинялась ему. Естественным был и следующий шаг в функционировании данной системы — объединение различных группировок в кланы, которые формировались и по территориальному признаку. В условиях жесткой командно-административной системы противоречия внутри этой пирамиды находились под контролем, но с исчезновением сдерживающих факторов вырвались наружу¹.

¹ *Абазов Р.Ф.* Исламское возрождение в центрoазиатских новых независимых государствах // *Полис*, 1995. — № 3. — С. 66 — 67.

В наибольшей степени межклановая вражда выразилась в гражданской войне в Таджикистане. Этнополитическая ситуация в Таджикистане характеризовалась наличием продолжительного противостояния между горными и равнинными таджиками на почве борьбы за власть в республике. Конкретно это выражалось в том, что традиционно доминировала ленинабадская (ходжентская) группировка, с которой соперничали кулябская и курган-тюбинская. Именно последние могли извлечь для себя шанс, взяв на вооружение лозунги перестройки и демократизации, так как ходжентцы ассоциировались с «командно-административной системой» и «партократией».

Эта борьба приобрела ожесточенные формы и унесла сотни тысяч жизней. Воюющие группировки продемонстрировали при этом крайние формы жестокости и бесчеловечности¹. Изначально конфликт имел локальный характер, однако острота противостояния привела к необходимости использования силового начала в целях умиротворения сторон. Связано это было в первую очередь с тем, что постепенно этот конфликт стал перерастать в среднеазиатский конфликт в целом, с включением Узбекистана и других стран региона.

Следует заметить, что исламизация данного региона постсоветского пространства связана с мощными геополитическими процессами. Следствием исчезновения сильного центра в лице Москвы стало доминирование в этом регионе соседних исламских государств, прежде всего Турции и Ирана². В отношении Таджикистана преобладает влияние Афганистана, столь сильное, что «афганизация» республики представляет собой реальную угрозу стабильности в Средней Азии. Последнее является объективным фактором, обуславливающим присутствие российских войск в этом регионе.

¹ Шосматуллоев Ш. Таджикистан в феврале 1990 года: начало всех начал // Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ // Ежегодник. — 1994. — С. 161-170.

² Brzezinski Z. The Grand Chessboard. — N.-Y., 1997. — P. 137-138.

Конфликт в Таджикистане показывает, что вследствие обострения отношений между участниками политического процесса (в данном случае между исламской оппозицией и государственной интегрированной элитой) конфликт может нарушить нормальный политический процесс и привести к вооруженному столкновению. Мощь государственной системы позволяет ей выйти победителем во многих ситуациях. Однако борьба может перейти в конфликт низкой интенсивности, в том числе в партизанские действия. Такая тактика, изматывающая обе стороны, парализует всю государственную и социальную систему (подобным образом истощались вооруженные силы СССР в Афганистане). Каждый последующий шаг любой стороны только ухудшает ситуацию. Собрать развалившийся до состояния противоборствующих кланов и группировок механизм государства и общества в целостную систему представляется затруднительным.

Таким образом, к началу перестройки—имелись явные причины для появления межэтнических противоречий. Одним из основных противоречий советской национальной политики, проводимой в условиях тоталитарной системы, являлось то, что теоретически она исходила из идеи нациостроительства и национально-территориального устройства, но на практике не смогла осуществить этот принцип. Главным отрицательным следствием такой политики были не только сами национальные границы и утверждение в республиках этнических элит, но и то, что посредством этой системы в массовое сознание внедрялись нормы национализма на фоне пропаганды интернационализма. Активизировавшись в годы перестройки, национализм, подогреваемый амбициями политических элит, вылился в сепаратистские движения по отношению к союзному центру. Дезинтеграция и последовавшее за ней образование новых независимых государств вызвали интерес к территориальному переделу. Одновременно с этим рост национализма в республиках усиливал противодействие со стороны национальных меньшинств, а как следствие, и желание самоопределения.

Конфликтогенная этнополитическая ситуация на постсоветском пространстве характеризуется следующими признаками. Многонациональный состав населения территорий бывшего СССР, чересполосица проживания этносов и сильные конфессиональные и культурные различия между ними обуславливают как значительное число противоречий по линии этнической общности, так и моментальное вовлечение в конфликт новых участников. Кроме того, стремление к созданию моноэтнических государств наталкивается на сопротивление со стороны национальных меньшинств, желающих обрести собственную автономию. Абсолютно противоположные претензии сторон характеризуют эти конфликты как близкие к нулевой сумме.

При этом важное значение приобретают и внешние факторы воздействия на конфликтную ситуацию: столкновение интересов посредников и «третьих» лиц в борьбе за доминирование на определенной территории в постконфликтный период подчас координальным образом меняет соотношение сил в противостоянии.

ГЛАВА II. КОНФЛИКТ РОССИЯ — ЧЕЧНЯ — ПОПЫТКА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

§1. Чеченский конфликт и средства массовой информации

«Во времена Шуня восстала страна Саньмяо. Юй выступил за усмирение мятежников, но увидев, что их страна по характеру своей территории очень хорошо приспособлена для обороны, счел бесполезным покорить ее оружием. Он вернулся со своей армией домой и энергично занялся у себя упорядочением своей страны, насаждением в ней благ культуры, поднятием благосостояния населения и этим добился того, что страна Саньмяо очень скоро изъявила покорность».

Хроника Древнего Китая

«Черкесы нас ненавидят. Мы выгнали их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам».

А.С. Пушкин, «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г.»¹

«Уроженцы одной и той же страны почти всегда с течением времени сохраняют качества своего характера».

Н. Макиавелли, «Размышления над первой декадой Тита Ливия». Книга III, Глава XLIII²

Распад СССР и разрушение централизованной системы управления государством предопределили подъем этническо-

¹ Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. — СПб., 1838. — С. 143 — 144.

² Макиавелли Н. Государь. Размышления над первой декадой Тита Ливия. — Минск, 2003. — С. 670.

го национализма на границах самой России. В наиболее яркой степени тенденции самоидентификации этноса и следующего за ним (при благоприятных условиях) желания самоопределения проявились в Северо-Кавказском регионе, в первую очередь на территории Чечни. Данный регион в исторической ретроспективе взаимоотношений с Россией особенно выделяется высокой степенью конфликтогенности и внутренней нестабильности. При этом динамика противодействия России в стремлении административно, политически и экономически доминировать в регионе напрямую связана с общегосударственными периодами дестабилизации, что обусловлено в первую очередь снижением силового давления и распределением внимания власти на иные проблемные регионы.

Исторические предпосылки конфликта, о которых было сказано выше, несомненно сыграли свою роль как в развертывании противостояния в первой половине 90-х гг., так и в настоящее время служат одним из непреодолимых барьеров на пути установления позитивного взаимодействия в отношениях между чеченцами и российской властью.

Говоря о последнем подъеме чеченского сепаратизма (с 1991 г.), необходимо выделить несколько факторов, которые сыграли определяющую роль в росте напряженности и развертывании конфликта в республике. Системный кризис, охвативший Советский Союз в конце перестройки выразился в раскачивании союзной власти со стороны как руководства национальных республик, так и российской власти во главе с Б. Ельциным.

Чечня объявила себя независимой от России вскоре после августовского путча 1991 года, следуя примеру союзных республик. В ноябре 1991 года была предпринята попытка решить чеченский кризис силой, но посланные войска были возвращены через два дня после прибытия, так и не вступив в противостояние.

Ослабление идеологического давления отразилось на усилении мусульманского влияния в республике, при этом влия-

ние на религиозную сферу постепенно оказалось в руках радикальных исламистов-ваххабитов, крайне агрессивно настроенных и против христианства, и против русской культуры. В связи с этим актуально вспомнить определение Ф. Гегелем радикального ислама периода Средневековья: «У магометан господствовала абстракция: их целью было торжество абстрактного культа, и они стремились к этому с величайшим воодушевлением. Это воодушевление являлось фанатизмом, т.е. воодушевлением, вызванным абстрактным, абстрактной мыслью, которая относится отрицательно к существующему. (...) Здесь принципом было *la liberte et la terreur* (религия и террор)»¹.

В Чечне же одним из катализаторов конфликта выступило «решение проблемы» вооружения населения, когда в руках чеченцев оказалось оружие, оставленное российскими военнослужащими после ухода из республики в июне 1992 г. Кроме того, российские спецслужбы передавали оружие и помогали специалистами антидудаевской оппозиции в 1994 году. Это и предопределило эскалацию изначально внутриреспубликанской борьбы за власть в республике².

Таким образом, проблема милитаризации горских народов, окончательно решенная советской властью только в 1944-1946 гг.³, в результате ликвидации складов с оружием (и позволившая сохранять относительное спокойствие в регионе), вновь обрела свою актуальность.

Зарождение последнего витка чеченского конфликта фактически совпало с образованием нового Российского государства. Естественно, что так или иначе эскалация и деэскалация данного конфликта оказывали воздействие на внутреннюю и внешнюю политику страны. Ключевым вопросом при этом

¹ Гегель Г.В.Ф. Христианство и реформация / Мартин Лютер. 95 тезисов. — СПб., 2002. — С. 300.

² Чеченский кризис / Под ред. Л.А. Беляевой. — М., 1995.

³ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. — М., 2002.

являлось и является управление данной территорией: установление гражданского мира и учреждение и развитие административного и демократического управления. После принятия решения о наделении Чеченской республики «эксклюзивными» для России правами автономии в составе федерации и последовавшим вслед за этим референдумом по принятию республиканской Конституции — во второй половине 2003 г. — начинается подготовка к выборам президента Чечни. При этом основные задачи, которые ставит перед собой федеральный центр, а именно: сохранение Чечни в составе России, установление гражданского мира и снижение угрозы мусульманского экстремизма для национальной безопасности — постепенно теряют возможность их решения.

На настоящий момент международные организации продолжают акцентировать внимание на гуманитарной катастрофе на территории самой Чечни и на территории соседней Ингушетии, где расположены лагеря беженцев из Чечни. По мнению представителей организации «Врачи без границ», власти России и Ингушетии намеренно ухудшают положение беженцев, вынуждая их вернуться в Чечню. Целью такой политики является создание у международного сообщества впечатления о стабилизации обстановки и возвращении мятежной республики к мирной жизни. В самой Чечне практически полностью прекращена гуманитарная помощь, республика оказалась последней страной в мире, в которой на постоянной основе не работает ни одна благотворительная организация: «ситуация драматичнее, чем в таких странах, где идет гражданская война, как Конго, Бурунди или Сьерра-Леоне»¹.

Действия в Чечне российской армии также вызывают негативную реакцию правозащитных организаций: по сведениям организации «Human Right Watch», на территории республики ежемесячно похищаются около 60 чеченцев (в большинстве

¹ «Frankfurter Rundschau». — 21.07.2003.

своём молодых людей), кроме того, обнаружено 49 массовых захоронений, в которых лежат в общей сложности 3000 тел¹.

На настоящий момент следует очередной этап эскалации насилия. При этом тенденция на «палестинизацию» конфликта (расширение форм террора, характерных для арабо-израильского конфликта) перекидывается как на сопредельные с Чечней территории, так и в столицу России.

Что касается чеченского повстанческого движения и террористических групп на территории Чечни, то следует отметить, что борьба с действующими группировками на территории Чечни осложнена в первую очередь десятилетним противостоянием, а значит, существованием налаженной инфраструктуры, связью, действующими путями финансирования и поставок вооружения. В настоящее время задачи, стоящие перед российскими вооружёнными формированиями в Чечне, фактически близки к задачам, которые пытаются решить американские контингенты в Афганистане и Ираке.

Военный аспект чеченского вопроса наиболее актуален для военно-стратегического осознания сущности противника.

Цели, которые преследуют вооружённые формирования чеченских сепаратистов («Риад ус-Салихин», «Интернациональная исламская бригада», «Исламский полк специального назначения»), в первую очередь лежат в сфере борьбы против регулярной «оккупационной» армии и подразделений органов внутренних дел. Это характерное отличие, например, от изначально идеологически мотивированного джихада «Аль-Каиды» (Усама бен Ладен), «Египетского исламского джихада» (Айман аль-Завахари), «Палестинского исламского джихада» (Рамадан Абдулла Шалла), «Организации Абу Нидала» (Абу Нидал). Различия существуют и в сравнении с организациями, ставящими своей целью изменение правящего режима в собственных странах:

- построение исламского государства в Алжире («Вооружённая исламская группа»); в Египте («Джамаа Аль-

¹ Los Angeles Times. — 08.07.2003.

Исламия» — «Исламское братство»); на территории Палестины («Народный фронт освобождения Палестины — Верховное руководство»); в Ливане — «Хезболла» («Партия Бога») (при этом после достижения первоначальной цели — вывода войск Израиля из Ливана — «Хезболла» продолжает террористические атаки на Израиль и его западных союзников); в Узбекистане («Исламское движение Узбекистана»); на Филиппинах (группа «Абу Сайаф»);

- построение государства социальной справедливости — в Иране («Муджахеддин Хальк» — «Союз моджахедов», основанный на идеологической смеси ислама и марксизма); в Перу — «Сендеро Луминосо» («Светлый путь», основан на маоистской теории); в Колумбии («Революционные вооруженные силы Колумбии» FARC).

Одновременно с этим велики различия с мусульманскими организациями, ставящими целью уничтожение Израиля как государства, — «Народный фронт освобождения Палестины» (НФОП). Такие задачи выдвигались и наиболее одиозными фигурами в чеченском освободительном движении, как, например, Салманом Радуевым, однако не получали поддержку среди менее радикально настроенных чеченцев.

Наиболее близкие по целям и задачам к чеченскому сепаратизму организации сосредоточены на территории палестинской автономии: в первую очередь «Хамас» («Движение исламского сопротивления»), совершающее террористические атаки против Израиля как оккупанта палестинских территорий. Окончательной целью же «Хамаса» также является построение исламского государства.

Близкие цели ставят следующие организации и группы:

- «Тигры освобождения Тамил Илам», ведущая гражданскую войну в Шри Ланке с целью создания независимого индуистского государства Тамил Илам на севере страны;
- «Рабочая партия Курдистана», созданная в 1974 г. для борьбы за национальное самоопределение курдов, прожи-

вающих в основном на территории Турции, Ирана, Ирака. РПК базируется на марксистской идеологии;

- «Родина и свобода басков» (ЭТА — «Euskadi Ta Askatusbna»), — организация, созданная в 1959 г. для борьбы с режимом Ф. Франко, который проводил антибаскскую политику, в частности запрещал использование баскского языка. Однако, после крушения режима Франко, когда баски получили автономию, ЭТА не прекратила свою деятельность, добиваясь до настоящего времени образования независимой страны Баския;
- «Настоящая ирландская республиканская армия» и «Премники ИРА», созданные непримиримыми членами ИРА, отказавшимися признать соглашение о прекращении огня и добивающимися независимости Северной Ирландии;
- «Фронт национального освобождения Корсики» — организация, ведущая борьбу за отделение островного государства от Французской республики.

Таким образом, сепаратистское движение в Чечне, выражающееся в партизанской войне и диверсионных акциях на территории самой республики и террористических акциях за ее пределами, стоит в одном ряду с аналогичными движениями в Европе, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Вместе с тем характерной особенностью российско-чеченского конфликта является его растянутая во времени интенсивность, широкомасштабность боевых действий и распространенность диверсионных и террористических акций.

Помимо этого в случае с чеченским сепаратизмом мы имеем дело со смешанным типом силовых действий:

- группы боевиков действуют на всей территории Чечни и совершают вылазки в соседние республики (аналогичная ситуация имеет место на территории Шри Ланки);
- террористические акции совершаются за пределами республики («Настоящая ИРА», «ЭТА», «ФНОК», «Хезболла», «Бригада мучеников Аль-Аксы» и др.);

- используются боевики-шахиды (радикальные исламские организации, действующие с территории Палестины);
- осуществляется похищение и захват заложников («Революционные вооруженные силы Колумбии»).

Связи чеченских террористов с международными террористическими сетями, широко освещаемые российской прессой с целью искусственного смешения целей и задач чеченских боевиков с идеологической платформой их зарубежных коллег, в действительности могут иметь место. Однако обозначенные связи скорее имеют характер взаимовыгодного сотрудничества: поставки оружия, финансирование отдельных акций, участие в совместных операциях в России и за ее пределами (например, в Ираке), обучение боевиков. И наиболее выгодная сторона сотрудничества для зарубежных партнеров — расширение представления в западном обществе о глобальной террористической сети. Подобное сотрудничество с исламскими террористическими группировками имело место и в связи с активностью террористических организаций в 70 — 80-е годы: Фракция Красной армии — RAF, «Красные бригады», армянские националисты (ASALA) и другие. По данным израильской разведки, например, на базах Организации освобождения Палестины (ООП) в 1981 году прошли подготовку боевики 22 террористических организаций¹.

Вооруженная борьба чеченских сепаратистов также подкрепляется активной идеологической кампанией через электронные и печатные СМИ. Направленность информационных атак имеет несколько целей: усиление раскола российского общества по вопросу войны в Чечне и получение известности, признания и оправдания за рубежом. Отметим, что аналогичные кампании проводят, например, колумбийские партизаны из ФАРКА².

¹ Хоффман В. Терроризм — взгляд изнутри. — М., 2003. — С. 101.

² См. книга с предисловием М. Феррейро, в котором объясняется необходимость партизанской войны. FARC-ER Революционная Колумбия. История партизанского движения. — М., 2003.

Вопрос же урегулирования военных действий в Чечне меняет разное смысловое значение в зависимости от поворотов дипломатической игры между странами «большой восьмерки».

Если в 1994 году на Западе «версия» о недопустимости распада России принималась и устраивала подавляющую часть политической элиты, то впоследствии с расширением масштабов боевых действий и увеличением числа случаев нарушения прав человека пришлось видоизменять в информационном и дипломатическом ключе «мотивацию РФ» к продолжению боевых действий в Чечне, в том числе центральный вопрос о статусе Чечни в составе федеративного государства.

Россия использовала данную проблематику с целью изменения общественного мнения на Западе. Так, реакцией на заявление В. Путина о «непринципиальности вопроса о зависимости или независимости Чечни от России», а лишь о важности спокойствия данного региона для национальной безопасности РФ¹ стала позитивная оценка аналитиков США. Такие лидеры, как З. Бжезинский, М. Кампельман и А. Хейгмладший, возглавляющие Комитет за мир в Чечне, высказались в том духе, что в республике открываются возможности для прекращения боевых действий и налаживания мирного процесса.²

На дипломатическом уровне особенно ярко данные тенденции стали проявляться в период после событий 11 сентября 2001 года, создания антитеррористической коалиции и последовавшего за ней введения войск коалиции в Афганистан — чеченский вопрос в международных переговорах с Россией стал фактически разменной монетой (сам процесс изменения отношения западных стран после террористической атаки на США к действиям РФ на Северном Кавказе будет

¹ Интервью В. Путина американским журналистам // Страна.ру, 19.06.2001. — <http://www.strana.ru>

² Brzezinski Z., Haig A.M. Jr., Kampelman M. An Opening on Chechnya // The Wasington Post. — 04.07.2001.

рассмотрен нами ниже применительно к проблеме информационного освещения конфликта).

В 2003 году на международной арене продолжали усиленно акцентироваться проблема производства оружия массового поражения на территории Ирака и подготовка общественного мнения к вторжению объединенной группировки западных стран на его территорию с целью смещения правящего режима Саддама Хусейна. Среди стран НАТО произошел раскол по поводу желания США и Великобритании применить силу для ликвидации очередной «угрозы демократическому миру», а в действительности поставить под свой контроль энергетический регион Персидского залива и снизить роль Европейского сообщества. Сложившаяся международная обстановка обуславливала подъем роли России и как обладателя блокирующего голоса в Совете Безопасности ООН, и как отдельной силы. В связи с этим как сторонники вторжения в Ирак (США, Великобритания), так и его противники (Франция, Германия) делали попытки привлечь Россию на свою сторону. Вопрос о Чечне снова обрел свойственную ему актуальность: и президент Франции Ж. Ширак, и его оппонент премьер-министр Великобритании Т. Блэр, желая заручиться поддержкой официальной Москвы, предприняли один и тот же дипломатический ход — поддержали инициативу В. Путина по проведению референдума по Конституции Чечни. При этом главы европейских государств подчеркивали, что проведение референдума свидетельствует о налаживании в мятежной республике мирного политического процесса¹. Не вызывает сомнения, что ход России с проведением референдума был изначально задуман в большей степени как PR-акция для международного сообщества и значительно в меньшей — как попытка придания легитимности очередного вхождения Чечни в состав РФ.

¹ Financial Times. The diplomatic Houdine's nuclear key. — 24.06.2003.

Совокупность проблемных блоков в Российско-Чеченском конфликте.

В контексте предлагаемой работы исследовательский интерес к сепаратизму Чечни во многом обусловлен глобальной конфликтогенной катализирующей характеристикой данного внутрироссийского противостояния. Российско-чеченский конфликт выступает не только дестабилизирующим фактором для всего Кавказского региона, но и на протяжении уже длительного периода времени представляет собой одну из зон мировой дестабилизации и поле борьбы с исламским экстремизмом, а последние годы и с международным. Такое «расширение» конфликта и его трансформация фактически в меццивизационный конфликт во многом происходят не в связи с вовлечением в военные действия в республике значительного количества исламских экстремистов и расширением связей лидеров повстанческого движения с идеологами фундаментализма из стран Ближнего Востока, а по причине понятийного пересмотра на международном уровне (дипломатическом и информационном) сути конфликта в Чечне.

В связи с вышесказанным характерный пример изменения медийной интерпретации событий демонстрировали при их освещении в Чечне западные СМИ в сентябре-декабре 2001 г.

В этот период наблюдается следующая динамика изменения отношения Запада к действиям России при урегулировании чеченского кризиса.

Вплоть до 11 сентября 2001 года западные СМИ предлагали следующие негативные идеологические конструкции при освещении событий в Чечне:

- отсутствие в РФ средств и возможностей для ведения борьбы даже на собственной территории (в контексте общей пропаганды сдерживания геополитических устремлений России);
- нарушение прав человека и потери среди гражданского населения Чечни;
- стратегический расчет России в помощи Западу в борьбе с терроризмом (кроме чеченского аспекта все СМИ говорят о значительных уступках России по проблемным вопросам — НАТО, ПРО, ВТО).

Однако количество и характер негативных оценок резко снижаются после событий 11 сентября (на значительные периоды времени тема Чечни практически исчезает из информационного поля). Так, если вышедшая 11 сентября газета «The Washington Post», анализируя ситуацию в Чечне, критикует федеральный центр в контексте общей негативной оценки внутренней политики в РФ, утверждая, что «жестокая тактика России в Чечне отражает изменения, произошедшие в российской политике», то уже 14 сентября «The Times» призывает «немедленно прекратить подрыв позиции России на Северном Кавказе». Пожалуй, знаковым в пересмотре позиции российско-американских отношений и мнений, высказываемых на Западе по чеченской проблеме, можно назвать заявление одного из ведущих американских ньюсмейкеров К. Пауэлла о том, что «закончился период постхолодной войны»¹, — именно в рамках такой идеологической конструкции и происходит впоследствии подача медийной информации.

¹ Chicago Tribune. — 18.09.2001.

Мнения, высказываемые на Западе, меняют свою направленность, а также идеологическую и эмоциональную окраску и при характеристике событий, происходящих в Чечне: «Дж. Буш поддержал В. Путина в вопросе борьбы с чеченскими сепаратистами. Это самый убедительный на сегодняшний день признак крепнущего сотрудничества между Вашингтоном и Москвой в борьбе с терроризмом»¹, «События 11 сентября позволят России занять прочное место в структуре Запада, тем более что подавление терроризма входит в собственные интересы России — например, в Чечне, где исламские экстремисты ведут партизанскую войну»², «Активисты борьбы за права человека и аналитики военных проблем признают, что чеченские повстанцы получают определенную поддержку от зарубежных воинствующих группировок»³. Данная тенденция находит свое логическое завершение в заявлениях главы делегации ПАСЕ в Чечне лорда Джадда о «возможности применения силы против террористов»⁴, а также британского премьера Т. Блэра о признании факта существования чеченского терроризма⁵.

Таким образом, позитивная составляющая при освещении западными СМИ событий в Чечне происходит в контексте общих положительных характеристик России, основой для которых послужило выступление России на стороне «антитеррористической коалиции». Постепенно словосочетание «воен-

¹ The Times, 28.09.2001. В связи с этим можно вспомнить высказывание Дж. Буша-младшего, сделанное им еще в период предвыборной кампании в интервью Л. Кингу о неприемлемости действий России на Кавказе и обусловленной этим необходимостью немедленного прекращения экономической помощи России — «страны свободного мира должны осудить убийство невинных женщин и детей» (цит. по The Washington Post).

² //The New York Times. — 2.10.2001.

³ //The Wall Street Journal. — 06.10.2001.

⁴ //Телеканал НТВ. — 6.12.2001.

⁵ //Daily Telegraph. — 24.12.2001.

ные действия России в Чечне» заменяется термином «борьба с терроризмом», при этом, как правило, подразумевается борьба России в одной связке с Западом. Тенденция страны представить общественности внутреннюю этническую и конфессиональную оппозицию, ведущую борьбу за отделение территории или расширение автономии как одно из полей борьбы данного государства с международным терроризмом, характерно не только для современной России. В Китайской Народной Республике правительство также апеллирует к международному сообществу с целью признать борьбу мусульман-уйгуров за отделение от КНР как участок фронта международного терроризма во главе с «Аль-Каидой». При этом основанием для подобного «объединения и обобщения» выступают данные китайских спецслужб о прохождении обучения несколькими сепаратистами в лагерях «Аль-Каиды» на территории Афганистана¹.

В то же время проблема Чечни актуализирована и в силу того, что военные действия в республике являются постоянным фактором давления на Россию со стороны международного сообщества. Снижение дипломатического и информационного пресса со стороны Запада характерно лишь на тех этапах политического взаимодействия, когда необходим альянс с Россией в вопросах международной безопасности и борьбы с терроризмом. Особенно наглядно это было продемонстрировано после событий 11 сентября 2001². Впоследствии отношение стран «антитеррористической коалиции» изменялось с «понимающего проблематику» на «настороженное», что наиболее ярко проявило себя весной 2003-го в пери-

¹ Грани.ру, 22.03.2002. www.grani.ru

² См.: Кавтарадзе С.Д. Роль масс-медиа в формировании общественного мнения в условиях урегулирования этнополитического кризиса. // Сборник докладов к конференции «Актуальные проблемы теории и практики управления». — М., 2002.

од после проведения референдума¹ по принятию Конституции Чечни и ответной реакции сепаратистов на политические действия федеральной власти:

«El País» (Испания): «В марте в республике был проведен воображаемый референдум, характерными моментами которого стали: практически абсолютное единодушие по вопросу вхождения Чечни в состав РФ (96%), полное отсутствие наблюдателей и манипуляции со списками избирателей»²;

«The Times» (Великобритания): «Кремль утверждает, что жизнь в Чечне после трех с половиной лет войны, второй за текущее десятилетие, вошла в нормальное русло. Кремль превозносит проведенный в марте референдум, в ходе которого, по его словам, чеченцы высказались за то, чтобы остаться в составе России. Это все чепуха»³;

«Die Presse» (Австрия): «Последний террористический акт с еще большей очевидностью показывает, сколь далеко расходятся между собой желания и реальность в мятежной республике»⁴;

«Frankfurter Allgemeine Zeitung» (Германия): «С той поры, как месяц назад большинство чеченцев проголосовали якобы за то, чтобы остаться в составе России, ничего не изменилось: по ночам «эскадроны смерти» из спецназа и отря-

¹ Заметим, что проведение референдума или плебисцита по принятию Конституции или какого-либо другого законодательного акта является, по сути, только легитимизацией того или иного документа, навязываемого политической элитой. Это обусловлено в первую очередь тем, что население по большей части незнакомо с документом и не имеет альтернативного акта. Не меньшее значение имеет и тот факт, что правовая грамотность населения вообще, а в разрушенной Чеченской республике в частности, настолько мала, что непринимая участие в голосовании в своей массе не способны оценить слабые и сильные стороны документа, правовые последствия его принятия.

² El País. El abismo checheno. («Чеченская бездна»). — 13.05.2003.

³ //The Times. «An unwinnable war, but Russia cannot quit». («Выиграть войну в Чечне невозможно, но и уйти Россия оттуда не может»). — 13.05.2003.

⁴ //Die Presse. Tschetschenien: «Bombe bringt Putin unter Zugzwang» («Чечня: взрыв вынуждает Путина действовать»). — 13.05.2003.

дов российской милиции особого назначения забирают мужчин, после чего те зачастую исчезают»¹.

Методы ведения войны всегда вызывают негодование со стороны гражданских институтов и в действительности являются ужасающими. Однако реакция сторонников войны на критику в свой адрес всегда основана или на отрицании фактов нарушения международного права при ведении боевых действий, или на призывах к общественности «прекратить истерику».

В связи с этим хотелось бы вспомнить совет политического деятеля и писателя Гая Саллюстия Криспа, данный Гаю Юлию Цезарю: «От того, каким путем ты достиг победы, будет зависеть и все, что нас ожидает»².

§2. Перспектива развития конфликта: контртеррористическая операция или переговорный процесс

Перспектива урегулирования сепаратистского конфликта в Чеченской республике и установления стабильности в регионе в ближайшее время представляется весьма маловероятной. Такая прогностическая оценка обусловлена рядом причин, лежащих как в области самого конфликта, так и в сфере общероссийских реалий.

На уровне российско-чеченской конфронтации наиболее значимым событием, которое, по мнению федерального правительства, должно было привести Чечню к стабильности и завершению вооруженного противостояния, являлись выборы президента республики. Однако внутривнутриполитическая борьба

¹ //Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 28.04.2003.

² Крисп Гай Саллюстий. Первое письмо к Гаю Юлию Цезарю // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. — М., 2002. — С. 610.

во властных структурах центра, ознаменованная в первую очередь предстоящими парламентскими выборами, осложняла окончательный выбор проходного кандидата на пост главы республики. При этом подчас высказывания ведущих ньюсмейкеров по данному вопросу шли вразрез с общим вектором российской политики в Чечне. Так, заявление председателя Всероссийской центральной избирательной комиссии В.Вешнякова о возможности для А. Масхадова выставить свою кандидатуру на выборах президента Чечни¹ противоречило линии Москвы, не признающей легитимность экс-президента республики и считающей его одним из лидеров бандформирований. Противостояние же, происходящее внутри российской элиты между группировками, обладающими экономическим ресурсом, и частью политического истеблишмента, опирающегося на силовые структуры, вызывало опасения в связи с тем увеличением количества так называемых силовиков в общем срезе элиты². Несомненно, что результаты выборов в Государственную Думу в декабре 2003 г. только закрепляют позиции сторонников усиления государства именно силовыми решениями и фактически нейтрализуют активную законотворческую деятельность либералов. Состав Госдумы 2004—2007 гг. помимо открытой пропрезидентской направленности демонстрирует и настроения избирателей — «видеть Россию сильной и единой». Подъем и укрепление национально-патриотических настроений, как отмечает Э. Паин, представляют собой опасность в силу высокого потенциала использования этнической ненависти как одного из немногих остав-

¹ //Интерфакс. — 24.07.2003.

² Проведенное О. Крыштановской из Института социологии РАН исследование изменений в российской политической элите за период с 2000 г. показывает, что российский истеблишмент на некоторых уровнях «милитаризован» до 70%. Очевидно также расширение в количественном (возвращение в систему ФСБ структур ФАПСИ и пограничных войск) и качественном составе (увеличение кадрового состава ФСБ с более чем 22 тыс. сотрудников до 77 тыс. к концу 2002 г.) функций Федеральной службы безопасности // Koelner Stadt-Anzeiger.-24.07.2003.

шихся ресурсов для мобилизации общества¹. Если российская власть пойдет по этому пути, то конкретно для российско-чеченского конфликта это может означать еще большее усиление силовых решений и полный отказ от переговорного процесса с сепаратистами на долгие годы.

Уже в предвыборный период глава Администрации Чечни Ахмад Кадыров, обладавший значительными лидерскими амбициями и получивший заверения в поддержке со стороны партии «Единая Россия», в июле 2003 года начал проводить подготовку к предстоящим выборам путем утверждения дружественных и отстранения «ненадежных» кандидатур на должностях глав районов. Вместе с тем исследования, проведенные «фондом Общественного мнение», указывали как на низкий рейтинг А. Кадырова (13,1%), так и в на высокий антирейтинг руководителя Администрации Чечни (61,5%). Антирейтинг Кадырова стоял на втором месте после А. Масхадова (рейтинг 38%), которого не хотят видеть президентом Чечни 66,1% респондентов.

Наибольшее предпочтение жители Чечни отдавали Р. Хасбулатову (25,7%), М. Сайдуллаеву (23,3%), А. Аслаханову (22,4%)².

Однако за трехмесячный период «кремлевским политтехнологам» удалось или снять с предвыборной гонки кандидатов по юридическим основаниям, как, например, М. Сайдуллаева (судебное решение об отмене регистрации за нарушения в подписных листах); или «договориться», как в случае с Х. Джабраиловым и А. Аслахановым. Таким образом, количество кандидатов в избирательных бюллетенях было максимально сокращено.

¹ Паин Э. В России огромный ресурс этнической ненависти // Известия. — 24.03.2004.

² Фонд «Общественное мнение». Результаты репрезентативного опроса, проведенного 20-25 июня 2003 г. «Электоральные настроения населения Чеченской республики» // <http://www.fom.ru/reports/frames/body/ch140703.html>

Сами результаты выборов, происшедшие 5 октября, не могут не вызвать подозрения в фальсификации итогов голосования. В пользу данного предположения, во-первых, свидетельствует небывало высокая явка избирателей в разрушенном войной Грозном, достигшая 98% (для России в среднем 55—65%). Во-вторых, результаты голосования Кадыров: получил 81% голосов. Даже если учесть активную PR-кампанию по всем федеральным каналам, что могло принести кандидату максимум 15—20%, и работу административного ресурса — 15—20%, то итогом могла стать цифра порядка 45—55%. Однако при антирейтинге Кадырова в 61,5%, в конце июня 2003 года результат даже в 39,5% голосов был фантастическим для октября (с учетом голосов, отданных другим кандидатам и протестного электората).

Несомненно, что российская власть считает необходимым применение «управляемой демократии» для снижения динамики российско-чеченского конфликта. Однако выбор центра, павший на А. Кадырова, вызывает не только негативную реакцию у чеченского населения, он может привести к конфликту чеченской администрации с Москвой. Признаки грядущего противостояния уже стали явно видны сразу после выборов: амбиции президента Чечни распространяются от требований создания офшорной зоны на территории Чечни и экономического сепаратизма до присоединения к республике районов Ингушетии. Так что конфликт имеет высокие шансы распространения по двум векторам: центр — субъект и субъект — объект — ответчик, где объектом выступают районы Ингушетии.

Кроме того, с большой долей вероятности можно предположить, что результаты выборов главы республики усилят напряженность в регионе, для которого выдвижение на руководящие посты представителя одного из тейпов вызывает противостояние со стороны других тейпов. Также, по-видимому, будет усиливаться тенденция на «палестинизацию» конфликта, что выразится в еще большем расширении зон осуществления террористических акций и использовании тер-

рористов-смертников: за период с середины мая по середину февраля 2004 г. за пределами Чеченской республики произошло 16 крупных террористических актов, из которых 4 на территории Москвы (взрыв на стадионе в Тушине 5 июля; взрыв на Тверской улице при разминировании фугаса 10 июля; взрыв смертницы возле гостиницы «Националь» 9 декабря, взрыв в московском метро 6 февраля).

Другим системообразующим фактором в развитии конфликта является фиксируемая временная связь в активизации деятельности банд формирований и выборами президента РФ. События осени 1999 года, связанные с вторжением боевиков на территорию Дагестана и взрывами домов в Москве и Волгодонске, фактически ознаменовавшие начало второй чеченской войны, невольно ассоциируются с событиями декабря 2003 года. Взрывы за пределами Чечни и вторжение боевиков в Дагестан совпадают по времени с началом официальной президентской гонки... Президентская кампания 2004 г. омрачена также взрывом в московском метро, в результате которого погиб по меньшей мере 41 человек и более 100 получили ранения.

Ответом на волну терроризма стала активизация действий вооруженных сил и милицейских подразделений России в Чечне.

В горах Дагестана в перестрелке был убит один из наиболее одиозных лидеров чеченских ваххабитов Руслан Гелаев.

С декабря до середины марта были уничтожены: главарь бандформирований Гудермесского района Чечни М. Таймасханов, полевые командиры А. Астамиров и Х. Тазабаев, «командующий Урус-Мартановским фронтом» боевиков Ахмед Баснукаев, глава бандгруппы М. Джаниев, командир диверсионного отряда «Риада-ая-Салахин» А. Газуев. Одновременно с этим был задержан полевой командир З. Айтамиров и сдался в плен «министр обороны Ичкерии» М. Хамбиев.

Однако наиболее громкое убийство произошло вне пределов РФ: 13 февраля, через неделю после теракта в московском метро, в столице Катара Дохе был взорван автомобиль бывшего президента Ичкерии Зелимхана Яндарбиева, причастного, по мнению российских спецслужб, к привлечению финансирования боевиков со стороны арабских «спонсоров». Спецслужбы Катара арестовали двух граждан России по обвинению в причастности к организации данной ликвидации. Российская сторона отрицала вину своих граждан и заявила о непричастности отечественных спецслужб к убийству чеченского лидера¹.

Ситуация в Чечне

Осложнение в Чеченской республике, вызванное гибелью президента Ахмада Кадырова и последовавшим усилением сепаратистов по главе с Масхадовым и Басаевым, привело к очередному выходу конфликта за пределы Чечни. Профессионально спланированная и скоординированная диверсионная операция в Ингушетии свидетельствует о все еще существующем высоком потенциале чеченских боевиков. Особую тревогу вызывает и тот факт, что в акции, по всей видимости, активную роль сыграли и представители местного ингушского населения, испытывающие ненависть к местным силовикам (именно на руководство силовыми структурами был направлен основной удар боевиков).

Таким образом, военные достижения в разгроме вооруженных формирований далеки даже от стадии локализации конфликта. Угроза распространения (при благоприятных для

¹ Оппозиционные российские СМИ рассматривают активизацию действий военных и спецслужб в ходе контртеррористической операции как часть PR-акции в преддверии выборов президента РФ. См. например: «Боевики, уничтоженные в ходе подготовки к президентским выборам» // <http://www.kompromat.ru>.

боевиков обстоятельствах) конфликта за пределы Чечни по-прежнему является реальной.

Усилия же федерального центра по легитимизации высшего руководства республики, поддерживаемого Москвой, снова оказались тщетными. Однако Москва, по-видимому, будет продолжать делать ставку на элиту, близкую к покойному президенту Кадырову. Озвученная через вице-преьера Рамзана Кадырова позиция поддержать на новых президентских выборах главу МВД Чечни Алу Алханова вписывается в предполагаемый сценарий. Алу Алханов является выходцем из самого крупного чеченского тейпа Беной. При этом Алханов в отличие от Кадырова всегда оставался «устойчивым федералом» и не состоял в рядах боевиков.

Вместе с тем острое противостояние как таковое не является само по себе аргументом для использования исключительно силовых мер. Если посмотреть на российско-чеченский кризис начала XXI в. с точки зрения конфликтной динамики становится очевидным наличие тупиковой ситуации, которая не осознается лидерами сторон конфликта. И российское руководство, по обозначенным выше причинам, видит решение сепаратистского конфликта только в силовом ключе, и лидеры чеченских боевиков намерены идти до конца ради обретения независимости (несомненно также и то, что важным фактором является поддержка чеченских боевиков со стороны радикальных представителей исламского фундаментализма, считающих Чечню одним из фронтов глобальной борьбы за религиозное доминирование). Принцип «не вести переговоры с террористическими группировками», взятый на вооружение российским истеблишментом, отвечает менталитету силы, которая не желает идти на уступки меньшей силе. Вместе с тем радикализм в этом вопросе не влияет на положительный исход конфликта, чему свидетельствует как российский пример, так и история противостояния между Великобританией и Северной Ирландией и т.п.

В упомянутом конфликте непримиримость сторон в тридцатилетнем конфликте во многом зависела от позиций премьер-министров Великобритании М. Тэтчер и Д. Мейджора, настаивавших на первоначальном полном разоружении Ирландской республиканской армии, а затем на начале переговоров с политическим крылом ИРА — партией Шин Феин¹. Впоследствии достижение Стормонтского соглашения 10 апреля 1998 г. стало возможно с приходом в кабинет министров Т. Блэра и смягчением позиции официального Лондона. Британский премьер-министр озвучил свою позицию о непринципиальности первоначальной сдачи оружия со стороны ИРА как необходимого условия для начала переговоров. Такой шаг обеспечил более открытую позицию Великобритании на переговорах и продемонстрировал желание достичь стабильности в регионе. Не вызывает сомнения и тот факт, что в принципе у британского правительства существовало намерение не участвовать в конфликте и не быть объектом террора ИРА, что в корне отличается от современной позиции России по чеченскому вопросу. Стормонтское соглашение обеспечило создание (восстановление) Северо-Ирландской Ассамблеи; ольстерского Кабинета министров с широкими полномочиями в сфере внутренней политики; обеспечило отказ Ирландской республики от территориальных претензий на Ольстер, закрепленных долгое время в ирландской Конституции, и ответное согласие Великобритании отменить Акт о Северной Ирландии 1972 года, ограничивающий самоуправление Ольстера. Одним из важных пунктов соглашения был раздел, посвященный созданию совместного административно-совещательного органа Севера и Юга и предполагающий, что Ирландская республика будет играть определенную роль в делах Северной Ирландии.

¹ *Потапейко П.* Современное состояние Североирландского конфликта (1997-1999)// <http://beljournal.by.ru/1999/4/12.shtml>

Кризис в Северной Ирландии до сих пор до конца не разрешен, в том числе и по причине существования практически половины протестантского населения на спорной территории, не желающей быть втянутым в сферу влияния Ирландской республики. Так называемые юнионисты также прибегали к насилию, как и боевики ИРА. Несомненно, что уровень напряженности был снижен после подписания соглашения, хотя рецидив конфликта при неблагоприятных обстоятельствах возможен с высокой долей вероятности.

Пример Ольстера показывает, что силовые меры не являются абсолютным оружием в борьбе с сепаратизмом, а главное, не могут предотвратить ответный террор. При современном уровне напряжения, когда чеченский конфликт вышел за пределы республики и крупномасштабные теракты совершаются в Москве сестя на стол переговоров представляется крайне затруднительным для российского истеблишмента как по причине отсутствия явной консолидирующей силы в Чечне, которая могла бы взять на себя функцию представления интересов подавляющей массы радикально настроенных сепаратистов, так и вследствие возникновения негодования со стороны населения России в связи с проведением переговоров с террористами. Не меньшее значение имеет и внешнеполитический фактор: участие РФ в антитеррористической коалиции предполагает исключительно силовые меры, сторонника которых являются США. Вместе с тем история показывает, что уровень насилия в Ольстерском конфликте в периоды повышенной напряженности достигал больших размеров — от 30 до 50 терактов-взрывов в месяц весной 1971 г.

Уровень насилия в арабо-израильском конфликте также достаточно высок, однако специалисты по ведению переговоров настаивают на привлечении к диалогу боевиков из «Хамаса». Их мнение основывается также на опыте Ольстера, когда на фоне официальных переговоров с политическим крылом сепаратистов «Шин Феин» проводились секретные перегово-

ры с лидерами ИРА, без которых достижение даже временно-го согласия сторон было бы невозможно¹.

Противостояние в арабо-изральском конфликте представляет собой замкнутый круг по линии атака — контратака, и в настоящий момент уже невозможно определить, являются ответом на действия террористов военные операции Израиля в зонах проживания палестинцев или наоборот. К данному случаю как нельзя кстати подходит совет американского политолога Ноама Хомски: «Каждый желает остановить терроризм. Так, существует действительно простой путь: перестать участвовать в нем»². Однако вышеприведенная точка зрения не является доминирующей в общем срезе мнения экспертов. Так, французский исследователь Андре Глюксманн полагает, что «убийство лидеров боевиков, проповедующих терроризм, и убийство женщин и детей, это не теракт. А уничтожение любого руководителя штаба всегда содействовало восстановлению мира»³ ...

Противостояние приобретает столь мощный характер напряженности во многом и в силу компактного совместного проживания арабов и евреев — «ценности» территории, которая, по сути, является предметом конфликта. Но основным катализатором конфликта является поддержка палестинских террористических организаций со стороны радикально настроенных групп в странах Ближнего Востока.

Непримиримость сторон в арабо-израильском конфликте во многом объясняется и жесткой, бескомпромиссной позицией израильского руководства, а также теми конкретными действиями, которые применяют вооруженные силы Израиля в борьбе с палестинскими террористическими группами. С кон-

¹ Israel must talk to Hamas to frchive peace, says former MI6 man//Daily Telegraf. — 02.02.2004.

² Chomsky N. Power and Terror. Post -9/11 talks and interviews. — N.-Y. 2003. — P. 141.

³ Glucksmann A. Se incontrassi Bin Laden io ucciderei.'Corriere Della Sere', 26.03.2004. // Пер.: <http://www.inopressa.ru>

ца сентября 2000 г. по начало августа 2003 г. израильские оккупационные силы убили около 2800 палестинцев, тысячи людей получили ранения; с 1 января по 21 августа 2003 г. в ходе политики разрушения домов в ответ на инциденты, нарушающие режим безопасности, было разрушено 158 домов палестинцев, «которые совершили нападения на Израиль, подозревались в совершении нападения или в планировании будущих нападений»¹.

Основной вопрос для российского руководства на современном этапе развития конфликта заключается в осознании тупиковой ситуации, сложившейся в ходе конфронтации в Чеченской республике. Связано это прежде всего с тем, что конфликт, выражающийся в противостоянии федеральных сил и партизанско-диверсионного движения (имеющего потенциал для совершения акций в российской столице), гипотетически может длиться десятилетиями до того момента, как будут либо истощены силы чеченского сопротивления, либо иссякнет наступательный потенциал федеральных сил. Подобный ход событий предопределяет как значительное число жертв с обеих сторон, с численным преобладанием среди них гражданского населения, так и социально-политические и экономические последствия для России в целом. Выстраивание гражданского общества и динамично развивающейся экономики практически невозможно при наличии многолетнего внутреннего противостояния и дестабилизационных тенденций на всем юге страны.

Таким образом, необходимы пути выхода из кризиса и достижение договоренностей, которые могли бы удовлетворить обе стороны. Очевидно, что Россия не намерена лишаться субъекта федерации как в силу опасности сепаратизма со стороны других субъектов, так и по внешнеполитическим причинам — создание международно-правового прецедента с непредсказуе-

¹ Доклад Генерального секретаря ООН «Мирное урегулирование вопроса о Палестине». — 10.10.2003.

мыми последствиями, в первую очередь для государств, для которых сепаратизм является многолетней проблемой.

Вместе с тем очевидно, что позиция наиболее одиозных чеченских сепаратистов является непримиримой, что, впрочем, совпадает с настроением части населения, желающего жить по вековым законам. Во многом вера сепаратистов в возможность достижения своих целей подкрепляется и памятью о Хасавюртовских договоренностях, когда Россия пошла на значительные уступки. Фактически на короткий период (1996 —1999 гг.) были достигнуты наиболее сложные цели экстремистских групп: власть и управление. Для многих группировок в мире события того периода в Чечне являются дополнительным стимулом продолжать борьбу самыми жестокими способами.

Один из наиболее оригинальных сценариев выхода из чеченского кризиса, который удовлетворил бы и российские интересы в части сохранения целостности страны, и желания части чеченцев, желающих жить по российским законам, и стремления чеченцев, стремящихся жить по законам шариата, был предложен известным чеченским политиком, лидером движения «Нохчи-Латта-Ислам» Хож-Ахмед Нухаевым. Суть концепции — в разделении территории республики на северную, живущую по российским законам, и южную, где доминируют вековые общинные традиции и законы шариата. В сфере ведения переговоров, по мнению Нухаева, должны возобладать следующие предварительные условия мира.

1. Признание Россией независимости чеченцев как народа нохчи, самоопределившихся в рамках традиционной системы.

2. Признание народом нохчи жизненно важных интересов РФ в Каспийско-Черноморском регионе как взаимовыгодное основание для выработки общей стратегии по защите Кавказа от экспансии глобализма и исламизма.

3. Отказ чеченской стороны от построения своего государства и самоопределения в рамках международного права.

4. Отказ РФ от определения Чечни субъектом Российского государства и права¹.

Нухаев сводит эти четыре принципа к двум необходимым условиям мира.

1. Предварительным условием вступления воюющей Чечни в мирные переговоры является признание российской стороной принципа независимости народа нохчи.

2. Предварительным условием вступления российских военных в мирные переговоры является признание народом нохчи принципа безопасности России.

Предложенная концепция, по сути, изначально должна предполагать отказ от старых установок и выработку принципов внутри российского права, действующих исключительно во взаимоотношениях с чеченским народом в силу уникальности общественных и культурных традиций. Подобное развитие событий представляется весьма маловероятным, прежде всего в силу происходящих процессов централизации (укрепление регионов, снятие статуса национальных автономий — вхождение Коми-Пермяцкого АО в Пермскую область, Таймырского (Долгано-Ненецкого) АО и Эвенкийского АО в Красноярский край) и усиления вертикали власти. Логика государственной власти не предполагает противоположных процессов в разных частях одной страны. Даже несмотря на то, что каждый субъект РФ является действительно уникальным не только по национально-культурным особенностям, но по социально-политическим и экономическим параметрам.

Таким образом, если чеченское сопротивление в России не снизит свой оборонительный потенциал, рано или поздно официальным структурам придется сесть за стол переговоров, где с противоположной стороны будут не только умеренные лидеры, но и сторонники радикализма. И, по-видимому, ре-

¹ Нухаев Х.-А. Чечня и Россия: одно ценностное пространство — две общественные системы // Россия и Чечня: поиски выхода. Сборник. — СПб., 2003. — С. 156.

шение вопроса о статусе и властных институтах Чечни будет лежать в плоскости создания управляющего органа, куда войдут и радикальные элементы чеченского общества. Осознавая весьма отдаленную перспективу подобного решения российского руководства, остается надежда на улучшение социально-экономической обстановки в самой Чечне, что является исключительно российской задачей, и на снижение уровня насилия со стороны сепаратистов, что во многом зависит от настроения умеренной части чеченского общества.

Если ставить вопрос о будущем гражданского примирения, снижении уровня нетерпимости между конфликтующими сторонами и внедрении в массовое сознание установок толерантности, то процесс примирения должен начинаться уже в настоящее время, в период проистекания конфликта. Несмотря на научную и практическую феноменальность такого сценария развития конфликта, в истории существует успешный прецедент применения политической воли в описываемом направлении. Начало снижения межгрупповой конфронтации, происходящее еще в период активной стадии противостояния, имело место в истории Гражданской войны в США (1861-1865) — конфликта, в основе которого, по сути, также лежали сепаратистские устремления южных штатов. В основе же политики Севера, по выражению А. Линкольна, было желание сохранить Союз любыми действиями, в том числе и путем подрыва основы экономики южных штатов — отмены рабовладения¹.

Так, на третьем году войны, в 1863 году, Линкольн опубликовал прокламацию о признании полномочий органов власти тех мятежных штатов, 10% избирателей которых принесут присягу на верность федеральной конституции. Сразу после Аппоматтокской победы президент США призвал уважать законные права и полномочия законодательного собрания Вир-

¹ А. Линкольн прямо высказывался о том, что освобождение рабов только средство в деле сохранения Союза // Lincoln A. Speeches and Writings, vol. 2. — N.-Y., 1989. — P. 357-358.

гинии, завоеванной северянами. Линкольн настаивал на этом условии в то время, как на территории трех мятежных штатов (Алабамы, Луизианы и Северной Каролины) продолжалось сопротивление северянам, а на территории Виргинии еще действовали партизаны-конфедераты.

Тенденция на примирительное отношение к сепаратистам нашла свое продолжение и при следующем президенте США Э. Джонсоне, помиловавшем более половины деятелей Конфедерации и назначившем некоторых из них временными губернаторами южных штатов¹.

Несомненно, что пример Гражданской войны в США отличается по многим параметрам от разбираемого случая. Однако широта взглядов и осознание необходимости построения единого государства на основе реального гражданского и межличностного примирения должны найти отклик в современной политике России в Чечне. Выстраивание государственной стратегии взаимоотношений должно ориентироваться не на электоральные периоды, а на историческую перспективу «бессрочного» взаимодействия, предопределенного геополитической данностью.

¹ Однако примирительные тенденции и уступки южанам после окончания Гражданской войны, выразившиеся в невмешательстве федеральной власти в процесс выработки конституций южных штатов и в вопрос об избирательных правах бывших рабов, — негативно сказались на вышеозначенных правах. На основании введения ценза грамотности из избирательного процесса была исключена подавляющая часть бывших рабов. // Данилов С.Ю. Гражданская война и общенациональное примирение. США, Россия, Испания. — М., 2004. — С. 92-94.

ГЛАВА III.

ОПЫТ УЧАСТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ СНГ

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими».

Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 9

«Будьте неутомимы, не зовите их к примирению: вы будете выше их; с вами Бог, и Он не оставит без награды ваших подвигов».

Коран, глава 47, «Мохаммед», ст. 37.

В рамках данной работы подробно рассматриваются три операции по урегулированию конфликтов на территории СНГ: в зоне грузино-абхазского конфликта, в Южной Осетии и в Таджикистане. Именно эти операции осуществляются на современном этапе с соблюдением в целом международных норм и имеют мандат ООН. Миссия России в качестве гаранта и посредника в урегулировании конфликта между Приднестровьем и Молдовой, а также участие в Минской группе ОБСЕ по урегулированию нагорно-карабахского конфликта несомненно также являются серьезным вкладом России в урегулирование этнополитической напряженности и формирование стабильности в СНГ в целом, однако не могут быть признаны соответствующими понятию «миротворческой операции» в международно-правовом смысле.

§1. Миротворческая деятельность РФ в Южной Осетии и зоне грузино-абхазского конфликта

Конфликты в Южной Осетии и Абхазии характеризуются как общностью территории проистекания (в рамках одного го-

сударства), так и тем, что они могут быть определены как сепаратистские, то есть в основе требования на отделение в обоих случаях лежит отрицание права государства на определенную территорию¹. Однако, несмотря на значительную продолжительность во времени, открытые фазы конфликтов происходили с разной степенью интенсивности и требовали различных методов разрешения российскими миротворческими контингентами.

Полагая вслед за рядом исследователей², что позиция РФ в отношении грузино-абхазского конфликта изменялась в зависимости от внутрисоветской политики, можно выделить следующие этапы ее формирования. Так, в первой половине 90-х российская сторона была ориентирована на «неформальное» содействие Абхазии, обусловленное рядом объективных факторов: отсутствие централизованного военного командования в период распада СССР, перебои с финансированием и материально-техническим обеспечением и как следствие — необходимость в налаживании контактов между военными частями, дислоцированными в Абхазии и местными властями; сложившееся структурное размещение большого числа российских военных контингентов именно на абхазской территории и устоявшиеся связи военного командования с местным руководством.

Второй этап характеризуется проведением многочисленных грузино-абхазских переговоров с участием РФ и структур ООН и полным различием в позициях сторон. Основное расхождение состояло в том, что представители Грузии видели решение конфликта в формировании единого государства на федеративной основе, а представители Абхазии — в конфедеративном объединении двух республик, которые обладали бы

¹ Бьюкенен А. Сепаратизм. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. — М., 2001. — С. 37.

² См. например: Kozhokin E.M. Georgia-Abkhazia // U.S. and Russian Polismaking With Respect to the Use of Force/ Ed. by R.Azrael, E.A.Pain. — Washington D.C., 1996. — P.77; Никитин А.И. Миротворческие операции: концепции и практика. — М., 2000. — С. 98.

разной правосубъектностью, в первую очередь международной. Одновременно с этим происходили масштабные боевые действия и нарушения достигаемых на определенных этапах операции договоренностей о прекращении огня. При этом Россия заняла нейтральную позицию. Наиболее четко она была озвучена министром иностранных дел А. Козыревым: «Россия считает своей обязанностью миротворчество в конфликтах ближнего зарубежья и считает реку Ингури рубежом, разделяющим стороны, и переход этого рубежа какой-либо из них повлечет ужесточение экономических санкций для Абхазии или введение их для Грузии»¹.

Наконец, третий этап, связанный с официальной поддержкой Россией правительства Грузии в борьбе с абхазским сепаратизмом, условно начавшийся с визита Президента РФ Б. Ельцина в Грузию в феврале 1994 г. и достижения договоренностей о придании российским военным формированиям статуса военных баз России в Грузии, а также о помощи в создании национальной армии и пограничных сил, включая поставки оружия². Грузинская сторона считала и считает, что Россия не выполняет своих обязательств, при этом стремится побудить РФ оказать давление на руководство сепаратистской Абхазии. Грузинская сторона встала на путь поддержки чеченского сепаратизма, которому было предоставлено право временного базирования на территории Грузии. Это способствовало зарождению одного из очагов международного терроризма на территории Грузии, и вплоть до действий антитеррористической коалиции в 2001 году на Кавказе сепаратизм и международный терроризм, взаимодействуя друг с другом, создавали серьезную угрозу всей системе международной

¹ Интервью министра иностранных дел А. Козырева // Независимая газета. — 24.11.1993.

² Соглашения РФ с Грузией носили прецедентный характер, так как в этот период Россия искала возможности международно-правового закрепления статуса своих военных формирований на территории СНГ, поскольку концепция создания объединенных вооруженных сил СНГ окончательно отпала.

безопасности в регионе. С базы международных террористов в Панкиском ущелье отдельные мелкие группы террористов просочились через грузино-иранскую границу в Ирак и приняли участие в боевых столкновениях с вооруженными силами США в окрестностях Багдада в марте 2003 года.

Подобной эволюции способствовало несколько существенных факторов. В первую очередь произошло общее изменение атмосферы в новых независимых государствах и укрепление их суверенитета. Если в 1990 — 1992 годах доминировали лозунги национального самоопределения, а принципы территориальной целостности и противостояния сепаратизму отошли на второй план, то уже в середине 90-х укрепившие свою власть политические элиты были заинтересованы в сохранении территориальной целостности. Практически все новые независимые государства столкнулись с инерцией распада на собственной территории, в результате чего произошли переориентация РФ на принципиальную поддержку центральных властей, в том числе Грузии, и соответствующее акцентирование принципов противодействия сецессионным тенденциям.

Смещение приоритетов политической элиты России было также в значительной степени обусловлено нарастанием сепаратизма Чечни, ясно обозначившимся к 1994 году. Географическая близость пограничных территорий Чечни и Грузии и поддержка Грузией сепаратистских тенденций в Чечне (в ответ на поддержку отделения Абхазии Россией) предопределили поворот российской политики в сторону поддержки центральных грузинских властей. Несомненно, что немаловажную роль в формировании позиции РФ сыграло и положительное решение Э.Шеварднадзе в отношении вступления Грузии в СНГ.

Одновременно с этим среди особенностей операции в Абхазии, осложнившими ее проведение и международное признание, можно выделить следующие аспекты.

На первом этапе разворачивания конфликта в силу обстоятельств, предопределивших вмешательство российских воен-

ных в вооруженное противостояние (дислокация в зоне конфликта и необходимость принятия решений военным руководством на местах), действия российских войск включали элементы принуждения, в частности, при выбивании вооруженных формирований из Кодорского ущелья, участия российских формирований в обстреле Сухуми, а позже в обеспечении морской блокады побережья Сухуми. Кроме того, абхазским вооруженным формированиям оказывалась общая техническая поддержка со стороны батальона авротехнической поддержки, дислоцировавшегося в Гудаутах¹.

Мероприятия по введению войск начались раньше, чем произошло должное правовое оформление решения о начале операции через подписание мандата операции и ратификацию решения об участии российских контингентов Советом Федерации Федерального Собрания РФ. Можно также говорить и о том, что эта операция так и не стала коллективной операцией стран СНГ. Исключительно российская составляющая противоречит стандартам ООН о непревышении трети представителей от общего числа участников.

Вместе с тем западные страны преследовали свои интересы в зоне грузино-абхазского конфликта. Как отмечает Б. Коппитерс, политика западноевропейских стран и США носила «осторожный» характер и обуславливалась следующими стратегическими интересами: укрепить политическую стабильность в регионе, оказав поддержку процессу государственного строительства и политике демократизации, содействовать рыночным реформам и усилить суверенитет закавказских государств относительно России, избегая при этом открытой конфронтации с Москвой, отношения с которой оставались главными для Запада в последующие годы².

¹ //International Security and Desarmament. Annual Edition of CIRPI. 1994. — P. 108.

² Коппитерс Б. Политика Запада в области безопасности и грузино-абхазский конфликт // Практика федерализма. Поиск альтернатив для Грузии и Абхазии. — М., 1999. — С. 25.

В то же время грузинское правительство делало ставку на поддержку Западом собственной политики, используя при этом множество аргументов, в том числе об опасности распространения тенденций «агрессивного сепаратизма» в Европе, о создании пояса демократических государств вокруг России, а также о необходимости обеспечения диверсификации идущих из Каспийского региона энергопоставок с тем, чтобы они осуществлялись независимо от России и Ирана. По оценкам наблюдателей, именно экономически ориентированная аргументация получила наибольший положительный эффект на Западе¹. Поддержка грузинской стороны в конфликте выразилась прежде всего в принятии «антисецессионной» позиции в отношении Абхазии, помощи Грузии в проведении конституционных реформ 1995 года и восстановлении правопорядка, а также укреплении независимости Грузии от России. Кроме того, активно финансировалась западная ветка нефтепровода для перекачки каспийской нефти.

Можно предположить, что вовлечение Запада в грузино-абхазский конфликт, в котором он поддержал Грузию, не смогло изменить соотношение сил между обеими сторонами. Попытки Грузии использовать вовлеченность западных стран в конфликт и отсутствие беспристрастности в подходе к нему со стороны Запада лишь повысили уровень недоверия, сохраняющегося в отношениях между Грузией и Абхазией. Однако при этом следует учитывать, что сам конфликт затрагивает материальные и политические интересы западных стран, что побуждает правительства подталкивать обе противоборствующие стороны к достижению прорыва на мирных переговорах. Таким образом, иностранное участие в этих переговорах может быть плодотворным лишь при том условии, что оно не будет восприниматься в качестве новой угрозы для одной из сторон.

¹ *Контитерс Б.* Политика Запада в области безопасности и грузино-абхазский конфликт // *Практика федерализма. Поиск альтернатив для Грузии и Абхазии.* — М., 1999. — С. 70.

Конфликт в Юго-Осетинской автономной республике начался в 1989 году и развился в наиболее острую стадию вооруженного (открытого) конфликта в конце 1991 — начале 1992 года. С падением режима З. Гамсахурдия и приходом в 1992 году к власти в Тбилиси демократически настроенной оппозиции вооруженный конфликт в Южной Осетии не прекратился. Официальный Тбилиси выдвигал требование отказа ЮО от государственного суверенитета, Цхинвали, в свою очередь,— требование «политического и юридического признания и осуждения геноцида осетинского народа с 1920 по 1992 гг. с возмещением материального ущерба». Одновременно с этим стремлению сторон прекратить боевые действия противостоял «настрой на войну» полевых командиров. Кроме того, конфронтация осложнялась вовлеченностью в конфликт третьих сил. С одной стороны, активизировалась Конфедерация горских народов Кавказа (КГНК), предложившая Южной Осетии военную помощь. С другой обстановка в России характеризовалась политическим размежеванием. Так, если левое крыло и националистическая оппозиция заняли антигрузинскую позицию и высказывались в пользу присоединения Южной Осетии к России, то демократический блок придерживался принципа территориальной целостности и находился на стороне центрального грузинского правительства¹. Одновременно с этим вопрос о воссоединении Южной и Северной Осетии использовался, с одной стороны, российской политической элитой как способ давления на официальный Тбилиси, с другой «московский» истеблишмент опасался негативных последствий подобного прецедента для всего Северного Кавказа.

Снизить уровень напряженности конфликта удалось лишь в результате состоявшихся 24 июня 1992 г. в Дагомысе четырехсторонних переговоров с участием руководителей Грузии, России, Южной и Северной Осетии. На данной встрече был

¹ *Pain E.A. Contagious Ethnic Conflicts and Border Disputes along Russian Sobsean Flank//Russia, The Caucasus and Central Asia. The 21st Century Security Environment.*-N.-Y., 1999. — P. 184 — 186.

выработан механизм реализации намеченных ранее в пограничном поселке Казбеги грузино-осетинских договоренностей о прекращении огня и разъединении воюющих сторон с помощью смешанных сил по поддержанию мира. На проведение операции в Южной Осетии согласились все заинтересованные стороны — Грузия, Южная и Северная Осетия, Россия, их представители вошли в состав смешанной контрольной комиссии (СКК), обеспечивающей политический контроль за проведением операции¹.

Следует отметить, что эффективность проводимой операции во многом была обусловлена учетом специфических условий района конфликта: смешанное расположение грузинских и осетинских сел, наличие многочисленных национальных анклавов и полуанклавов, отсутствие естественной разграничительной преграды и других особенностей. Опираясь на данные обстоятельства, было принято решение включить в состав миротворческих подразделений конфликтующих сторон грузинский и осетинский миротворческие батальоны. Продумывалось и размещение личного состава на постах: в грузинских селах стояли грузинские миротворцы, а в осетинских — осетинские. Российские блокпосты находились между конфликтующими сторонами, что исключало предвзятое отношение к российским миротворцам².

При урегулировании конфликта в Южной Осетии также был применен метод деконсолидации конфликтующих сил, заключающийся в отсечении наиболее радикальных элементов или групп от основной массы людей, вовлеченных в конфликт. При этом поддержка оказывается силам, в наибольшей степени склонным к компромиссам и переговорам. В рамках данной схемы была нейтрализована наиболее радикальная

¹ Грузино-российское Дагомыское соглашение от 24.6.1992 по урегулированию грузино-осетинского конфликта.

² Россия (СССР) в локальных войнах и локальных конфликтах второй половины XX века. — М., 2000. — С. 387 — 388.

группа Тезиева и выведен на первую роль умеренный лидер Кулумбегов¹.

Вслед за прекращением открытой стадии конфликта коллективным миротворческим силам удалось добиться свободного перемещения людей по всей территории, активизации торговли и хозяйственной деятельности. Однако, по мнению большинства экспертов, в регионе до настоящего времени сохраняется сложная обстановка. В первую очередь это вызвано тем, что открытым остается один из наиболее острых для грузинских национал-радикалов вопрос о властном контроле над территорией Южной Осетии.

Таким образом, конфликт перешел в стадию нового социального взаимодействия, которое можно охарактеризовать как латентный конфликт при отказе сторон от применения силы: исходные противоречия не ликвидированы, а Южная Осетия является малоуправляемой центральным грузинским правительством территорией.

По нашему мнению, было бы целесообразно сравнить операции в Южной Осетии и Абхазии с точки зрения «миротворческих» задач. Приведенная ниже таблица демонстрирует различия в задачах, стоящих перед российскими миротворческими контингентами при урегулировании конфликтов этнополитической направленности в Южной Осетии и в зоне грузино-абхазского конфликта.

Абхазия

Блокирование района конфликта, наблюдение за выводом войск и их разоружением, охрана важных объектов и коммуникаций, сопровождение гуманитарных грузов.

¹ Паин Э.А. Государственная политика России в конфликтных зонах. — М., 1994. — С. 105.

Обеспечение контроля за прекращением огня, выводом вооруженных формирований, роспуском сил самообороны и обеспечением режима безопасности в зоне контроля.

В Южной Осетии имеют место действия российских военных и дипломатов на основе двустороннего межгосударственного соглашения Россия — Грузия в присутствии наблюдательной миссии ОБСЕ, в Абхазии — две взаимосвязанных миротворческие операции: миротворческая операция региональной организации (СНГ) на основе мандата глав государств Содружества и миротворческая операция ООН (наблюдательная миссия МООННГ) на основе мандата СБ ООН. При этом если операцию в Южной Осетии можно назвать успешной, то результат усилий в Абхазии остается неудовлетворительным.

Этнополитическая ситуация в Грузии характеризуется постоянно латентным конфликтом, усилившимся после победы «бархатной революции» в конце 2003 года и ухода президента Э. Шеварднадзе с политической арены. Новый грузинский лидер, националистически ориентированный М. Саакашвили, активно поддерживаемый США, вызывает неприятие и озабоченность со стороны лидеров Абхазии, Аджарии и Южной Осетии.

Особую озабоченность вызывает ситуация вокруг взаимоотношений официального Тбилиси и Аджарии. Стремление руководства Грузии установить контроль над стратегически важными объектами, от которых во многом зависит формирование бюджета Грузии (Батумский порт, банковская система, Сарпская таможня на грузино-турецкой границе), было обусловлено амбициями М. Саакашвили как объединить страну, так и выполнить предвыборные обещания по увеличению благосостояния народа Грузии, повышению зарплат и пенсий¹.

¹ // Коммерсант. — 17.03.2004.

Сценарий бескровной смены власти в Грузии и Аджарии сложно воплотим в жизнь в Абхазии и Южной Осетии в силу национально окрашенных конфликтов, произошедших между коренными этносами этих автономий и центральной властью Грузинской республики. Стремление руководства Грузии к «собираанию земель» может стать сильнейшим катализатором для конфликтов, находящихся в данный момент в латентной стадии развития. Однако президент Грузии продолжает продавливать линию на «объединение страны»: «Я думаю, Осетия долго не продержится, там всего 30 тысяч человек. С Абхазией дело другое. Она дорога российским генералам, у них там дачи»¹.

Позиция же России выразилась прежде всего в осуждении методов, с помощью которых произошла смена власти в Аджарии.

«Мы не должны рукоплескать таким изменениям в любой стране, если говорим о демократии. Есть конституция, в рамках которой должны происходить эти изменения. Смена власти «через улицу» не может считаться демократическим методом», - подчеркнул И. Иванов.

§2. Многоплановая миротворческая операция в Таджикистане

Говоря о Средне-Азиатском регионе Советского Союза, следует отметить, что в этих республиках в наибольшей степени выразились противоречивые процессы советской модернизации. Местные патриархальные общества оставались в своей социальной основе преимущественно сельскими и традиционалистскими. Советская жесткая социально-политическая (тоталитарная) система наложилась на местные традиции авторитарной власти, социальной иерархии, клановости и

¹ («Financial Times», 02.07.2004.)

в конечном счете трансформировалась в своеобразный элемент этих отношений. Сложилась система восточного «неодеспотизма» с псевдокоммунистической идеологией¹.

Первые вооруженные столкновения на межклановом уровне начались в Таджикистане в 1990 — 1991 гг., характер открытой гражданской войны они приняли во второй половине 1992 г. При этом, как отмечает ряд исследователей², в гражданской войне произошло наслоение по крайней мере пяти типов противоречий:

- межклановое соперничество кулябского, ходжентского, гармского и бадахшанского кланов, борющихся за влияние в органах государственной и местной власти;
- противоборство коммунистических и антикоммунистических сил;
- противоречия между консолидирующимися исламскими фундаменталистами и другими социально-политическими силами;
- межэтнические трения между проживающим в Таджикистане таджикским (до 3,3 млн чел. в начале 90 -х гг.) и узбекским (до 1,2 млн чел) населением;
- влияние и давление со стороны внешних сил, прежде всего имеющих в этом регионе различные интересы Узбекистана, Ирана, Афганистана и России.

При этом последний фактор, обуславливающий во многом существующие противоречия, рассматривается исследователями в контексте геополитических амбиций государств региона, в наиболее полной степени проявившихся после распада СССР. Активное участие РФ в разрешении конфликта в Таджикистане — это и стремление занять опорные геополитические позиции в стратегически важном регионе, и вернуть рес-

¹ Чешко С.В. Распад Советского Союза. — М., 1996. — С. 216.

² См.: Федоров Ю.Е. Миротворческие операции в СНГ: международно-правовые, политические, организационные аспекты. — М., 1998; Николаев А.И. Миротворческие операции: концепции и практика. — М., 2000. — С. 79.

публику в сфере политического и экономического влияния России¹.

При этом военными теоретиками и конфликтологами акцентировалось то, что в данном регионе имел место современный вооруженный конфликт со всеми характерными для него особенностями: применением новейшей военной техники и оружия, интенсивной информационно-психологической борьбой, проведением специальных операций, быстротечностью изменения обстановки, смещением причинно-следственных связей².

Следует отметить, что характер проведения миротворческой операции в Таджикистане варьировался в зависимости как от изменения внутривнутриполитической обстановки в республике, так и от внешнеполитических условий. Реальной правовой базой для проведения миротворческой операции стали не договоренности стран СНГ о коллективном военном вмешательстве, а российско-таджикские двусторонние соглашения. При этом начало операции по урегулированию обстановки на территории Республики Таджикистан происходит в тот момент, когда оно было выгодно лишь одной из сторон конфликта — заинтересованному в прекращении огня режиму президента Э. Рахмонова.

Правовой статус операции по-прежнему вызывает множество вопросов. Так, если масштаб и структура привлеченных сил не вызывают реальных проблем с признанием миротворческого статуса, то несомненны проблемы с правовым оформлением начального этапа операции, характером мандата (некоторым расхождением формального и «неформального» мандата) и наличием в операции принудительных действий.

¹ *Dubnov A.Y. Tajikistan // U.S. and Russian Polismaking With Respect to the Use of Force/ Ed. by R.Azrael, E.A.Pain. — Washington D.C., 1996. — P.31.*

² *Николаев А. Результат наших действий в Таджикистане значительно масштабнее чем собственно военный успех // Независимая газета.- 06.7.1998.- С. 1,8.; Золотарев В.А. Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. — М., 2000. — С. 399 -400.*

За контингентом не закреплена какая-либо конкретная зона ответственности или район контроля, что отличает действия в данной операции от обычной для миротворческих операций организации. Мандат операции оказывается чрезвычайно широким по охвату, фактически это вся территория республики, кроме того, он является многоплановым и включает в себя следующие составляющие: охрану границ и противодействие проникновению вооруженных формирований извне (прежде всего из Афганистана и Узбекистана), охрану и оборону транспортной и индустриальной инфраструктуры государства, предотвращение вооруженных столкновений, обеспечение гуманитарной помощи, противодействие вооруженным формированиям Афганистана в приграничных районах после прихода талибов к власти в Кабуле. Данный комплекс мероприятий соответствует задачам, которые должны выполнять силовые структуры самого Таджикистана.

Военные действия в Таджикистане следует трактовать с политико-правовой точки зрения не как единую миротворческую операцию, а как комплекс из нескольких миротворческих операций.

1. Операция (комплекс мероприятий) пограничных (и приданных к ним) сил РФ по охране государственной границы Таджикистана с Афганистаном и Китаем (не имела четкого правового оформления до мая 1993 года, затем осуществляется на основе двустороннего межгосударственного соглашения РФ — РТ от 25.05.1993 и не имеет характера международной миротворческой операции).

2. Коллективные дополнительные меры стран СНГ по стабилизации обстановки на таджикско-афганской границе в 1993-1994 гг. (регулировались решениями СГГ СНГ от 22.01.1993, 24.12.1993 и 15.04.1994). Данные решения не увязывались с проведением миротворческой операции, а рассматривались как меры по обеспечению стабильного положения на внешних границах СНГ.

3. Операция Коллективных сил СНГ по мандату Совета глав государств СНГ. Были созданы коллективные силы сначала пяти (РФ, Казахстан, Узбекистан, Киргизстан и Таджикистан), а потом, четырех государств в связи с исключением Таджикистана, участие которого не соответствовало критериям международного миротворчества. Исходя из этого, наиболее приемлемы применение терминологии ООН и характеристика КМС СНГ как коалиции государств, которым региональная организация (СНГ) делегировала полномочия по практическому проведению миротворческой операции. Операция КМС СНГ имеет официальный статус миротворческой операции региональной организации, подтвержденный мандатом ООН.

4. Действия военных контингентов ВС РФ, дислоцированных на территории Республики Таджикистан, по оказанию поддержки правительству Республики Таджикистан в решении задач стабилизации обстановки.

5. Политико-дипломатическая деятельность государств СНГ по мирному урегулированию межтаджикского конфликта. Субъектами этой деятельности в разное время выступали СГГ СНГ, Совет министров иностранных дел и Совет министров обороны СНГ, политическая Комиссия по урегулированию, Специальный представитель СНГ по урегулированию конфликта. Эта деятельность приобрела характер миротворческого посредничества в 1995 — 1997 гг. в ходе организации и проведения переговоров с участием таджикского правительства и объединенной таджикской оппозиции, завершившихся подписанием Таджикских мирных соглашений 1997 г. Этот комплекс мероприятий являлся посреднической миссией СНГ, осуществлявшейся во взаимодействии с ООН и ОБСЕ, чьи делегации также действовали в регионе.

6. Операция МНООНТ/UNMOT военных наблюдателей в Таджикистане.

В то же время ситуация в Республике Таджикистан и вовлеченность в нее России требуют осуществления ряда мер, направленных на окончательное урегулирование конфликта. Прежде всего это создание условий для диалога между правительством и представителями умеренной оппозиции с одновременной изоляцией экстремистского лагеря, а также увеличение контактов с мусульманским духовенством (при этом важную роль может сыграть демонстрация силы в поддержку избранного правительства национального согласия). Среди действий во «внешнем круге конфликта» целесообразна мобилизация партнеров по СНГ, непосредственно затронутых региональным кризисом, — Узбекистана, Киргизии, Казахстана, Туркменистана, — на принятие мер по укреплению обороноспособности Таджикистана, включая участие их воинских формирований по охране таджикско-афганской границы. В этой связи одним из определяющих факторов может стать проведение совместно с членами СНГ, западными партнерами и представителями мусульманского мира работы с соседями Таджикистана в целях прекращения прямой и косвенной поддержки вооруженной оппозиции, а впоследствии и нормализации обстановки. Кроме того, необходимы активизация миротворческой роли ООН и ОБСЕ с целью решения проблемы беженцев, размещение международных наблюдателей на границе, финансирование сил по поддержанию мира с участием России и центральноазиатских стран СНГ.

Следует подчеркнуть, что на современном этапе установления стабильности в регионе следует учитывать изменившиеся геополитические условия: с началом проведения широкомасштабной антитеррористической операции в Афганистане США удалось закрепиться и создать плацдарм в Средне- и Центрально-Азиатском регионе. Нарастание влияния Соединенных Штатов в одной из немногих сфер регионального доминирования России может в конечном счете, по прогнозам западных СМИ, привести к противостоянию дер-

жав¹. Также велика вероятность распространения «антитеррористической операции» не только за пределы Афганистана и Ирака — на Иран и Сирию, входящих, по определению президента США Дж. Буша-младшего, в «ось зла»². При этом стоит учитывать существующие дружественные связи в отношениях России с вышеназванными государствами, а следовательно, и возможное ухудшение отношений между Москвой и Вашингтоном. Таким образом, при дальнейшем планировании акций, направленных на снижение конфликтности в Таджикистане, важно учитывать существование сильнейшего геополитического игрока.

§3. Характерные особенности миротворческих операций РФ на территории СНГ

Процесс урегулирования этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве невозможен без вмешательства «третьей стороны». Связано это в первую очередь с тем, что установление и поддержание стабилизации является неотъемлемым компонентом безопасности в Европе. Кроме того, конечный результат урегулирования затрагивает не только интересы конфликтующих сторон, но и, несомненно, внешнеполитические (вовлечение в сферу своего влияния), экономические (контроль над внутренним рынком и ресурсами) интересы других стран. Именно поэтому контроль за миротворческим процессом является одним из наиболее приоритетных направлений международных отношений. В связи с этим в данном параграфе определенное место занимает рассмотрение урегулирования конфликтов на стыке интересов России и стран Запада. Интересы последних представляются в миротворческом

¹ //The Financial Times. — 28.01.2002.

² //United Press International.-31.01.2002; //The Assotiated Press.-9.02.2002.

процессе не только самими государствами, но и такими организациями, как ООН и СБСЕ/ОБСЕ¹.

Российская Федерация в геополитическом и историко-политологическом аспекте является не только юридическим правопреемником СССР², но и остается по настоящий момент «стержневым государством» на гео-временном пространстве Российской империи — СССР. Бремя «стержневого государства», как подчеркивает С. Хантингтон, заставляет государство «включать в свой состав или подчинять влиянию народы других цивилизаций, которые, в свою очередь, пытаются сопротивляться или уйти из-под такого контроля»³.

Данные параметры предопределяют тот факт, что Россия не только получила в наследство многонациональное государство, но и одну из главенствующих ролей в разрешении и предотвращении этнополитических конфликтов в государствах Содружества. При этом проблематичность сотрудничества в рамках СНГ в вопросе обеспечения безопасности и урегулирования конфликтов объясняется «несоответствием содержания деятельности СНГ интересам государств-членов»⁴. Исходным в этом несоответствии является неопределенность национальных интересов стран ближнего зарубежья. Несмотря на это, дальнейшее мирное развитие СНГ отвечает жизненным интересам РФ, а отношения с государствами СНГ являются важным фактором включения России в мировые

¹ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) с 1 января 1995 г. стало называться Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

² Заявление «Двенадцати» о будущем статусе России и других бывших республик от 23.12.1991; нота МИД Российской Федерации главам дипломатических представительств от 13.1. 1992; // Действующее международное право (сборник документов).-М., 1996. —Т.1.-С.476.

³ По мнению С. Хантингтона, в наибольшей степени данный феномен проявляется во взаимоотношениях России с народами Чечни, татарами, мусульманами Центральной Азии. // С.Хантингтон. Столкновение цивилизаций. — М., 2003. — С. 238-239.

⁴ Михайленко А.Н. Содружество Независимых Государств: проблемы и перспективы. — М., 2001. — С. 88.

политические и экономические структуры. Это связано с тем, что на территории СНГ сосредоточены главные жизненные интересы России в области экономики, обороны, безопасности, обеспечение которых составляет основу национальной безопасности страны. Эффективное сотрудничество с государствами СНГ является фактором, противостоящим центробежным стремлениям в самой России¹. Однако следует подчеркнуть, что стремление к политическому и экономическому доминированию на постсоветском пространстве (и относящееся к решению проблем, прямо не связанных с этнически окрашенной проблематикой), вызывает естественную негативную реакцию в странах Западной Европы и США, проявляющих значительный интерес к бывшим советским республикам. Одновременно с этим заинтересованность России в урегулировании конфликтов проистекает также и из необходимости сдерживать насилие. Фактическое отсутствие границ с бывшими союзными республиками повышает опасность проникновения вооруженных групп на свою территорию. Кроме того, опасность возможного притеснения 25 млн этнических русских, ставших в одночасье национальными меньшинствами в новых независимых государствах, будет давить тяжелым грузом на любую проводимую Москвой внешнюю политику².

Участие России в урегулировании этнополитических конфликтов на территории СНГ так или иначе связано с кругом внутренних и внешних элементов воздействия, при этом их основополагающие характеристики необходимо рассматривать в исторической динамике и пытаться выделить этапы формирования и осуществления миротворческой политики РФ в СНГ.

¹ Стратегический курс России с государствами-участниками СНГ. Утвержден Указом Президента РФ от 14.9.1995 г. р 940. // Сборник указов Президента РФ. — М., 1996.

² См.: Выступление Б.Н. Ельцина в ООН. //Красная звезда. — 28.9.-1994.

Как отмечает Э.А. Паин, позитивным фактором начала политики России как суверенного государства в деле предотвращения и урегулирования этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве стал отказ от насильственного удержания республик в составе Советского Союза, что предотвратило «югославизацию» СССР, то есть возникновение конфликтов между республиками и их перерастание в войну по типу югославской¹. Втягивание же России в конфликты на постсоветском пространстве в то же время пошло по иному пути и происходило *de facto* в силу сложившихся обстоятельств, основополагающую роль среди которых сыграло размещение ВС СССР/РФ в зонах межэтнической конфронтации (14-я армия в Приднестровье, 201-я мотострелковая дивизия в Таджикистане, батальон авиатехнической поддержки в Гудаутах, в зоне грузино-абхазского конфликта и т.д.). Непосредственное участие ВС РФ в конфликтах предопределялось вынужденным принятием на себя командованием ответственности за вмешательство в конфликт вследствие «паралича» центральной власти. Именно с данными обстоятельствами связаны нечеткое выполнение принципа «равноудаленности» и случаи поддержки одной из сторон конфликта на различных этапах некоторых операций, отсутствие связей между политической и военной составляющей операций, нарушение основополагающих норм международного права. Быстрое вовлечение в конфликты и отсутствие у российских военных практики политического урегулирования, а также дипломатических навыков по ведению переговоров способствовали предрасположенности к силовым действиям.

Характерными чертами второго этапа (1994 — 1999) было осознание российским руководством необходимости формулирования четких целей в зонах конфликтов, пересмотр позиции в отношении сепаратистских тенденций (во многом обу-

¹ Паин Э. Государственная политика России в конфликтных зонах. — М., 1994. — С.90.

словленный чеченским фактором) и повышение мотивации на проведение миротворческих операций в соответствии с международными правовыми нормами.

Наконец, третий, последний этап (с 2000 года по настоящее время) непосредственно связан с попыткой формулирования Россией собственных задач и жизненных интересов как на территории СНГ, так и на международной арене. При этом на передний план выходят принципы противодействия сепаратизму, борьба с экстремизмом и обеспечение региональной безопасности. Наблюдается позитивная тенденция к все большему учету стандартов и требований ООН, постепенному переходу от использования контингентов, подготовленных для ведения боевых действий, к организации специализированного обучения миротворцев, а также к применению единых стандартов к миротворцам, направляемых на проведение операций под эгидой ООН и операций по урегулированию конфликтов в СНГ. В то же время можно констатировать неполноту правовой базы военных операций ВС России на территории других государств. Согласно действующей Конституции РФ, пребывание российских контингентов за пределами национальных границ должно быть легитимизировано решением Совета Федерации (ст.102, п. «г»)¹. Однако до настоящего момента такое решение принято только по факту направления российского воинского контингента в Абхазию².

Лидирующая роль в проведении миротворческих операций требует также решения комплекса политико-экономических и социальных проблем, связанных с созданием и обеспечением соответствующей базы их проведения. Немаловажное значение в данном контексте приобретает формирование миротворческих контингентов исключительно на контрактной основе, как по причине необходимости подготовленных профессио-

¹ Конституция Российской Федерации. — М., 1996.

² Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 21.06.1994 г. р 136-1СФ.

нальных кадров, так и в связи с «гуманитарным кризисом в Российской армии»¹.

Предотвращение внутригосударственных конфликтов и поддержание стабильности на территории СНГ имеют важное значение как для национальной безопасности, так и для политико-экономического доминирования на постсоветском пространстве. Россия активно использует вооруженные силы для деэскалации напряженности в Таджикистане, Молдове, Абхазии, Южной Осетии. Хотя российские контингенты нередко называют миротворческими, международные организации (ООН, ОБСЕ), а также ряд зарубежных экспертов не разделяют этого мнения. На Западе довольно глубоко укоренилось мнение, что российские миротворческие операции являются не чем иным, как «скрытым экспансионизмом»².

Наиболее актуальной и системообразующей проблемой «внешнего» влияния на урегулирование этнополитических противоречий в СНГ является вопрос о соотношении конфликтных зон со сферами геополитических и геоэкономических интересов. При этом необходимо вслед за рядом авторов произвести четкое разделение понятия «использование» геополитического пространства на статическое (использование неподвижных природных объектов) и динамическое (развитие транспортно-коммуникационных систем)³. Это деление может значительно расширить понимание «области геополитических интересов», направленных, например, непосредственно в зону добычи полезных ископаемых, до масштаба транспортных артерий континентального значения. Таким образом, стремление

¹ Банников К. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской армии. — М., 2002. — С. 277.

² Allison R. The Military Background and Context to Russian Peacekeeping // Peacekeeping and the role of the Russia in Eurasia. — Oxford, 1996. — P. 45.

³ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. — М., 2001. — С. 424 — 425.; Могилевкин И.М. Мегастратегия. Проблемы пространства и времени в политике России. — М., 1997. — С. 5.

к доминированию в определенном регионе начинает распространяться как минимум на территории, завязанные на необходимые транспортные коммуникации.

В качестве примера наиболее динамичной области геополитических интересов на территории Содружества Независимых Государств можно выделить регион Каспийского моря. Данный выбор обусловлен прежде всего существованием ряда крупных конфликтогенных зон в этом регионе, а также тем, что в последние годы он превратился в один из ключевых геополитических центров, к которому приковано внимание как прикаспийских государств, так и мировых держав. Существование в области Каспийского бассейна стратегических углеводородных запасов мирового значения¹ и его месторасположение на важнейших транспортных направлениях определяют его геополитическую ценность. Фактически речь идет о стратегическом влиянии в регионе, связывающем Европу и Азию, Центральную Азию и Кавказ, открывающем выходы в Китай, Индию, на Ближний и Дальний Восток.

Значительный интерес основных геополитических игроков к углеводородным запасам Каспийского бассейна на протяжении первой половины XX века был в значительной степени обусловлен стратегическим и экономическим факторами. При этом ряд западных лидеров однозначно ставили во главу угла экономические интересы, пренебрегая состоянием политического и социального поля. В 1918 году, когда Батуми на короткий период оказался оккупированным англичанами, министр иностранных дел Великобритании лорд Бальфур сказал:

¹ Доказанные нефтяные запасы (то есть с вероятностью 90% месторождения) Каспийского региона оцениваются в 2,1-4,5 млрд тонн нефти. Возможные нефтяные ресурсы Каспия, по оценкам западных компаний, могут достигать до 30 млрд тонн. Доказанные запасы природного газа на Каспии оцениваются в 3,1 – 4,5 трлн кубометров. Кокшаров А. Два полюса Каспийского моря // Эксперт. — № 20 от 27.05.2002. — С. 52-55.

«Единственное, что интересует на Кавказе, это железная дорога, по которой нефть из Баку доставляют в Батуми. Местные жители могут резать друг друга на куски, меня это не волнует»¹.

Сразу после окончания Гражданской войны и потери какого-либо контроля над регионом, в зарубежных правительственных кругах возникла иллюзия достижения договоренности с Советским Союзом о преимущественном праве на получение в концессию принадлежащих западным компаниям нефтепромыслов. Однако переговоры на Генуэзской и Гаагской конференциях по этому кругу вопросов весной и летом 1922 года окончились безуспешно. Последнее определило перенос решения этого вопроса из дипломатической сферы в военно-разведывательную: генштабы западных государств разрабатывали различные варианты захвата Баку, а геополитики рассматривали вариант создания «нефтяного государства», которое должно было возникнуть в результате отторжения от СССР нефтеносных регионов Кавказа².

Эта тенденция продолжает открыто проявляться на протяжении всего межвоенного периода, о чем свидетельствуют как экспертные оценки того периода³, так и разработки различных стратегических подходов к возможному использованию данных ресурсов.

В данном контексте правительство Великобритании рассматривало контроль над запасами бакинской нефти и как ключ к восстановлению своего влияния на Кавказе и Иране, и как потенциальную угрозу собственной безопасности на континенте в случае доступа к данным энергоресурсам СССР и

¹ //The Guardian. — 02.04.04.

² Соцков Л. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и абвера: из секретных досье разведки. — М., 2003. — С. 140.

³ См. например: Williams A.R. The Soviets. — N.-Y., 1937. — P.124.

Германии в ходе затяжной войны¹. Вопрос о доступе к нефтепромыслам был одним из основных также в ходе так называемой битвы за Кавказ во время Второй мировой войны².

После распада СССР произошли существенные изменения статуса РФ в зоне Каспийского бассейна: появление независимого Азербайджана (позиции которого были усилены устремившимися в эту республику западными нефтяными инвесторами), а также образование независимых Казахстана и Туркменистана, что сделало Россию только одним из пяти претендентов на богатства нефтеносного бассейна. Кроме того, геополитическая обстановка для России в этом регионе осложнилась и потерей главенствующего положения на Черном море как по причине получения Украиной независимости, так и вследствие усиления влияния Турции после обретения суверенитета тремя государствами Закавказья.

При разработке и реализации политики России по отношению к странам Каспийской зоны, освоению нефтяных и газовых запасов сталкивались различные интересы, которые условно могут быть объединены в две группы: «державные» и экономические. И если первые ассоциировались с Министерством иностранных дел и Министерством обороны РФ, то вторые — с нефтяным лобби, прежде всего концерна «Лукойл» и политико-экономических кругов, заинтересованных в участии российских компаний в международных проектах освоения углеводородных ресурсов Каспия³. Постепенно к середине 1990-х гг. формируется более экономически выгодный

¹ В августе 1941 г. в Закавказье начала действовать группа сотрудников английской разведки, целью которой являлась подготовка к осуществлению акции по выводу из строя бакинских нефтепромыслов // См.: материалы НКВД — копия перехваченной секретной шифрограммы МИД Великобритании о задачах английской военной миссии на Кавказе от 18 августа 1941 г. Цит. по: Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. — М., 2001. — С.297-298.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. — М., 1971. — С. 363.; Черчилль У.С. Вторая мировая война. В 6 т. — М., 1998. — Т 3. — С. 353, — Т.4, — С. 255.

³ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. — М., 2001. — С. 413.

прагматический подход к вопросу о совместном использовании данных ресурсов: Россия снижает свои геополитические амбиции и соглашается на участие международных консорциумов в разработке месторождений региона, тем самым усиливая прежде всего инвестиционное влияние третьих стран.

Резкая смена геополитической обстановки поставила и перед администрацией США проблему нового определения собственной геополитической линии в этом крупнейшем в мире неосвоенном регионе, сделав при этом основной акцент на противостояние таким государствам-изгоям, как Иран, Ливия и Ирак. По мнению американских ньюсмейкеров, масштабные поставки нефти из Каспийского региона рассматривались как фактор, способный в целом изменить соотношение сил между странами, экспортирующими нефть, и странами, ее импортирующими, и, в частности, не в пользу стран Ближнего Востока¹.

В этой связи представляется значимым рассмотрение территории бывшего СССР в разрезе национальных интересов США, являющихся на сегодняшний день крупнейшим геополитическим игроком.

Из анализа информационного поля Соединенных Штатов следует, что политика США не рассматривает постсоветское пространство как единое целое, отдавая предпочтение географическому подходу и выделяя три геополитические зоны: восточноевропейские страны СНГ и Балтию, государства Закавказья и страны Центральной Азии.

При этом внимание американских СМИ сфокусировано на следующих сферах интересов США.

По оценке экспертов и масс-медиа, Соединенные Штаты готовы содействовать вхождению восточноевропейских стран СНГ и Балтии в европейские военно-политические и экономи-

¹ По словам замминистра энергетики США Б.Уайта, сказанным им в ходе поездки по Центрально-Азиатскому региону в 1995 году, в будущем мировой спрос на нефть не следует покрывать за счет поставок нефти из недружественных США стран, например из Ирана и Ирака, этот спрос должен удовлетворяться за счет поставок нефти из таких регионов, как Кавказ и Центральная Азия // *Financial Times*. — 04.05.1995.

ческие структуры, однако при этом крайне не заинтересованы в интеграционных процессах на постсоветском пространстве¹.

По мнению ряда аналитиков, расширение военного присутствия в Центральной Азии в значительной степени обусловлено интересами США в энергетической сфере: «Страны, окружающие Каспийское море, обладают огромными запасами энергосырья. Вместе с соседними Арменией, Грузией, Турцией и Узбекистаном они имеют огромное значение для экономики, политики и стратегических интересов США. Вашингтон должен усиливать свое влияние в регионе и содействовать строительству дополнительных трубопроводов для гарантирования доставки каспийских энергоресурсов на мировые рынки»²; «Столь значительные ресурсы могут дать огромные прибыли американским компаниям и их акционерам. Через некоторое время сотрудничество на Каспии распространится и на другие сферы, американские фирмы смогут применить свой опыт в коммуникациях, связи и т.д., что также даст дополнительные прибыли»³.

В СМИ Соединенных Штатов подчеркивается, что вопреки заявлениям американских ньюсмейкеров о «временном характере военного присутствия» войска не покинут регион в ближайшее время. Данный тезис подтверждается и по прошествии полутора лет со времени закрепления США на территории постсоветских республик высказываниями руководства американских баз в Средней Азии. По словам заместителя командира американской базы в Киргизии Д. Форреста, «база расположена настолько глубоко в Средней Азии, что очень не

¹ В связи с этим наиболее характерными медийными идеологемами являются, например, следующие: «Западный курс бывших советских республик должен быть сохранен при любых обстоятельствах» // *Washington Post*. — 11.02.02; «США не должны допустить интеграционных процессов на постсоветском пространстве под руководством России. Восстановление СССР в любом виде не может отвечать нашим национальным интересам» // Бжезинский З. *Foreign Affairs*. — 11.02.02.

² // *Foreign Affairs*. — 11.10.01.

³ // *The Economist*. — 22.11.01.

хотелось бы потерять это место»¹. По мнению СМИ, связано это прежде всего с энергоресурсами прикаспийских стран: «Передача Средне-Азиатского региона в зону ответственности центрального командования США, ответственного за Персидский залив, говорит о том, что эта территория попадает под пристальное внимание тех, чьей основной задачей было обеспечение гарантированного доступа США и их союзников к нефтяным ресурсам»².

Высокая доля энергетических интересов во внешней политике США предопределяет усиление собственного влияния в Каспийском регионе, прежде всего в отношении прозападно-ориентированных стран — Грузии и Азербайджана. Вовлечение последних в зону доминирования США проходит по сценарию активной поддержки усилий этих государств по реформированию своих политических и экономических систем, развитию рыночной экономики, интеграции в международные структуры.

В контексте проведения политики снижения влияния России в регионе, начала строительства нефтепровода Баку-Джейхан в августе 2002 года и при наличии близкой перспективы транспортировки нефти и газа через Афганистан и Пакистан возрастает риск для России быть отрезанной от экспорта углеводородного сырья как с Запада, так и с Востока³.

Определенную активность проявляют и государства Европейского союза, центральные органы управления которого декларируют, что главной целью сотрудничества стран Евросоюза со странами Закавказья является обеспечение стабильности в регионе, гарантированного доступа к энергоресурсам Каспия и Средней Азии, безопасности транспортных путей

¹ //The Wall Street Journal. — 27.05.2003.

² //Foreign Affairs. — 21.12.01.

³ Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. — М., 2003. — С. 277.

Кавказского коридора¹. Значительный интерес к каспийской нефти проявляла и Великобритания, правительство которой пыталось проводить политику сближения с А. Масхадовым после подписания соглашений².

Таким образом, можно согласиться с прогнозом ряда ведущих экономических экспертов, что российская активность на каспийском направлении будет неизменно сопровождаться энергичным противодействием со стороны мировых держав и прежде всего США, которые объявили Каспий зоной своих жизненных интересов и навязывают этот тезис «новым каспийским суверенам»³. Присутствие США в районе Каспийского моря крайне невыгодно для экономических интересов России, особенно в связи с существованием перспективы заключения двусторонних договоренностей с государствами «каспийской пятерки» о разработке нефтеносных месторождений⁴. Следовательно, с высокой долей вероятности можно предположить увеличение негативного влияния осложняющейся геополитической обстановки в данном регионе как на сам на уровень межнациональной напряженности, так и на степень эффективности мер по урегулированию этнополитических конфликтов. Взаимосвязь этих социально-политических процессов обусловлена повышенным интересом

¹ Каспийский глобальный пасьянс и российские интересы. Доклад Института стран СНГ // Содружество СНГ. — 1998. — № 4.

² Трошев Г. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. — М., 2001. — С. 164.

³ См. например: Мещеряков В.Ф. Каспий и интересы российского бизнеса // Восточный вектор бизнеса России. — М., 2001. — С. 128-129; Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. — М., 2001. — С. 370-375.

⁴ Экономическая угроза заключения двусторонних договоров между США и государствами Каспийского бассейна заключается в возможности быстрого и неконтролируемого ввода в строй каспийских месторождений и появления значительного избытка нефтепродуктов, которые не будут контролироваться ОПЕК. В результате цены на нефть и нефтепродукты на всех платежеспособных рынках пойдут вниз, в чем и заинтересован крупнейший импортер — Соединенные Штаты // Газета. — 27.02.02.

вовлекаемых в конфликт посредников к «геополитическим ресурсам» территории его происхождения.

Комплекс социально-политических, экономических и геополитических факторов обуславливает неизбежность вовлеченности России в этнополитические конфликты на территории СНГ в ближайшем будущем, что требует принятия следующих мер:

- совершенствование научно-практической конфликтологии и конфликтологического менеджмента, уровень развития которых в настоящий момент значительно ниже требуемого и зачастую сводится к некритическому копированию западного опыта миротворческой деятельности;
- приведение правовой базы миротворческих операций в соответствие с международным правом с учетом специфики ситуации в СНГ;
- повышение координации миротворческих операций на территории СНГ, прежде всего за счет увеличения роли Совета Безопасности; устранение множественности центров принятия решений; расширение сотрудничества между РФ и международными организациями; повышение роли пограничных сил РФ.
- расширение комплекса мер по профилактике этнической напряженности, в том числе формирование структур гражданского общества на основе политики толерантности.

ГЛАВА IV.

ТЕХНОЛОГИИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ СНГ: ПОИСК ПАРАДИГМЫ

§1. Архетипы войны и мира

Потенциальная опасность расширения конфликта в территориальном и субъектном измерении является катализатором развития «миротворческих» тенденций на уровне не только макросистем, но и определенной совокупности кланов и линиджей в примитивном обществе. При этом конфликт на микроуровне изначально сознательно расширяется: конфликтующие линиджи и кланы обращаются к другим деревням с призывом присоединиться к той или другой стороне. В развивающейся конфликтной динамике возникает ситуация, когда становящийся общим конфликт нарушает равновесие и возникает опасность дальнейшего распространения конфликта на других соседей. Таким образом усиливается давление в пользу его разрешения, что в конечном счете облегчает достижение договоренностей, которые казались невозможными между двумя основными противниками (народность суку, область реки Кванго в Заире). Однако в других случаях конфликты между линиджами или кланами регулируются изначально посредством сильного внешнего давления при достижении перемирия (народность нуэры, Судан); имеют место казусы, когда открытый конфликт подвергается строгому процедурному контролю в отношении места и формы столкновения, ритуала, выбора оружия (народность бети, Кот д'Ивуар)¹.

Определение конфликтующими сторонами места и времени военного столкновения характерно и для более развитых социальных систем, при этом особенно ярко это явление име-

¹ *Пирцио-Бироли Д.* Культурная антропология тропической Африки. — М., 2001. — С.277-278.

до место в средневековой Европе, когда разрешение противостояния носило не только сакральный и агональный характер (вынесение спора на «Божий суд»), но и напрямую было связано с понятиями чести и престижа¹. У австралийских племен, военное решение конфликта является традиционной процедурой возмездия (санкцией) для группы, на которую возлагается ответственность за причиненный вред². По мнению Д. Пирцио-Бироли, целью контролируемого и ритуализированного насилия является восстановление нарушенного порядка, поскольку даже победитель обязан возмещать убытки противнику за понесенные им потери в людях³.

Существование общечеловеческой мотивации на установление «мира» и поддержание статус-кво наряду с общекультурной мотивацией во взаимоотношениях как на межгрупповом, межплеменном, межэтническом, так и международном уровнях дает основания для выдвижения гипотезы о существовании «архетипа мира» и «архетипа войны» (конфликта). Общее понятие архетипа применяется здесь в том смысловом значении, которое вкладывал в это понятие К.Г. Юнг: «Форма без содержания, представляющая только возможность определенного типа восприятия и действия»⁴.

Под архетипом мира и архетипом войны, таким образом, понимаются миролюбиво ориентированные модели бессознательного поведения индивидов и групп и соответственно конфликтно ориентированные модели поведения. При этом предполагаемые ситуации для срабатывания тех или иных моделей поведения являются идентичными.

Предполагая существование таких архетипов в коллективном и индивидуальном бессознательном, можно сделать попытку схематичного изображения «работы» архетипов:

¹ Хейзинга Й. *Homo Ludens*. — М., 1997. — С. 100, 104.

² Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. — М., 2001. — С. 247-248.

³ Пирцио-Бироли Д. Культурная антропология тропической Африки. — М., 2001. — С.278.

⁴ Юнг К.Г. Понятие коллективного бессознательного // Юнг К.Г. Аналитическая психология. — М., 1995. — С. 77.

архетип добра → архетип мира →
→ интроекция в социальное действие
архетип зла → архетип войны →

Интроекция архетипов в социальное действие влияет на характер так называемого духа времени (*Zeitgeist*), начиная от явно заметных и элементарно вычленяемых исторических периодов мир — война, и заканчивая сложными формами, например предчувствование войны в обществе. Временной параметр является одним из определяющих в понимании описываемого феномена. Территориально-временное «закрепление» архетипа войны можно отследить как на классических примерах (Столетняя война, Тридцатилетняя война), так и в современной истории. Одним из наиболее ярких прецедентов являются конфликты в Афганистане, где этническое население вовлечено в противостояние или с внешним врагом (СССР (1979 — 1989), антитеррористическая коалиция (2001- по настоящее время), или в перманентную гражданскую войну между политическими группировками. В подобные исторические периоды подавляющее большинство населения существует по принципу, который был провозглашен на другом конце планеты, в Колумбии, более 40 лет назад и, к несчастью, до сих пор не теряет актуальности в этом латиноамериканском государстве: «Война — мать всего сущего. Или вы научитесь убивать, или вас убьют»¹.

Вместе с тем в истории Европы можно выделить столетний период относительного мира в континентальных масштабах: в период между окончанием наполеоновских войн (Венский конгресс 1814 — 1815 гг.) и началом Первой мировой войны (август 1914 г.). Нас в данном случае интересует феномен перехода на массовом групповом уровне от архетипа

¹ Фраза была произнесена в 1962 году военным министром Колумбии А.Р. Новоа. Заметим, что прямая мотивация к войне и убийству как одной из задач выживания встречается в истории, хотя чаще она бывает завуалирована более благими целями и задачами // Революционная Колумбия. История партизанского движения. — М., 2003. — С. 3.

мирной жизни к войне, что выразилось в демонстрациях «за войну» в разных столицах Европы в августе 1914 года. Одним из объяснений подобному изменению социально-политической ориентации масс является пресыщение стабильностью и безопасностью европейского среднего класса и желание европейских наций обрести признание своих ценностей и достоинства¹.

В данном случае аналогия с волной межнациональных конфликтов в период до и после распада СССР представляется весьма отдаленной, прежде всего по причине тех потерь, которые понесли граждане СССР во время Второй мировой войны и сталинского периода правления. Вместе с тем именно групповая и этническая энергетика, не находившая себе выхода в последние десятилетия существования СССР, в так называемый период застоя, раскрылась во время смены социально-политических систем. Таким образом, возможно, короткий период застоя (своего рода стабильности) вызвал «равноценный» ответ в виде агрессивно окрашенной мобилизации этносов.

Архетипы мира и войны, интроецируя в социум и образуя новые или возвращая из небытия старые поведенческие структуры, подчас предстают в столь сложных формах, что вычленение и идентификация их как автономных друг от друга архетипов видится весьма сложной задачей. Основную роль, по-видимому, здесь играет взаимосвязь этих архетипов, которая образует систему мир — война, близкую по масштабам и вытекающую из системы добро — зло. В наиболее символической форме единство этих противоположностей нашло свое отражение в ацтекском символе войны и мира — атлхлахиноли — переплетенном потоке из линий огня и воды.

Этим может быть объяснена высокая вероятность активной «работы» архетипа мира (добра) у одной или обеих сторон в конфликте при условии, что конфликтоориентированная

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М., 2004. — С. 495.

мотивация групп и индивидуумов базируется на понятиях «восстановления справедливости» или «стремления к мирному будущему».

При этом «работа» архетипа мира в конфликте, как правило, используется заинтересованными сторонами с целью повышения общей мотивации к столкновению. Те высшие цели, которые провозглашаются властными элитами, зачастую ориентированы именно на архетипы мира...

«Подчинение» определенной этнической группы архетипу войны: облегчение поведения индивидуумов в конфликтную форму так или иначе связано с историческим ритмом развития этой группы. В этой связи весьма оригинально высказывался французский социолог и культуролог Роже Кайуа, предполагавший, что в современном обществе война несет в себе функцию коллективного возбуждения и аккумуляирования накапливающейся энергии этноса (по мнению исследователя, в первобытных обществах эта функция во многом была возложена на социальный институт праздника)¹.

Анализируя этнографические исследования в части, касающейся обрядов перемещения/возвращения индивида в ту или иную статусную группу, можно прийти к выводу, что многие обряды служат цели формирования у индивида/группы того типа ориентации, который необходим по объективным или субъективным причинам этнической группе (ее лидерам) в целом на данный период времени.

Так, у австралийских аборигенов группа, берущая на себя ответственность за совершение акта кровной мести, сначала отделяется от группы, обретает собственную индивидуальность и может вернуться обратно в группу только после совершения определенных обрядов, снимающих индивидуальность и интегрирующих ее обратно в общую группу².

¹ Кайуа Р. Миф и человек, человек и сакральное. — М., 2003. — С. 279.

² Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. — М., 1999. — С. 41 — 42.

Близким по значению является табуирование воинов-маори (Новая Зеландия), вступающих на тропу войны¹. Широко распространенные обряды наложения ограниченных во времени табу на членов племени или специальные указания для всех без исключения членов группы, включая женщин (определенные ограничения, накладываемые в период войны), на время конфликта также свидетельствуют о иницируемых верховной властью правилах, которые должны изменить общественное сознательное/бессознательное в сторону войны или мира.

После окончания конфликта воины в разных частях планеты проходили еще более сложную процедуру интегрирования со своей группой: у натчей (Северная Америка) воины, добывшие первые скальпы врагов, на протяжении шести месяцев обязаны соблюдать запрет на общение с женщинами и употребление в пищу мяса; воины с острова Палау (Северная Америка) запираются на три дня в отведенном помещении и также ограничены в общении с женщинами; менее строгие правила по отношению к вернувшимся из похода воинам существовали у племен банту, вагейя, джалуо (Восточная Африка), где мужчинам надлежало выбривать голову и совершать специальные обряды².

Институты возвращения индивидов к миролюбивым образцам поведения встречаются и в более развитых обществах. Так, в средневековье в Западной Европе благодаря строгой классификации раскаяния и покаяния и силе убеждения, что пролитие крови при любых обстоятельствах является осквернением, требующим очищения, обычай налагать официальное покаяние на всякого совершившего убийство воина просуществовал до XI века³. При этом по меньшей мере в двух случа-

¹ Фрезер Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. В 2 т. — М., 2001. — Т. I. — С. 284.

² Там же. — С. 284

³ Контамин Ф. Война в средние века. — М., 2001. — С. 284.

ях, Церковь потребовала всеобщего покаяния за участие в войне:

- После битвы у Суассона 15 июня 923 г., когда войска Карла Простоватого одержали победу над армией «тирана» графа Парижского Роберта, узурпатора королевской короны, Синод в Реймсе вынес постановление о покаянии участников с обеих сторон;
- В 1070 г., через четыре года после битвы при Гастингсе, собор нормандских епископов под председательством Эрменфильда наложил покаяние на воинов Вильгельма Завоевателя, и это несмотря на то, что завоевание было совершено под знаменем папы и направлено против клятвоступника¹.

Таким образом, вовлечение группы в форму поведения, где доминирующим является архетип войны или мира может являться управляемым процессом, особенно в той ее части, когда это вовлечение происходит по субъективным обстоятельствам, то есть «инициатива» войны или мира происходит из самой группы.

В том случае, если группа является объектом агрессии с внешней стороны, то ответная реакция и поведение индивидумов, подвергшихся нападению, в рамках архетипа войны («заражение» обороняющейся группы) могут иметь замедленную реакцию и варьироваться в зависимости от множества факторов. Вместе с тем практически в любом конфликте существует сопротивляющаяся с начала противостояния авангардная группа, которая берет на себя функцию катализатора (фронты сопротивления, партизанское движение). Подобные группы, формирующиеся из индивидов, психологически предрасположенных к конфликту, зачастую продолжают «войну» на протяжении неограниченного периода времени после окончания открытого конфликта, превращаясь в немногочисленные экстремистские и террористические организа-

¹ Ibid.- С.286.

ции. Последние зачастую переключаются на иного противника, если в силу политических или временных обстоятельств основной враг потерял актуальность.

В современном конфликте проведение подобных «инициационных» обрядов не представляется возможным как в силу иных культурных традиций, так и по причине вовлечения в противостояние сотен тысяч и миллионов людей. Кроме того, немногочисленные замкнутые группы, по-видимому, в силу сплоченности и постоянного контактирования в большей степени нуждаются во внутренней регуляции агрессивного поведения.

Таким образом, имеет место доминирование в постконфликтном сознании архетипа войны и представление индивидумов и групп о силовом решении многих проблем как о наиболее эффективном. Характерным примером такого закрепления является территория Северной Ирландии, где в настоящий момент при достигнутом хрупком мире между протестантами и католиками агрессия и нетерпимость направлены на эмигрантов из стран третьего мира и имеют расистскую направленность¹. Насилие стало настолько обычным для местного сообщества на протяжении четырех веков, что архетип войны находит новые цели и превращает их в новые угрозы в тот самый момент, когда образ многовекового врага потерял актуальность.

§ 2. Принципы политического урегулирования конфликтов

Опыт России, полученный в процессе урегулирования конфликтов, наглядно демонстрирует отсутствие целесообразных и казуальных подходов к каждому из этнополитических противоречий, в которые так или иначе была вовлечена

¹ RBCdaily: Политика — аналитическая ежедневная газета. 25.12.2003. www.rbcdaily.ru

РФ. Объективные и субъективные причины, по-видимому, повлияли на то, что проведение как миротворческих операций, так и активное посредничество при переговорном процессе между противоборствующими сторонами проходили без соответствующей теоретической базы и учета международного опыта урегулирования конфликтов.

В то же время на протяжении 80-х гг. в теории и демократической практике наметилась линия приоритета диалога в конфликтных ситуациях, особенно чреватых опасными последствиями при перерастании в открытый конфликт. Международное сообщество пришло к осознанию невозможности эскалации политических конфликтов и доведения их до глобальной ядерной катастрофы и к выводу о необходимости компромиссов даже в тупиковых ситуациях, осложненных амбициями лидеров и оставшимися от прошлых конфронтаций постконфликтными синдромами.

В современной международной теории и практике по предупреждению и урегулированию конфликтов можно выделить три основных направления:

- предупреждение открытых, вооруженных конфликтов, сопровождающихся насильственными действиями — войнами, массовыми беспорядками и т.п. (prevention of conflict);
- управление конфликтами, направленное на снижение уровня враждебности в отношениях сторон, на перевод противоборства в русло поиска совместного решения противоречий (conflict management); разрешение конфликтов, предполагающее устранение вызвавших их причин, формирование нового уровня взаимоотношений участников (conflict resolution)¹.

Первое направление работы заключается в диагностике возможного конфликта и предупреждении перерастания его в

¹ Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. — М., 1997. — С. 92 — 94.

открытую форму. Следует однако заметить, что прогнозирование возможного хода событий затруднено в силу невозможности построения достаточно адекватной реальным условиям модели. Кроме того, разрешение этнополитических конфликтов происходит главным образом уже на стадии военного конфликта, так как упреждающие действия, как правило, не приносят желаемого результата.

Практическое воплощение второго направления ориентировано в основном на сохранение конфликтной ситуации в определенных рамках или хотя бы на консервирование ее на определенное время, так как расширение конфликта вовлекает большее количество участников и несет угрозу для более крупной системы (крайняя форма такого «расширения» — военное вмешательство блока НАТО во внутренний сецессионный конфликт в Югославии). Дальнейшие шаги в управлении конфликтом — прекращение военных действий, снижение уровня противостояния сторон, деэскалация напряженности, понижение враждебности в отношениях, отказ участников от односторонних действий и переход к поиску совместного решения проблемы. Важнейшим моментом в данном направлении является ориентация на рациональные формы разрешения конфликта, в том числе и на методы увязки интересов и целей сторон. Однако как оригинально, хотя и весьма спорно отмечает экс-госсекретарь США Г. Киссинджер: «Ошибочно полагать, что международные конфликты можно решить путем наличия доброй воли и решимости прийти к согласию. Во время кризиса каждая из сторон будет полагать, что оппоненту этих качеств недостает»¹. Вместе с тем гуманитарная составляющая миротворчества обязывает признать, что главными элементами управления конфликтом являются переговоры и посредничество.

¹ Henry Kissinger: man and power//BBC News. — 29.11.2002.

В соответствии с характеристикой зон на территории СНГ¹, где можно наблюдать межнациональную напряженность, проявляющуюся с различной степенью интенсивности вплоть до открытых вооруженных конфликтов, целесообразно определить те направления в практике урегулирования конфликтов, применение которых наиболее эффективно для того или другого случая. Так, для зон с происходящими вооруженными конфликтами (Чечня) наиболее адекватно применение методов управления и разрешения конфликтов. Для территорий, где вооруженное противостояние остановлено (Абхазия, Южная Осетия, Таджикистан, Карабах) эффективно использование технологий «разрешения конфликтов». Наконец, для зон, где наблюдается этнополитическая напряженность (например, значительная территория Северного Кавказа), действенны превентивные механизмы снижения конфликтогенных тенденций.

Однако помимо вышеописанных технологий урегулирования конфликтов существуют также факторы, которые непосредственным образом влияют на динамику этнополитической напряженности. В первую очередь это влияние национальных и религиозных лидеров на формирование интолерантного сознания населения. Так, в современной этнополитологии можно выделить отдельное направление, акцентирующее внимание на изучении роли так называемых этнических и религиозных предпринимателей, то есть людей, наживающих политический капитал на актуализации межгрупповых различий и эксплуатации ксенофобии. В наиболее завершенном виде механизмы подобного манипулирования изложены А. Поповым² и состоят из трех стадий. Первая из них — «эмоциональная актуализация», — заключается в выведении на поверхность обществен-

¹ *Pain E.* The Political Situation in Conflict Zones// *European Security*, Vol. 3, No. 4. 1994. — P. 790 — 816.

² *Попов А.* Причины возникновения и динамика развития конфликтов // *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах.* — М., 1997. — С.273-297.

ного сознания и подачи в наиболее заостренной форме действительных и мнимых обид как символа национального унижения и оскорбления. Подобным образом проводилась подготовка чеченского общества к вооруженному сопротивлению федеральной власти задолго до начала открытого конфликта.

Второй стадией группового манипулирования является «практическая ориентация групп», то есть направление массового сознания на конкретные свершения с помощью привлекательных политических целей, программ, популистских практических шагов. Наконец, третья стадия — «моральная легитимизация действий», завершает процесс группового манипулирования. В этот период намеченные действия и конкретные шаги должны быть морально санкционированы господствующим в данной среде общественным мнением. После этого любые акции, в том числе и насильственного характера, будут оправдываться высшими интересами нации или конфессии¹. По мнению Э.А. Паина, самым распространенным способом легитимизации насилия является организация провокаций, которые позволяют представить насильственные действия группы только как ответные действия на оскорбления, нанесенные «оппонентами».² Таким образом, «соревнование» в проведении ответных действий превращает единичное столкновение в затяжной тупиковый конфликт.

¹ В научной литературе описано множество способов снятия моральных табу на совершение насильственных действий. См. например: Apter D.E. *The Legitimization of Violence*. — L., 1997.

² Пайн Э.А. Динамика национального самосознания россиян (к этнополитическим итогам прошедшего десятилетия) // *Этнопанорама*. — № 2. — 2002. — С. 15.

Информационные технологии

«После моей высадки в Каннах парижские газеты запестрели заголовками: «Мятеж Бонапарта»; через пять дней: «Генерал Бонапарт вступил в Гренобль»; одиннадцать дней спустя: «Наполеон вступил в Лион; двадцать дней спустя»: «Император прибыл в Тюильри»; ищите после этого в газетах общественное мнение!»

*Наполеон Бонапарт*¹

«В 1990 году мы не могли и предположить, как велико будет воздействие информационной революции на бизнес, образ жизни и даже ход на военных действий».

Маргарет Тэтчер,
*«Искусство управления государством»*²

В связи с развитием и расширением возможностей донесения информационных потоков одним из важных элементов, обуславливающих эффективность политических действий в управлении конфликтом, является контроль за средствами массовой информации, а также контроль при использовании СМИ как одного из средств снятия межнациональной напряженности.

Опираясь на точку зрения американских исследователей Д. Прюитта и Дж. Рубина, давших определение конфронтации как конфликта «воспринимаемых интересов» (в любом случае при конфликте стороны видят свои интересы как противоречащие друг другу, независимо от того, каково их реальное соотношение)³, можно говорить о том, что наибольшая роль при формировании стереотипов и психологических установок обществен-

¹ *Наполеон Бонапарт.* Максимумы и мысли узника Святой Елены. — М., 1999. — С.103.

² *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. — М., 2003. — С. 25.

³ *Pruitt D., Rubin J.* Social Conflict: Escalation, Stalemate, and Settlement. — N.Y., Random House, 1984.

ного мнения в условиях конфликта принадлежит средствам массовой информации. Зачастую именно по сообщениям СМИ возможна и идентификация потенциальных конфликтогенных точек в межэтнических отношениях. Кроме того, анализ информации, предлагаемой масс-медиа, свидетельствует о тенденциях и динамике в уже развивающемся конфликте.

С развитием конфликта восприятие стереотипизируется и включает в себя: эмоциональный аспект (сильная эмоциональная окраска, чувство враждебности, недоверие, страх, подозрительность) и когнитивный аспект (стремление к упрощению информации, схематизм при оценке фактов).

При анализе идеологем, фактически навязываемых масс-медиа, исследователями часто наблюдается формирование противоположных — «зеркальных» образов при интерпретации одних и тех же событий¹. Интерес также представляет подача информации от «третьих» сторон, в той или иной роли участвующих в конфликте. Характерный пример изменения медийной интерпретации событий в Чечне продемонстрировали западные СМИ в сентябре — декабре 2001 года².

Данный аспект достаточно значимый, исходя из того что «третьи» стороны порой оказывают не меньшее влияние на ход конфликта, чем основные участники.

При проведении политических действий по урегулированию конфликта, основой которого является этнополитическая составляющая, одним из важных элементов, обуславливающих эффективность управленческих технологий, является контроль за средствами массовой информации, а также использование масс-медиа как одного из средств снятия международной напряженности. Связано это прежде всего с тем,

¹ Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. Подходы, решения, технологии. — М., 1997. — С. 50 — 51.

² Кавтарадзе С.Д. Роль масс-медиа в формировании общественного мнения в условиях урегулирования этнополитического кризиса. Сборник докладов на конференции «Актуальные проблемы теории и практики управления». — М., 2002. — С.113-116.

что в условиях конфликта для СМИ характерна тенденция снижения объема сбалансированной и нейтральной информации — как правило, преобладают эмоционально окрашенные негативные оценки.

Кроме того, качественный анализ текстов сообщений СМИ позволяет сделать вывод о частом несоответствии распространяемой массовой информации приводимыми официальными источниками, а также о неполноте отражения существенных сторон социальных процессов и событий, что может привести к неадекватной интерпретации их участниками конфликта. Последнее влияет на поведенческую активность субъектов конфликта и выражается в таких формах социальных действий, как массовые митинги, выступления, а также индивидуальное и групповое девиантное поведение вплоть до противоправных действий.

Таким образом, наиболее эффективный путь изменения негативных стереотипов при урегулировании этнополитических конфликтов лежит в области использования различных PR-методов и их сочетаний при распространении информации масс-медиа.

Необходимо проведение мониторинга сообщений СМИ, распространяемых как противоположной стороной, так и «третьими» лицами, участвующими в урегулировании конфликта, а также последующий учет полученных данных при выборе собственной линии воздействия на внутренний и внешний круг участников конфликта. Кроме того, по видимому, максимальный эффект воздействия может быть достигнут при разграничении характера информации, ориентированной как на политическую элиту, ответственную за принятие решений, так и на массы. Важным фактором является «специализация» информации в отношении различных групп, которые могут быть выделены из общей массы населения на основе одного или нескольких принципов (возраст, профессия, локальная территория проживания), — именно та-

кая подача информации соответствует типу коммуникаций «Третьей волны» (по Э. Тоффлеру).¹

При этом основной круг задач в условиях миротворческой операции лежит в области медийной поддержки новых властных структур по следующим векторам:

- легитимизация новой политической элиты (актуализация в массовом сознании предстоящих выборов и референдумов);
- снижение конфронтации и выработка консенсуальной позиции по вопросам политического и социально-экономического будущего региона;
- пропаганда гражданского примирения;
- формирование позитивного образа «миротворческого контингента» как основы стабильности в регионе;
- проведение контрпропаганды против оппонентов.

Вместе с тем целесообразно использование «информационных реалий», которые имеют расхождение с подлинными событиями, например, удержание целевой аудитории от выступлений с помощью сообщения о патрулировании района с помощью наземных и воздушных средств, несмотря на то что в данный момент нет необходимых для этого ресурсов².

Нельзя не упомянуть также и о таком канале распространения информации и навязывания стереотипов, как «импровизированные новости» — слухи. Этот вид спонтанной коммуникации по каналам межличностного общения особенно широко и быстро распространяется в напряженной общест-

¹ Система СМИ «Третья волна» отражает потребности в экономике постмассового производства. Подобно предприятиям с гибким производством, она изготавливает своеобразную продукцию по «специальным заказам» и рассылает различные образы, идеи и символы различным группам населения. // Тоффлер Э. *Метаморфозы власти. Знания, богатство и сила на пороге XXI века*. — М., 2002. — С. 424.

² Jones C. *Informational Operation Process* // <http://call.army.mil/call/nftf/marapr98/info.htm>. // Почепцов Г.Г. *Информационные войны*. — М., 2000. — С. 503.

венной обстановке и, как правило, эффективно используется противоборствующими сторонами. Так, например, во время так называемого Ферганского конфликта между узбеками и турками-месхетинцами в 1989 году все погромы турок разворачивались примерно по одной схеме: начиналось распространение слухов о том, что в городах (Фергане, Кувасае, Маргилане) бесчинствуют банды турок, которые мстят узбекам за «кувасайские события». Слухи распространялись как спонтанно, так и целенаправленно, с использованием перемещающихся из одной местности в другую «слухмейкеров»¹. По-видимому, это во многом способствовало тому, что при отсутствии явных претензий к туркам общее настроение населения сводилось к защите от агрессии турок, которых воспринимали не как жертву, а как нападающую сторону². Наиболее часто применяемые и рекомендуемые исследователями этого социального феномена способы борьбы состоят в обращении к населению уважаемых лидеров с опровержением слухов, а также выдаче адекватной информации по институционализированным каналам³. Однако так называемая лобовая атака, когда аудитории прямо говорится о «ложности» слуха, не срабатывает в случае недоверия населения к конкретному источнику опровержения (нюсмейкер, СМИ). При существовании подобной ситуации опровержение служит катализатором распространения слухов и приводит к противоположным результатам. Таким образом, наиболее оптимальным приемом является «фланговая атака», суть которой состоит в настойчивой передаче значимой информации противоположного со-

¹ Осипов А.Г. Ферганские события 1989 года (конструирование этнического конфликта) // Ферганская долина. Этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М., 2004. – С. 184.

² Ibid. – С. 187.

³ См. например: Shibutani T. *Improvised news. A sociological study of rumor.* — Indianapolis, New York, 1966.

держания, причем без упоминания о самом слухе или его сюжете¹.

Подводя итог, следует отметить, что процесс изменения стереотипов и психологических установок является крайне длительным и трудоемким и должен характеризоваться динамичностью и рефлексивностью по отношению к быстро развивающейся конфронтации.

«Разрешение конфликта» — сглаживание противоречий, нахождение компромиссных решений и переговорный процесс с максимальным выигрышем для обеих сторон — такова суть третьего направления международной практики предупреждения и урегулирования конфликтов.

В кругу вопросов урегулирования конфликтов и обеспечения политического мира в обществе одно из ключевых мест в настоящее время занимает консоциальная теория. Популярность этого направления в политологии настолько очевидна, что большинство современных дискуссий по этнополитике не только оценивает соответствие данной теории конкретным случаям, но и в целом рассматривает практическую применимость этой теории². Так, один из ведущих голландских политологов А. Лейпхарт утверждает, что практическое использование миротворческих технологий, основанных на консоциальной теории, является наиболее эффективным подходом к мирному урегулированию конфликтов в мультиэтнических обществах³. По мнению социолога А. Паппалардо, консоциальная демократия может рассматриваться как «система аккомодации и компромисса между элитами, в рамках которой глубоко расколотые госу-

¹ Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. — СПб., 2003. — С. 130.

² Halpern, Sue M. The Disorderly Universe of Consociational Democracy // Western European Politics. — Vol. 9. — № 2. — 1986. — P. 181-182.

³ См. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. — М., 1997.

дарства смогут сохранить политическую стабильность».¹ Продолжая разработку этой теории, его единомышленник Г. Баквис рассматривает консоциацию как правление с помощью картеля элит, призванное превратить демократию с фрагментированной политической культурой в устойчивую демократию².

Примером успешного использования сотрудничества между элитами различных групп служат государства, в которых консоциональная теория успешно применялась: Нидерланды в 1917—1967, когда три проблемы (социальный вопрос, вопрос о всеобщем избирательном праве и школьный вопрос) ставили под угрозу самое существование нации, вызывая раскол внутри нации, и Бельгия до 70-х гг. XX века, в которой сочетание религиозных, этнических и классовых проблем в равной степени порождало раскол страны.

Применение консоциональных моделей для разрешения конфликтов на территории СНГ предлагается исследователями, например, для решения грузино-абхазских противоречий. Так, Т. Хидашели предлагает использование метода достижения консенсуса по ряду глобальных государственных вопросов на уровне политических элит противоборствующих сторон с целью создания в конечном итоге федеративного государства³.

Применение консоциональной теории и вопрос о нахождении взаимоприемлемых решений при конфликтной ситуации связаны с переговорным процессом между противоборствующими сторонами. Именно на него указывает конфликтологическая литература начала 1990-х годов как на единствен-

¹ *Pappalardo A.* The Conditions for Consociational Democracy: a Logical and Empirical Critique // *European Journal of Political Research*. — № 9. — 1981. — P. 365.

² *Bakvis H.* Structure and Process in Federal and Consociational Arrangements // *Publius. The Journal of Federalism*. — Vol. 15. — 1985. — № 2.

³ *Хидашели Т.* Федерализм и консоционализм. Перспективы реформирования грузинского государства, // *Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии*. — М., 1999. — С. 321-323.

ный способ завершения конфликта (прекращение вооруженного противостояния). Именно этим теоретическим посылом и обуславливалась жесткая предрасположенность к применению переговоров в конфликтной ситуации.

Переговоры — процесс, состоящий из нескольких стадий, каждая из которых обладает собственными задачами и особенностями. Наиболее целесообразно выделить следующие стадии:

- подготовка к переговорам (предпереговорная стадия);
- процесс ведения переговоров и достижения договоренностей в случае, если переговоры закончились их подписанием (стадия взаимодействия);
- анализ результатов переговоров и выполнение достигнутых договоренностей (имплементация).

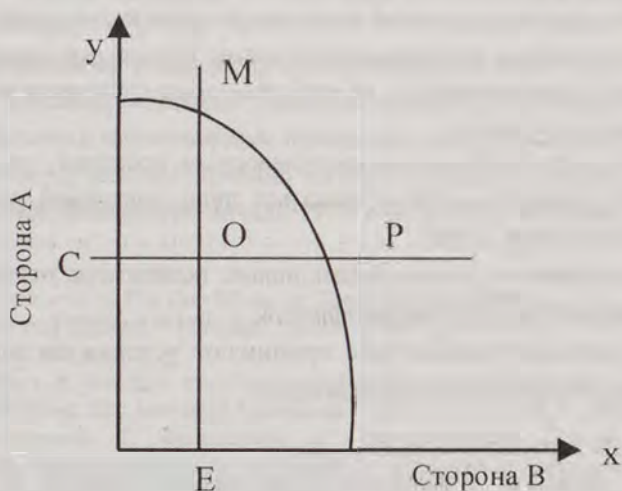
Определение действительно разрешенного противоречия представляется возможным по следующей совокупности характерных признаков¹:

- проблема исчезает с политической повестки дня;
- решение принимается всеми участниками конфликта как на уровне элит, так и на уровне масс;
- соглашение является самодостаточным (т.е. нет нужды в поддержании условий соглашения третьей стороной);
- соглашение воспринимается всеми участниками конфликта в соответствии с их собственными системами оценок как легитимное;
- решение не является компромиссным, поскольку сторонам не пришлось довольствоваться лишь частичной реализацией своих целей;
- соглашение устанавливает новые, позитивные отношения между участниками конфликта;
- участники добровольно принимают условия соглашения, без какого-либо давления извне.

¹ Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. — М., 1997. — С.96.

По-видимому, разрешение конфликта должно основываться на изменении глубинных, психологических структур участников конфликта, прежде всего на уровне масс. Поэтому большое внимание здесь должно уделяться изучению базисных потребностей (потребность идентификации с этносом, потребность в безопасности и пр.). Большинство конфликтов возникает в результате того, что одна из сторон не учитывает базисные потребности другой, хотя в принципе они не являются полностью взаимоисключающими. Для разрешения конфликта необходимо, во-первых, определить базисную потребность, лежащую в основе конфликта, во-вторых, найти такое решение, которое бы по возможности максимально удовлетворяло потребности всех участников.

На практике большинство соглашений по урегулированию конфликтов выражается в нахождении компромиссного решения («серединного решения»). «Серединное решение» подразумевает достижение согласия внутри переговорного пространства. Для нахождения такого решения итальянским ученым В. Парето в 1904 году был разработан принцип, названный впоследствии его именем. Поясним его на графике:

Степень удовлетворенности интересов стороны А (в процентном отношении) откладывается на оси у, стороны В — по оси х. Точка С составляет нижнюю границу для стороны А (т.е. она не может согласиться на решение, которое удовлетворяет ее интересы меньше величины С), точка Е — нижнюю границу для В. Тогда сектор МРО представляет собой «переговорное пространство». Наилучшие решения могут лежать только на кривой МР, любая точка внутри сектора не является максимально приемлемой. Этот принцип не предполагает единственного решения, а лишь сужает множество альтернатив внутри переговорного пространства.

Обычно выделяются три типа соглашений: о перемирии, об урегулировании конфликта, о разрешении конфликта, которые в каждом конкретном случае теоретически могут являться стадиями достижения полного консенсуса. В то же время можно констатировать, что достижение договоренностей в любом из вышеприведенных вариантов и приостановление открытого вооруженного противостояния никак не свидетельствует о полной деэскалации конфликта и устранении его первопричин. Достижение подобного рода компромиссов воспринимается в первую очередь самими его участниками как окончание наиболее интенсивного периода конфликта, снижение угрозы и враждебности вплоть до нового витка напряженности¹. Причина неконструктивной деэскалации конфликта, как правило, лежит в стремлении участников восстановить существовавший до начала конфликта *status quo*. Особенно характерна эта позиция для государства как стороны в противоборстве, так же как и типичный отказ последнего от признания конфликта этнополитическим и аргументация его неэтнического характера. Для конструктивной деэскалации конфликта необходимы признание исчерпанности преж-

¹ Brecher M., Wilkenfeld J. *The Ethnic Dimension of International Crisis // Wars in the Midst of Peace: The International Politics of Ethnic Conflict.* — Pittsburg, 1997. — P.174.

ней системы отношений и осознание необходимости создания новой. Соглашаясь с мнением В.А. Авксентьева, можно предположить, что конструктивной деэскалации конфликта необходимы как минимум два условия на уровне самосознания сторон: отказ от установки на победу в противоборстве и «публичное оглашение неизбежности налаживания нормальных межгрупповых отношений»¹.

Из вышесказанного следует, что на территории СНГ неконструктивно деэскалированными можно считать как грузино-абхазский и югоосетинский конфликты, так и армяно-азербайджанский и приднестровский конфликты. В то время как открытое вооруженное противостояние прекращено, не устранена ни одна из причин, вызвавших эти конфликты в конце 80-х и начале 90-х годов. Хотя дипломатическая деятельность не приносит в конфликтных зонах ожидаемых результатов, острая полемика между политическими и общественными деятелями продолжается, что свидетельствует о существовании латентного конфликта.

В заключение параграфа необходимо, по нашему мнению, остановиться на одном из наиболее актуальных вопросов в теории и практике как переговорного процесса, так и проведения миротворческих операций — проблеме «независимого и незаинтересованного» посредничества. Так, американский конфликтолог К. Аврух, проанализировав исследования последних лет по проблеме посредничества, приходит к выводу, что идеал независимого посредничества имеет весьма ограниченные рамки и был присущ конфликтологической теории и практике лишь на ранних этапах их становления². Вслед за рядом исследователей К. Аврух отмечает, что сами участники конфликта слабо заинтересованы в нейтральных посредниках.

¹ *Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы.* — Ставрополь, 2001. — С.236.

² *Auruch K. Culture and Conflict Resolution.* — Washington, D.C., 1998. — P. 84

желая видеть в них скорее союзников и рассчитывать на их поддержку¹.

Масштабное вовлечение мирового сообщества в этнические конфликты фактически превращает посреднические технологии в инструмент геополитического влияния, что открыто декларируется идеологами американской конфликтологии Т. Гурром и Б. Харфом в контексте построения «нового мирового порядка»: «потенциальные этнополитические конфликты могут быть урегулированы таким образом, чтобы это устраивало большинство международных участников»². Последнее несомненно, актуально для территории Каспийского региона, где в настоящее время сталкиваются интересы не только прилегающих государств, но и мировых держав.

Таким образом, окончательная цель разрешения конфликта, что следует из реальной международной практики, состоит именно в нахождении решения, отвечающего в первую очередь интересам международных игроков, а не непосредственных участников конфликта. Последнее имеет непосредственное отношение к нахождению решения, приемлемого для сторон в конфликте, — при проведении переговоров речь фактически идет о достижении консенсуса между «расширенным» составом игроков и признании последними необходимости создания новой системы взаимоотношений.

§ 3. Правовые основы разрешения конфликтов и вторжение сверхдержав в «горячие точки»

Само понятие миротворческой деятельности зачастую не получает единого толкования. Связано это в первую очередь с

¹ Auruch K. Culture and Conflict Resolution. - Washington, D.C., 1998.

² Gurr T., Harff B. Ethnic Conflict in World Politics. Boulder, San Francisco, Oxford, 1994. — P. 148.

тем, что в Уставе ООН, на базе которого строится правомочность миротворческих акций, вообще не используется этот термин. С целью упорядочения ситуации в этой сфере в 1995 году Штаб по координации военного сотрудничества государств-участников СНГ провел специальную работу по уточнению терминологии. В соответствии с ней под миротворческой деятельностью понимаются меры «политического, экономического, военного и иного характера, проводимые в соответствии с нормами и принципами международного права, направленные на разрешение международных споров, предотвращение и прекращение вооруженных конфликтов преимущественно мирными способами с целью устранения угрозы международному миру и безопасности»¹.

Устав ООН в гл. VI «Мирное разрешение споров» предлагает четкую схему разрешения международных конфликтов. В ч.1 ст. 33 указывается, что стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иным мирным средствам по своему выбору»². Только в том случае, когда стороны окажутся не в состоянии разрешить свой спор при помощи указанных средств, им вменяется в обязанность передать его в Совет Безопасности ООН (ч.1 ст. 37)³. Следует заметить, что это никак не ущемляет права как Совета Безопасности, так и Генеральной Ассамблеи

¹ Основные меры и понятия коллективной безопасности миротворческой деятельности для государств-участников СНГ // Штаб по координации военного сотрудничества государств-участников СНГ. — М., 1995. — С. 13.

² Устав Организации Объединенных наций и статут Международного суда. — М., 1994. — С.26.

³ Устав Организации Объединенных наций и статут Международного суда. — М., 1994. — С. 28.

ООН в любой момент вмешаться в спор по своей собственной инициативе (ст. 11, 34)¹.

Таким образом, в тех случаях, когда институты ООН не вмешиваются в конфликт, участники сами должны стараться найти компромисс в решении проблемы и только в случае неудачи передавать дело на глобальный уровень регулирования. В то же время в Уставе ООН подчеркивается, что это не препятствует действиям региональных структур «приложить все свои усилия для достижения мирного разрешения местных споров» вплоть до передачи спора в СБ ООН². Кроме того, Совету Безопасности ООН вменялось в обязанность «поощрять развитие применения мирного разрешения местных споров» при помощи таких региональных структур, в том числе инициированного только заинтересованными государствами (ст.52., ч 3).

Это фактически все, что предусмотрено Уставом ООН в качестве принципов разрешения конфликтов. Седьмая же его глава — «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии» — определяет, как должна реагировать ООН в случаях, когда в межгосударственных отношениях происходит четко выраженный акт агрессии одного государства против другого. СБ ООН, определив наличие акта агрессии, вправе применять комплекс мер вплоть до использования военной силы (ст.41 — 42). При этом региональные структуры вправе осуществлять принудительные действия только с согласия СБ ООН (ст.53)³.

Общую схему разрешения конфликтов конкретизируют нормы международного «мягкого права», представляющие собой резолюции международных организаций и конференций. Правда, они в отличие от Устава ООН, межгосударственных соглашений и схожих с ними источников права не наде-

¹ Там же. — С. 14 — 15, 26.

² Там же. — С. 35 — 36.

³ Там же. — С. 36—37.

лены априори юридической силой, но фактически обладают ею в силу авторитета этих организаций и морально-политических обязательств. Наибольшее значение из таких норм имеют документы СБСЕ/ОБСЕ.

Решения СБСЕ/ОБСЕ вводят в международно-правовую практику ряд новых и весьма важных нюансов. Так, в принятом 15 января 1989 года итоговом документе Венской встречи представителей государств-участников СБСЕ отмечается, что в случае, если спор не может быть урегулирован другими мирными средствами, привлечение третьей стороны обязательно (п. 6)¹. В 1991 году на совещании экспертов по мирному урегулированию споров в Ла-Валетте этот принцип был проработан во многих деталях².

Следует заметить, что Доктрина миротворческих операций НАТО 1994 года предусматривает в качестве основного их условия согласие одной из сторон (а именно принимающей стороны) на проведение операций по поддержанию мира (ОПМ), согласие же оппозиции не считается столь определяющим (§ 9, 14)³.

Более точно соответствуют целям и задачам миротворческой деятельности принципы, декларируемые в документах стран-участниц Договора о коллективной безопасности стран СНГ. Так, в Соглашении о Группе военных наблюдателей и Коллективных силах по поддержанию мира в СНГ закреплено, что решение о направлении группы по поддержанию мира принимается только тогда, когда об этом поступила просьба

¹ Итоговый Документ Венской встречи 1986 г. представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. 15.1.1989. // Действующее Международное право (сборник документов). — М., 1996. Т.1. — С. 85.

² Принципы урегулирования споров и положения процедуры СБСЕ по мирному урегулированию споров. Ла-Валетта, 8.2.1991.// Действующее Международное право (сборник документов). — М., 1996. — Т.1. — С. 825-829.

³ NATO Doctrine for Peace Support Operations. — N.-Y., 1994.-P. 6,8.

со стороны всех непосредственных участников конфликта (ст. 2)¹.

Значительная часть миротворческих операций была организована по решению Совета Безопасности ООН. Первым актом международного посредничества ООН было учреждение в декабре 1946 года следственной комиссии по противоречиям между Грецией и Великобританией. Первая же отправка в район конфликта вооруженных сил ООН (по большей части состоящих из войск США) произошла в 1950 — 1953 годах во время войны в Корее. Примечательно то, что уже в этой первой операции деятельность ооновцев зачастую выходила за рамки предписаний ООН. По оценке экспертов, «военные действия на деле были вне контроля ООН, а наиболее важные решения принимались США»². Эта тенденция продолжается и по сей день: военные действия против Ирака показали, что администрация Буша выходила далеко за рамки полномочий, которые были определены Советом Безопасности ООН.

Еще больший правовой нигилизм демонстрируют действия стран НАТО при «урегулировании» конфликта в Косове. Основываясь на резолюции, принятой XXIX сессией Генеральной Ассамблеи ООН, вооруженное вторжение сил Североатлантического альянса на территорию суверенной Югославии вполне обоснованно можно квалифицировать как акт агрессии, то есть как применение вооруженной силы государством (группой государств) против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства (ст.1)³. При этом никакие соображения любого характера — политического, экономического, военно-

¹ Соглашение о Группе военных наблюдателей и Коллективных силах по поддержанию мира в Содружестве Независимых Государств от 20.03.1992. // Действующее международное право. — М., 1997. — С. 273.

² Maciver R. The Nations and the United Nations. — N.-Y., 1959. — P. 89.

³ Определение агрессии. Резолюция XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1974. // Действующее международное право (сборник документов). — М., 1996. — Т.2. — С. 200.

го или иного, не могут служить оправданием агрессии (ч.1, ст.5)¹. Но «*Silent leges inter arma*» — среди шума оружия молчат законы.

Решение конфликта в Косове было возможно и по другому сценарию, который бы не привел ни к ужесточению действий сербов в отношении косовских албанцев (что и произошло после начала бомбардировок), ни к самим бомбардировкам. Доказательством возможности разворачивания событий в ином ключе служит согласие самого Слободана Милошевича на ввод миротворческой миссии ООН на территорию Косова², то есть решение внутренней проблемы Югославии путем введения миссии ООН в соответствии с международным правом, а не правом «сверхдержавы» на вторжение и отстаивание своих интересов по всему миру. Однако, по-видимому, этот вариант развития событий не устраивал ни НАТО, ни США.

Правовые и «идеологические» противоречия, возникающие между странами-членами Совета Безопасности ООН и Соединенными Штатами (а также странами, входящими в зону влияния и поддерживающими американскую внешнюю политику при выработке решений и голосовании), — трудно разрешимы. И, по-видимому, конфликт интересов объясняется не только нахождением рычагов управления в руках той или иной части американской правящей элиты, а скорее в объективных предпосылках для военно-политического доминирования США. Рост амбиций, подогреваемый экономическим «фундаментализмом» приводит к тому, что американские эксперты решились озвучить мысль: если ООН запрещает США осуществлять превентивные меры в отношении государств, представляющих угрозу национальной безопасности, то США придется выйти из ООН или Организации придется измениться³. Таким образом, фактически предлагается два варианта:

¹ Там же. С. 201.

² Interview, // *New York Times*. — 01.05.1999.

³ *Perle R, Frum D. U.N. should change — or U.S. should quit* // *Los Angeles Times*. — 23.01.2004.

США выходит из ООН, играет по собственным правилам и становится «выше» *de facto* или международное право мимикрирует в соответствии с изменившимся балансом сил в мире и *de jure* закрепляет право США на гегемонию.

Стремление США к защите прав и свобод угнетаемых конфессиональных или этнических меньшинств является, по сути, только идеологемой для давления на мировое сообщество в первую очередь в лице западноевропейских государств и общественного мнения в зоне экономического и культурного влияния Соединенных Штатов¹. В действительности многочисленные нарушения прав человека и даже «этнические чистки» не вызывают негодования, а наоборот, опосредованную поддержку США — в том случае, если они отвечают их собственным политическим или экономическим интересам. Эту тенденцию возможно проследить по отношению американской дипломатии к проблеме курдов в Турции, где официальный Стамбул при финансовой и военной поддержке администрации Клинтона проводил крупномасштабные операции против курдских сепаратистов, уничтожая при этом мирное население. Немаловажную роль сыграл Вашингтон и в вопросе притеснения идеологов курдского освободительного движения (Абдулла Оджалан, Акин Бирдал), тем самым поддерживая Турцию как своего союзника по НАТО, как военную и идеологическую опору на Ближнем Востоке.

Аналогичным примером является отношение главного союзника США по экспансионистской политике — Великобритании — к резне в Восточном Тиморе. Так, на поддержку борьбы властей Индонезии с тиморцами-сепаратистами Великобритания поставляла в массовых масштабах стрелковое оружие, бомбы, пулеметы, бронетанковые машины, самолеты².

¹ Определить зону влияния США крайне сложно в современных условиях доминирования Соединенных Штатов и процессов глобализации в мире. Не вызывает сомнения, что американская массовая культура является крайне популярной во всех уголках земного шара, где распространены современные средства связи.

² Хомский Н. Новый военный гуманизм. — М., 2002. — С. 79.

Фактически события в Югославии стали переломным моментом в «соответствии» действий НАТО и США основам международного права, хотя основной качественный скачок в агрессивных действиях западных стран во главе с США и Великобританией произошел после событий 11 сентября 2001 г. Террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне были максимально использованы военной машиной США как индульгенция к «отстаиванию собственных интересов» в любой части света. При этом основными преподносимыми идеологическими задачами стали борьба с терроризмом и противодействие созданию и распространению оружия массового поражения как средства возможного террора. По словам министра обороны США Дональда Рамсфельда, США ведет «как глобальную войну против террора, так и войну идей; и эти идеи важны, их необходимо продвигать, они должны быть убедительными для тех, на кого они направлены. А мы зачастую бываем не очень убедительны. Подавляющее большинство людей во всех регионах не верят в терроризм. Они не верят в убийства невинных мужчин, женщин и детей¹». Желая того, или нет, американский ньюсмейкер раскрывает PR-сущность идеи борьбы с терроризмом. Таким образом, основной целью стало убеждение людей во всем мире, что терроризм существует, и вследствие этого факта любые агрессивные действия становятся оправданными аргіогі. Несомненно, только в том случае, если силу применяет «борец за мир» — Соединенные Штаты.

Вызывает исследовательский интерес и тот факт, что борьбу с угрозой терроризма или экстремизма необходимо оправдывать реальными достижениями, которые можно продемонстрировать гражданам страны и которые в какой-то мере могут смягчить антивоенные настроения. Особенно актуальной для политической элиты эта задача становится в предвыборный период. Сценарий побед, которые преподно-

¹ \Rumsfeld pushes «new sense of urgency» \ The Washington Times, — 24.10.2003.

сятся общественности, идентичны как в США, так и в России. Если в период кампании Б. Ельцина в 1996 году был ликвидирован лидер чеченских сепаратистов Джохар Дудаев, то декабре 2003-го в период, предшествующий переизбранию Джорджа Буша-младшего, успешно проведена операция по поимке врага США Саддама Хусейна. Можно предположить, что до выборов в Соединенных Штатах (ноябрь 2004 года) мы станем и свидетелями «жесткой борьбы с терроризмом и экстремизмом по всему миру», и увидим в средствах масс-медиа «реальные результаты», необходимые для повышения рейтинга действующего президента США. Более того, события 11 сентября 2001 года в свете предвыборной кампании Дж. Буша-младшего трактуются в абсурдном ключе: «В эти годы на нашу долю выпало большое количество испытаний. С некоторыми из них нам доводилось иметь дело, а через некоторые мы прошли впервые. Однако Америка вышла из них с честью. Президент Буш надежный лидер во время перемен»¹.

Однако текущие события являются лишь эпизодом в контексте общей политики доминирования Соединенных Штатов в мире, осуществляемой ради защиты прав и свобод. При этом агрессивные тенденции внешнеполитического курса США продолжают усиливаться и закрепляться, что следует из выступления президента Дж. Буша в сенате 20 января 2004 года: «Мы не поддадимся иллюзиям, что террористы и противоправные режимы больше не угрожают нашей безопасности»². По-видимому, поиск новых объектов «вне закона» как повода для усиления военной и политико-экономической мощи в том или ином регионе мира будет продолжаться. Как отмечает Н. Хомски, в идеологии внешнеполитического курса США, распространяемого через СМИ, постоянно присутствует образ врагов, будь то террористы, наркокартели или «сумасшедшие

¹ <http://lenta.ru/vybory/2004/03/04/start/>

² State of Union Address/<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2004/01/>

арабы и Саддам Хусейн — новый Гитлер, собирающийся завоевать мир»¹. В том же духе высказывается и международный финансист Дж. Сорос, указывая на создание врага после 11 сентября 2001 года и использование его для нагнетания в обществе обстановки страха, необходимого для оправдания «борьбы с терроризмом во всем мире»². Подобное нагнетание страха в американском обществе (и транслируемое за его пределы), а также ограничение свобод очень близко к тому определению авторитаризма, которое в 1992 году высказал футуролог Ф. Фукуяма: «Авторитарные режимы, как правые, так и левые, используют власть государства для проникновения в частную жизнь и с различными целями — укрепление военной силы, строительство эгалитарного общества или осуществление резкого экономического роста. То, что теряется на уровне личной свободы, должно быть обретено на уровне национальных идей»³.

Расширение военно-политического влияния приводит к тому, что уже сами американские аналитики отмечают, что 702 военные базы в 130 странах мира с военным контингентом в 253 288 человек приводят в конечном счете к росту экстремизма и терроризма в отношении США, что обусловлено вторжением и разрушением местных сообществ, при этом не только в военно-политическом и экономическом плане, но и в культурном⁴. Более того, общемировой рост терроризма и увеличение числа террористических организаций, агрессивно настроенных против США, «вынуждают» даже апологета американского могущества З. Бжезинского высказываться в том духе, что борьбу с терроризмом нужно переводить из си-

¹ *Chomsky N. Media Control. The Spectacular Achievements of Propaganda.* — N.-Y. 2002. — P. 44.

² *Soros G.// Liberation, 26.03.2004. // Пер. : <http://www.inosmi.ru>*

³ *Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек.* — М., 2004. — С. 47.

⁴ *Johnson Ch. Bases for an Empire//Los Angeles Times.* — 18.01.2004.

лового русла в политическое: разрешать ключевые проблемы, вызывающие терроризм¹.

Мы также можем отметить, что при аргументации в пользу фактической агрессии в отношении независимых государств и правящих режимов делается упор не на воинственной риторике, а на использовании архетипа мира — защита страны и работа на мирное будущее. Очевидна как аналогия со средневековым понятием «справедливой войны», «борьбы за стабильный порядок» (*tranquillitas ordinis*)², так и печальная преюмственность в управлении общественным мнением. Эту же схему воспринимает и российская официальная власть при построении идеологических конструкций в контексте «общей» с США борьбы с терроризмом и распространением ОМП: «Наша стратегическая цель — построение безопасного демократического миропорядка» (из речи министра иностранных дел И. Иванова в ходе встречи с госсекретарем США К. Пауэллом)³.

Использование идеологемы «угроза терроризма» для оправдания или объяснения тех или иных действий производится порой в совершенно абсурдном военно-политическом контексте. Так, для снижения настороженности со стороны западных государств при проведении стратегической командно-штабной тренировки «Безопасность-2004» (крупнейшей с 1982 года), российский военный истеблешмент заранее проинформировал США и обосновал необходимость проведения стратегической игры с отработкой взаимодействия всей российской «ядерной триады» — подготовкой России к «защите на случай угрозы со стороны террористов»⁴ ...

¹ Brzezinski Z. National insecurity is the new reality//Newsweek. — 02.04.2004.

² Контамин Ф. Война в средние века. — СПб., 2001. — С.282.

³ Страна.ру, 26.01.2004//<http://www.strana.ru>

⁴ Die Welt, 17.02.2004.

§ 4. Политика толерантности

Зачем во всем чуждаться иноземцев,
Есть и у них здоровое зерно.
Французы не компания для немцев,
Но можно пить французское вино.

И.В. Гете, «Фауст»

Существование широко распространенной межнациональной напряженности и несовершенство технологий управления конфликтом приводят к осознанию того, что наиболее оптимальным вариантом в формировании этнополитической стабильности на территории России и СНГ является осуществление политики толерантности в отношении представителей этносов, религиозных конфессий, социальных групп на уровне государственной политики.

Вопрос о снижении конфронтационных тенденций в межконфессиональных и межнациональных взаимоотношениях и сопутствующая ему проблема в выстраивании толерантной политики, направленной прежде всего на сохранение status quo на всей государственной территории, появились еще в античности и стояли наиболее остро в государствах-империях, где к совместному проживанию различных по культуре народов «сверху» добавлялись новые «ценности» (империя Александра Македонского и диадохов).

Так, Антиох IV Эпифан из династии Селевкидов, являясь приверженцем «эллинистической» традиции и проводивший ее в жизнь на всей территории государства (при этом на территории Иудеи религиозные реформы носили антисемитский характер — запрещались иудейские обряды и насаждались языческие), посвятил иудейский храм Зевсу Олимпийскому, что в значительной мере способствовало восстанию иудеев под предводительством Иуды Маккавея¹.

¹ *Флавий И.* Иудейская война. — Минск., 1991. — С.36 — 37.

В Римской империи власти наиболее терпимо относились ко всем религиям, более того, проводилась гибкая и адресная пропаганда в отношении не только конфессиональных и социальных групп, но и населения и личного состава легионов, располагавшихся в провинциях на всей территории Ойкумены. При этом в качестве средства пропаганды на протяжении нескольких столетий оптимально использовался пропагандистский ресурс визуальных изображений и надписей на монетах. Последние чеканились в различных вариациях в один и тот же временной период в различных частях империи исходя из пропагандистских задач, стоящих перед центральной властью¹. Исключение из данной политики существовало для представителей христианства по той причине, что последние отвергали претензии на исключительность императорского культа, а распространение христианства не ограничивалось национальными рамками.

Уже став государственной религией, христианство не проявляло толерантности к инакомыслящим — язычникам и еретикам. Более того, по мнению французского философа Э. Чорана, нетерпимость была жизненным стержнем христианства (в то время как главным оружием язычников было презрение); в последние же века эта конфессия парализована чрезмерной широтой взглядов и инакомыслящими в целях смещения с главенствующих позиций².

Экстраполируя данную мысль на процессы, сопутствующие развитию и распространению ислама, а точнее его наиболее радикальных форм, можно прийти к выводу о основополагающей движущей силе нетерпимости в распространении того или иного учения (не менее ярким примером является процесс занятия доминирующих позиций со стороны коммунистической или национал-социалистической идеологии). Пожалуй,

¹ См.: *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. — М., 1995.

² *Чоран Э.* После конца истории. — СПб., 2002. — С. 37, 51.

единственным исключением является распространение учения буддизма, которое за всю свою историю никогда не прибегало к насильственным действиям. Вместе с тем терпимость по отношению к другим конфессиям не ослабляет влияние буддизма, а наоборот, по мнению Х.Л. Борхеса, является его сущностью и залогом успешного распространения в мире¹.

Таким образом, стратегия толерантности должна быть направлена на смягчение непримиримости со стороны религиозных и идеологизированных групп, целью которых является расширение зоны влияния экстремистскими методами.

В области государственного управления политика толерантности разделялась и разделяется, по существу, на уровне принятия решений на два крупных направления: снижение конфликтности в межгрупповых отношениях и осуществление политики толерантности как таковой по отношению ко всем группам.

В России на современном этапе насущная необходимость общенационального примирения в процессе формирования гражданского общества требует принятия своевременных и адекватных политическим и социальным условиям мер по стабилизации этнополитической и меконфессиональной ситуации в стране.

Становление и эффективное функционирование гражданских институтов видится прежде всего на пути усовершенствования правовой базы, а также развития и поддержки гражданской инициативы в рамках функционирования органов местного самоуправления, вузов и негосударственных институтов, в непосредственном участии вышеназванных структур в распространении толерантных установок и образцов «миролюбивого» сознания и поведения.

Можно констатировать, что имеется достаточно обширная международно-правовая база в области защиты прав человека

¹ Борхес Х.Л. Буддизм // Исследования / Избр. соч. в 2 т. — СПб., 2001. — Т.2. — С. 319.

и свобод гражданина, которая находит свое отражение в выработке и закреплении гуманитарных стандартов на международном и региональном уровнях (например, стандартов, принятых в рамках общеевропейского процесса). Международные процедуры, в той или степени представляющие собой процесс правоприменения существующих стандартов, можно разделить на три основные группы:

- рассмотрение докладов государств о выполнении ими обязательств, а также претензий по поводу нарушения обязательств в данной области;
- рассмотрение жалоб отдельных лиц, групп или организаций на нарушения их прав со стороны государств;
- расследование ситуаций, связанных с предполагаемыми или установленными фактами нарушений прав человека.

Однако юридическая природа принимаемых по окончании рассмотрения правоприменительных решений носит обычно рекомендательный характер, выражая лишь мнение соответствующего органа. Реже они являются обязательными для заинтересованных сторон (решения Европейского суда по правам человека).

Таким образом, очевидна необходимость совершенствования и рационализации международных контрольных механизмов и процедур, а также создание эффективной системы международно-правовых санкций.

В Российской Федерации (на начало 2001 г.) существует система взаимосвязанных правовых норм, наглядно отражающая современное отношение законодателя к проблеме межэтнической и межрелигиозной нетерпимости. Выражается она прежде всего в декларировании принципов защиты прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ и действующих в развитие этих норм уголовного и административного права.

Существующая система выглядит следующим образом.

1. В развитие ст. 19 Конституции РФ, декларирующей равенство граждан независимо от конфессиональной, национальной, языковой или иной принадлежности действует охранительная норма ст. 136 УК РФ («Нарушение равноправия граждан»).

2. В развитие ст. 28 Конституции РФ, провозглашающей свободу вероисповедания, действуют ст.193 КоАП РСФСР («Нарушение законодательства о свободе совести и вероисповедания») и ст. 148 УК РФ («Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий».)

В развитие п. 2 ст. 29 Конституции РФ действует ст. 282 УК РФ («Возбуждение национальной расовой или религиозной вражды».)¹

В развитие ст. I Конвенции о предупреждении геноцида и наказания за него от 19 декабря 1948 г. (ратифицировано Президиумом ВС СССР 18 марта 1954 г.) действует ст. 357 УК РФ («Геноцид»).

Однако следует учитывать, что конституционные гарантии прав и свобод, продекларированные в ст.ст. 19, 29, могут быть ограничены в условиях введения чрезвычайного положения, что следует из расширительного толкования п.3 ст. 56². Можно констатировать, что данный пункт противоречит международным правовым нормам, которые закрепляют недопустимость отступления в случае введения чрезвычайного

¹ В связи с появлением понятия «антидиффамационная политика» (от лат. *diffamo* — порочить, диффамация — распространение о ком-либо порочащих сведений) можно отметить, что возбуждение уголовных дел по ст. 129 УК РФ (клевета), ст. 130 УК РФ (оскорбление) по фактам распространения заведомо ложных сведений или унижения чести и достоинства отдельной национальной или религиозной группы не представляется возможным. Правоприменение данных статей УК РФ возможно только по фактам клеветы или оскорбления конкретного лица, т.к только конкретное лицо обладает честью и достоинством и является объектом данного преступления.

² Перечисленные статьи в ряде прочих не входят в список статей Конституции РФ, действие которых не может быть ограничено в случае введения чрезвычайного положения.

положения от стандартов, запрещающих дискриминацию на основании расы, национальности, языка, религии (п.1 ст.4 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.).

Законодательно зафиксированное нарушение прав и свобод граждан наблюдается также на уровне законов субъектов федерации. Так, согласно Конституции Республики Бурятия (п. 4 ст. 60), одностороннее изменение ее государственно-правового статуса и территории может произойти в случае, если при проведении референдума за «изменение» проголосует более половины граждан бурятской национальности, имеющих право голоса¹. Из сказанного следует, что мнение граждан не бурятской национальности, составляющих подавляющее большинство населения республики, вообще не учитывается.

Таким образом, совершенно очевидна необходимость разработки предложений по внесению изменений в конституционное и уголовное право РФ с целью повышения эффективности прямого действия Конституции РФ и уголовного законодательства в области защиты прав человека и гражданина².

Наряду с этим рассмотрение внесения возможных изменений в семейное и трудовое право с целью подробной законодательной фиксации прав человека в этих областях стоит в ряду первоочередных задач.

Несомненно, что соблюдение законодательно закрепленных прав человека является только одной из правовых проблем на пути движения к толерантному обществу и проведе-

¹ Следует отметить, данное положение совершенно противоположно принципам федеральной Конституции, относящей вопросы государственного устройства к исключительной компетенции федерации (п.1 ст.66, п. «б» ст.71).

² В связи с происходящими на территории России боевыми действиями на Северном Кавказе и появлением лиц, близких по своему правовому положению к военнопленным, возможна разработка и внесение дополнения в Устав ВС РФ в соответствии с ратифицированными РФ международно-правовыми нормами.

ния антидиффамационной политики. Основная проблема состоит не в недостаточности контролирующих или запрещающих нарушение гуманитарных стандартов норм, а в отсутствии правового поля для достижения согласия.

Правовая норма по своей природе носит зачастую декларативный характер, выражающийся в признании законодателем норм толерантного поведения в обществе как необходимых.

В связи с этим наряду с координированной национальной, социально-культурной, образовательной политикой, а также регулируемыми мерами в сфере средств массовой информации, направленными на создание рефлексивного гражданского общества и снижение агрессивного типа поведения возможны следующие правовые меры.

1. Создание обоснованной концепции дальнейшего развития федеративных отношений, направленной на:

- обеспечение реальных условий для активного участия субъектов в законотворческой деятельности на федеральном уровне, а также законодательного регулирования договорного процесса разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и субъектов РФ;
- снижение разрыва в правовом и социально-экономическом положении регионов России;
- создание необходимой правовой базы для эффективного функционирования органов местного самоуправления как базового элемента гражданского общества.

2. Законотворческое совершенствование понятийного аппарата на уровне уголовно-правовых норм с целью повышения эффективности раскрытия и дальнейшего судебного расследования по фактам, предусмотренным уголовно-наказуемым составом, ст.ст. 136, 148, 282 УК РФ.

3. Разработка концепции механизма превентивного разрешения конфликтов на национальной или религиозной почве и создание правовой базы для функционирования гражданских

институтов (органов местного самоуправления, негосударственных организаций, СМИ и т.п.) в процессе общенационального примирения, в том числе при переговорном процессе в условиях происходящего конфликта.

4. Введение комплекса правовых норм, закрепляющих принципы и повседневную практику толерантности на уровне не только базовых государственных нормативных актов, но и специализированных законов в области социальной политики: образование, институт семьи и защита прав детей, защита прав беженцев и вынужденных переселенцев. Закрепить данные нормы необходимо как в федеральном законодательстве, но и в подзаконных актах и законодательстве субъектов федерации, где возможно детальное раскрытие и усовершенствование механизмов реализации.

Конечная цель правовой политики, включающей в себя законодательную и правоприменительную составляющую, заключается в создании динамичного и рефлексивного «правового поля толерантности», то есть комплекса действующих в различных областях права норм, несущих на себе не только регулятивную и охранительную по отношению к изменяющимся общественным отношениям функцию, но и выполняющую пропагандистскую задачу по распространению идей и принципов толерантного поведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Вот и все, — сказал Воланд и повернул глобус, — Абадонна только сегодня отсюда. По традиции он лично сам несет службу при мне во время весеннего бала, а поэтому и приехал. Но завтра же он опять будет там. Он любит быть там, где война.

— Не желала бы я быть на той стороне, против которой он, — сказала Маргарита, догадываясь об обязанностях Абадонны на войне. — На чьей он стороне?

—...Он удивительно беспристрастен и равно сочувствует обеим сражающимся сторонам. Вследствие этого и результат для обеих сторон бывает одинаков».

*М. Булгаков,
«Мастер и Маргарита», главы из второй
полной рукописной редакции 1937—1938 гг.¹*

«Оглянитесь на прошедшее: сколько переворотов пережили уже государства! Можно предвидеть и будущее. Ведь оно будет совершенно в том же роде и не выйдет из ритма происходящего ныне».

Марк Аврелий, «Наедине с собой»²

В проведенном исследовании был привлечен и интегрирован в общий аналитический аппарат ряд подходов, отвечающих принципам системности. Это позволило сначала поставить проблему, а затем и решить ее как межсекторальную проблему современной политической истории.

События новейшей истории, выстроенные в соответствии с примененным нами междисциплинарным анализом, позволили выявить ряд черт в динамике развития этнополитических

¹ Булгаков М.А. Великий канцлер. Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». — М., 1992. — С. 373 — 374.

² Аврелий М. Наедине с собой. — М., 2000. — С. 137.

конфликтов на территории СНГ и генезисе выработки политики в отношении их урегулирования.

Национальность, этничность, культурно-религиозная принадлежность являются базовыми элементами самоидентификации индивидуумов и групп и тем самым представляют собой выражение жизненно важных принципов социального существования. Акцентирование национального вопроса со стороны элиты обусловлено мотивацией на использование и манипулирование данной сферой отношений в интересах элиты. Потенциал этнической энергетики может быть использован как для мобилизации населения для осуществления тех или иных гражданских задач, так и для насильственно окрашенного сохранения или разрушения государственного строя в стране. Следовательно, вышеозначенные элементы самоидентификации являются одними из наиболее оптимальных средств осуществления политического действия, особенно в историческом контексте развития восточной части Евразии.

К началу перестройки имелись явные причины для появления межэтнических противоречий. Одним из основных противоречий советской национальной политики, проводимой в условиях жесткой социально-политической системы, являлось то, что теоретически она исходила из идеи нациостроительства и национально-территориального устройства, но на практике не смогла осуществлять этот принцип. Главным отрицательным следствием такой политики были не только сами национальные границы и утверждение в республиках сепаратистски ориентированных этнических элит, но существенные противоречия между пропагандой интернационализма и фактическим наращиванием национализма. Активизация национализма в годы перестройки была успешно использована этническими антрепренерами (национальными лидерами) в корыстных политических целях, что вылилось в сепаратистские движения по отношению к союзному центру. Дезинтеграция и последовавшее за ней образование новых независимых государств стали одним из факторов, приведших к

территориальному переделу. Одновременно с этим рост национализма в республиках вызывал противодействие и со стороны национальных меньшинств и—как следствие—желание самоопределения.

Конфликтогенная этнополитическая ситуация на территории СНГ характеризуется рядом этнополитических факторов. Многонациональный состав населения территории бывшего СССР, чересполосица проживания этносов и сильные конфессиональные и культурные различия между ними обуславливают как значительное число противоречий по линии этнической общности, так и моментальное вовлечение в конфликт новых участников. Кроме того, стремление к созданию моноэтнических государств наталкивается на сопротивление со стороны национальных меньшинств, желающих обрести собственную автономию. Абсолютно противоположные претензии сторон характеризуют эти конфликты как близкие к нулевой сумме.

Одним из определяющих негативных факторов, воздействующих на эффективность миротворческой деятельности, является существование прямой взаимосвязи между миротворческим процессом как таковым и геополитическими интересами региональных и мировых государств-лидеров. Вопрос о постконфликтных перспективах развития зоны этнополитического противостояния, будущем доминировании в политической, экономической и идеологической/конфессиональной сферах отодвигает на второй план проблему окончательной дэскалации конфликта. По существу, конфликт выходит за рамки межэтнического противостояния, преобразуясь в многостороннее столкновение потребностей «третьих лиц». Данный феномен во многом объясняет существующую высокую конфликтогенность и опасность новых вооруженных противостояний на территориях, где конфликты прошли открытые фазы и находятся в латентном состоянии.

Становление миротворческой деятельности России в зонах этнополитических конфликтов было обусловлено рядом знаковых событий и особенностей исторического процесса. По-

следнее позволяет выстроить хронологию развития стратегии РФ в сфере установления стабильности в СНГ и выделить этапность данного генезиса.

На первом из этапов (1991 — 1993гг.) происходило вовлечение РФ в конфликты *de facto* в силу стечения ряда обстоятельств, основными из которых явились: бездействие российской политической элиты и — как следствие — необходимость принятия решений военным руководством на местах, а также дислокация вооруженных сил СССР/России непосредственно в зонах этнополитической напряженности к началу развертывания открытых конфликтов. Немаловажную роль в формировании позиции России на данном этапе сыграло и отсутствие жесткой системы взглядов по отношению к сепаратизму. Кроме того, фактически на начальном этапе проведения РФ действий по прекращению вооруженного противостояния в конфликтных зонах не учитывались ни нормы международного права, ни опыт мировой теории и практики по предупреждению, управлению и разрешению этнополитических конфликтов.

Характерными чертами второго этапа (1994 — 1999) были: осознание российским руководством необходимости формулирования четких целей в зонах конфликтов, пересмотр позиции в отношении сепаратистских тенденций (во многом обусловленный чеченским фактором) и повышение мотивации на проведение миротворческих операций в соответствии с международными правовыми нормами.

Наконец, третий, последний этап (с 2000 года по настоящее время) непосредственно связан с попыткой формулирования Россией собственных задач и жизненных интересов как на территории СНГ, так и на международной арене. На передний план российской политики в области миротворческой деятельности выходят принципы противодействия сепаратизму, борьбы с экстремистскими тенденциями и обеспечение региональной безопасности.

За прошедшее десятилетие участия России в миротворческих операциях накоплен обширный опыт. По существу, мож-

но говорить об операциях на территории СНГ как о самостоятельной ветви общемировой миротворческой практики. В рамках СНГ разработаны и приняты на уровне Совета глав государств ключевые документы по политическим, правовым и практическим аспектам подготовки и проведения многонациональных коллективных миротворческих операций, соответствующие в целом требованиям международного права. Российский опыт демонстрирует, что в случае урегулирования этнополитических конфликтов не рекомендуется применять регулярные воинские формирования, отвечающие задачам борьбы с внешним противником. Наиболее целесообразно применение метода разъединения противоборствующих сторон и недопущение применения оружия. При этом наибольшая эффективность достигается при привлечении силовых структур противостоящих сторон для поддержания правопорядка на территориях проживания этносов. Немаловажное значение имело также ограждение местного населения от деятельности незаконных вооруженных формирований и поддержание социально-экономической инфраструктуры в кризисном регионе.

Можно констатировать следующие негативные факторы, влияющие на результативность миротворческой деятельности РФ на территории СНГ:

- существование пробелов в правовой базе военных операций ВС России на территории других государств, а также нарушение норм международного права и—как следствие—негативное отношение иностранных государств и международных организаций к их проведению;
- несоблюдение правил «равноудаленности» в случае поддержки миротворческими контингентами позиций одной из сторон конфликта на некоторых отдельных этапах операций;
- разрыв между политической и военной стороной операции; вынужденное принятие на себя военными отдельных военно-дипломатических задач;

- отсутствие современных технологий переговорного процесса;
- влияние общественного мнения, подогреваемого военными действиями в Чечне, на переход от дипломатии к силовым решениям в зонах конфликтов.

Практически все этнополитические конфликты на территории СНГ, прошедшие открытые фазы, находятся в настоящий момент на стадии латентных конфликтов. Признавая результативность российских миротворческих контингентов в деле прекращения вооруженных противостояний, следует признать, что цели окончательной конструктивной дезэскалации конфликтов не достигнуты: действия по урегулированию конфликта фактически заканчиваются на стадии прекращения вооруженного противостояния. Отсутствие результативных шагов как по предотвращению, так и разрешению конфликтов является непреодолимым барьером на пути установления стабильности в СНГ.

Неизбежность вовлеченности России в этнополитические конфликты в ближайшем будущем обуславливает необходимость принятия следующих мер:

- развитие научно-практической конфликтологии и совершенствование конфликтологического менеджмента, уровень которых в настоящий момент значительно ниже требуемого и зачастую сводится к некритическому копированию западного опыта миротворческой деятельности;
- приведение правовой базы миротворческих операций в соответствие с международным правом с учетом специфики ситуации в СНГ;
- повышение координации миротворческих операций на территории СНГ, прежде всего за счет создания единой централизованной системы выработки, принятия и реализации решений по конфликтным ситуациям, увеличение роли Совета Безопасности и устранение множественности

центров принятия решений; расширение сотрудничества РФ с международными организациями; повышение роли пограничных сил РФ.

- расширение комплекса мер по профилактике этнической напряженности, в том числе формирование структур гражданского общества на основе политики толерантности.

На настоящий момент подавляющее большинство конфликтов прошли открытую вооруженную стадию. Наиболее болезненной точкой на постсоветском пространстве остается Чечня. На тот момент, когда эта рукопись уже находилась в издательстве, имел место ряд событий, которые безусловно оказали и, можно предположить, окажут и в дальнейшем серьезное влияние как на политику России в Чечне и на Кавказе в целом, так и на социально-политическую обстановку на территории России. Серия терактов в конце августа — начале сентября 2004 года стала для России «аналогом» 11 сентября для США: взрыв у станции метро в Москве, аварии в результате взрывов двух самолетов, выполнявших внутренние рейсы на территории России, и наиболее шокирующее и масштабное по числу жертв, большинство из которых были дети, — захват школы в североосетинском Беслане. Одной из основных целей последнего теракта, по-видимому, был удар по имиджу российской власти и демонстрация собственных военно-диверсионных возможностей. Однако помимо этого террористы пытались расширить число участников конфликта, вовлекая в него новых этнических участников — непосредственно жителей Северной Осетии и опосредованно ингушей, как сторону, на которую может быть направлена месть осетин¹.

Все вышеперечисленные теракты еще до окончания следственных мероприятий были объявлены Президентом РФ

¹ The New York Times, 11.10.04.

звеньями одной цепи в войне международного терроризма против России. Более того, было заявлено, что теракты не имеют никакого отношения к политике России на Северном Кавказе¹...

Данная серия терактов послужила поводом для кардинальных решений в области внутренней политики по линии выстраивания «властной вертикали». Легитимизация политических решений в глазах общества была осуществлена через актуализацию предполагаемых реформ как мер по борьбе с терроризмом и обеспечением национальной безопасности. Наиболее значимыми решениями стали: внесение в Государственную Думу законопроектов о назначении глав субъектов федерации Президентом РФ после согласования с региональным ЗС (вместо выборного процесса); внесение законопроекта о формировании нижней палаты парламента только по пропорциональной системе (отмена выборов по одномандатным округам); планирование законопроектов о назначении мэров крупных городов страны (вместо выборного процесса). Вместе с тем продолжается процесс укрупнения субъектов федерации.

В области национальной и региональной политики последние политические решения могут привести к изменению устройства страны на формальный федерализм (конституционный аналог СССР). Фактически же назначение глав регионов, снижение самостоятельности в управлении субъектами федерации ведут к проунитарному государству. В условиях многонациональной страны и в контексте существования открытых этнополитических конфликтов (Чечня), зон с латентными конфронтациями (Северная Осетия — Ингушетия), сильно выраженным национализмом (Татарстан) результатом предстоящих реформ государственного устройства может стать этно-социальный взрыв на Северном Кавказе. Поводом

¹ Независимая газета, 08.09.2004; Candid Putin offers praise and blame// The Guardian, 08.09.2004.

для конфликта между центром и национальными республиками могут стать следующие негативные последствия реформ:

- вытеснение национальных и региональных организаций из институционализованного политического пространства (участие в выборах главы региона, доступ к СМИ и возможность пропаганды альтернативной политической платформы в ходе избирательного процесса) и естественный выход на «улицу», со всеми вытекающими отсюда экстремистскими методами «уличной» политической борьбы;
- активное саботирование решений центра, проводимое в жизнь назначенным лидером;
- подъем сепаратистских тенденций как в ситуации жестких или непопулярных политических решений центра, так и в случае резкого ухудшения общей социально-экономической ситуации в стране (например, как следствие падения мировых цен на нефть).

Продолжение же политики укрупнения регионов в республиках Северного Кавказа неминуемо приведет к столкновению интересов этнических групп еще на стадии обсуждения проекта объединения.

Особое внимание обращают на себя и озвученные решения в военно-экономической и военно-политической области. Так, принятая правительством отмена запрета на приватизацию стратегических предприятий первоначально приведет к крупномасштабным негосударственным инвестициям в оборонную промышленность (в современной политической ситуации процесс будет обусловлен как желанием крупного бизнеса получить политический «иммунитет», так и перспективой развития «актуального» в условиях угрозы национальной безопасности ВПК) и—как следствие—желанием получить прибыль в среднесрочной перспективе. Очевидно, что получение прибыли от ВПК возможно при увеличении доли России в жесткоконкурентной среде мирового бизнеса вооружений, или увеличении государственного заказа на поставку вооружений в случае ведения боевых действий.

Однако государственным заявлением с наиболее непредсказуемыми последствиями стало высказывание министра обороны С. Иванова о праве РФ наносить превентивные удары по базам террористов в любой точке мира¹. Данное заявление, аналогичное высказывания ньюсмейкеров США после 11 сентября 2001 года, формально по форме, но вместе с тем является, по существу, отрицанием на государственном уровне норм международного права. В случае же его единичной реализации со стороны России изменения в международной политике станут непредсказуемыми.

¹ Независимая газета, 13.10.2004

ВЫВОДЫ

1. Сформировавшиеся во второй половине 1980-х годов в СССР значительные националистически настроенные этнические группы населения были успешно использованы политическими антрепренерами (этническими лидерами) в корыстных политических целях.

2. Исследование показало, что миротворческая деятельность России вписывается в общую картину практики миротворчества, согласно которой значительную роль как в развитии, так и в снижении конфронтации играет посредник урегулирования в качестве «третьей стороны» в конфликте. При этом фактором, определяющим динамику эскалации/деэскалации противоборства, является вопрос о постконфликтном будущем территории проистекания конфликта, степени политико-экономического, военного и идеологического доминирования государства-посредника в регионе в целом.

3. Становление миротворческой деятельности России было предопределено следующими факторами: нахождением вооруженных сил РФ в зонах конфликтов на момент развертывания открытого вооруженного противостояния; принятие на себя функций охраны внешних границ СНГ. Немаловажную роль сыграло и то, что территория России стала центром миграционных потоков из стран СНГ.

4. Исторический анализ позволяет выделить этапность в динамике развития политических и военных усилий России в конфликтных зонах.

I. Начальный этап вовлечения в конфликты *de facto* (1991 — 1993 гг.).

II. Проведение миротворческих операций с позиций регионального лидера (1994 — 1999 гг.).

III. Осуществление миротворческой деятельности в контексте повышения региональной и международной роли России (2000 г. — первая половина 2002 г.).

5. Наиболее эффективными способами урегулирования конфликта при проведении Россией миротворческих операций являлись такие методы, как разъединение противоборствующих сторон и недопущение применения оружия; привлечение силовых структур сторон конфликта для поддержания и налаживания миротворческого процесса; ограждение местного населения от влияния наиболее радикально настроенных этнических лидеров.

6. Во всех регионах СНГ, где имело место проведение Россией миротворческих операций, было достигнуто прекращение открытой стадии вооруженного конфликта. Однако следует признать, что проблема окончательной конструктивной деэскалации противоборства остается нерешенной. Миротворческая деятельность заканчивалась на стадии разъединения противоборствующих сторон и прекращения открытой стадии вооруженного конфликта. Высокая степень потенциальной конфликтности латентных конфликтов повышает социально-экономическую нестабильность в регионе и риск рецидива.

7. Сохранение Россией статуса политического, экономического и военного лидера СНГ обуславливает высокую степень вовлечения РФ в этнополитические процессы на территории Содружества в ближайшем будущем. Последнее, в свою очередь, требует совершенствования как научной, так и практической базы национальной политики миротворчества на государственном уровне, повышения эффективности и координации работы структур, вовлекаемых в миротворческий процесс. Необходимо проведение превентивных мер, направленных на снижение напряженности и в потенциально конфликтных зонах, и на территориях с относительно стабильной этнополитической ситуацией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальные документы СССР

А. Законы СССР.

1. Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик // Приложение к «Вестнику ЦИК, Совнаркома, Совета труда и обороны СССР». — 1924, — № 2.

2. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Ленин В.И. — ПСС. — Т.35.

3. Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» // К союзу суверенных народов. (Сбор. Документов.) — М., 1991.

В. Подзаконные нормативные акты.

4. Указ Президиума ВС СССР «О введении особой формы управления в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР» от 12 января 1989 г. // Правда. — 16.1.1990.

5. Постановление Президиума ВС СССР «О несоответствии Конституции СССР актов по Нагорному Карабаху, принятых ВС Армянской ССР 1 декабря 1989 г. и 9 января 1990 г.» от 10 января 1990 г. // Правда. — 11.1.1990.

С. Документы партийных организаций.

6. Материалы Пленума Центрального комитета КПСС. 27—28 января 1987 г. — М., 1987.

7. Материалы XXIII съезда КПСС. — М., 1966.

8. Дискуссия на пленуме ЦК КПСС // Правда. — 21.9.1989.

Д. Материалы съездов народных депутатов СССР.

9. Первый съезд народных депутатов СССР: Стенографический отчет. — М., 1989.

II. Работы и выступления политических деятелей СССР

10. Горбачев М.С. О национальной политике партии в современных условиях. Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК КПСС 19, 20 сентября 1989. — М., 1989.

11. Gorbachev M. //New York Times International.— 04.06.1990.

12. Критические заметки по национальному вопросу. //Ленин В.И. — ПСС. — Т. 24.

13. Заметки к тезисам «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» //Ленин В.И. — ПСС, Т. 27.

14. Сталин И.В. Организация Российской Федеративной республики: Беседа с сотрудником газеты «Правда». — Соч.— Т. 4.

15. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. — Соч. — Т.2.

16. Сталин И.В. Октябрьский переворот и национальный вопрос. — Соч. — Т.4.

17. Сталин И.В. Заключительное слово (X съезд РКП(б)). — Соч. — Т.5.

18. Сталин И.В. Обращение Наркомнаца к национальным Советам от 9 апреля 1918 г. («Правда»). — Соч. в 4 т.

19. Троцкий Л.Д. Право наций на самоопределение // К истории русской революции. — М., 1990.

III. Официальные документы Российской Федерации

А. Федеральные законы.

20. Конституция Российской Федерации. — М., 1998.

21. Уголовный кодекс РФ. — М., 1999.

22. Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26.4.1991 г. с изменениями и дополнениями от 1.7. 1993 г. р 5303-1. // Конституционное право России. Сборник конституционно-правовых актов. — М., 1998.

В. Подзаконные нормативные акты.

23. Указ Президента РФ от 14.9.1995 г. р 940. «Стратегический курс России с государствами-участниками СНГ» // Сборник указов Президента РФ. — М., 1996.

24. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по осуществлению территориальной реабилитации репрессированных народов» от 16.9. 1995. р 948 // Конституционное право России. Сборник конституционно-правовых актов. — М., 1998.

25. Нота МИД Российской Федерации главам дипломатических представительств от 13.1. 1992 // Действующее международное право (сборник документов). — М., 1996. — Т.1.

IV. Выступления и интервью политических деятелей РФ

26. Выступление Президента РФ Б.Н. Ельцина в ООН // Красная звезда. — 28.9. 1994.

27. Интервью министра иностранных дел А. Козырева // Независимая газета. — 24.11.1993.

28. Николаев А. Результат наших действий в Таджикистане значительно масштабнее чем собственно военный успех // Независимая газета. — 06.7.1998.

V. Документы стран СНГ

А. Межгосударственные правовые акты.

29. Договор о Союзе Суверенных Государств. Проект//Правда. — 15.8.1991.

30. Основные меры и понятия коллективной безопасности и миротворческой деятельности для государств-участников СНГ // Штаб по координации военного сотрудничества государств-участников СНГ. — М., 1995.

31. Заявление «Двенадцати» о будущем статусе России и других бывших республик от 23.12.1991 // Действующее международное право (сборник документов). — М., 1996. — Т.1.

32. Решение о формировании Коллективных миротворческих сил и начале их функционирования от 24.09.1993. — М., 1993.

33. Соглашение о Группях военных наблюдателей и Коллективных силах по поддержанию мира в Содружестве Независимых Государств от 20.03.1992. — // Действующее международное право. — М., 1997.

VI. Международно-правовые акты

34. Устав Организации Объединенных наций и статут Международного суда. — М., 1994.

35. Резолюция XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1974. (Определение агрессии) // Действующее международное право (сборник документов). — М., 1996.

36. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1 августа 1975 г. // Действующее международное право. — М., 1997.

37. Итоговый Документ Венской встречи 1986 г. представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. 15.1.1989 // Действующее Международное право (сборник документов). — М., 1996. — Т.1.

38. Принципы урегулирования споров и положения процедуры СБСЕ по мирному урегулированию споров. -Ла-Валетта, 8.2.1991 // Действующее Международное право(сборник документов). — М.,1996. — Т.1.

39. NATO Doctrine for Peace Support Operations (Доктрина НАТО: проведение миротворческих операций). — N. — Y., 1994.

40. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны, 8 декабря 1987 г. // Действующее международное право. — М., 1997. — Т.2.

41. Доклад Генерального секретаря ООН «Мирное урегулирование вопроса о Палестине». — 10.10.2003.

VII. Статистические сборники и хроники

42. Национальный состав населения СССР. По данным всесоюзной переписи населения 1989. — М., 1991.

43. Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч.1.: 14 августа — 14 сентября 1992. — М. 1992.

44. Хроника НКАО : февраль 1988 — февраль 1990. — Баку, 1990.

45. Северная Осетия. Этнополитические процессы. 1900-1994 г. Очерки. Документы. Хроника. — М. 1995. — Ч.1-3.

46. Новые политические организации и партии. 1988-1990. Краткий справочник. Ч.1. Вып.1. Белоруссия, Грузия, Латвия, Литва. — М. 1990.

47. State of the World 1999. A Worldwatch Institute Report on Progress Toward a Sustainable Society (Положение в мире на 1999 год. Отчет Worldwatch Institute «на пути к стабильному обществу»).—N.—Y., 1999.

VIII. Конференции и доклады

48. Каспийский глобальный пасьянс и российские интересы. Доклад Института стран СНГ // Содружество СНГ. — 1998. — № 4.

49. Доклад правозащитного общества «Мемориал»: Масовые и наиболее серьезные нарушения прав человека и положение в зоне вооруженного конфликта в г. Бендеры за июнь-июль 1992 г. // Независимая газета. — 18.6.1992.

IX. Мемуары

1. Мемуары государственных деятелей

Горбачев М.С. Декабрь-91. Моя позиция. — М., 1992.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. — М., 1971.

Назарбаев Н. Без правых и левых. — М., 1991.

Рыжков Н.И. Перестройка: история предательств. — М., 1992.

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М., 1996.

Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год.—М., 2001.

Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. — М., 2001.

Широнин В. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. — М., 1996.

Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. — М., 1991.

2. Мемуары государственных деятелей зарубежных стран

60. Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942-1971. — М., 2003.

61. Райли О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921—1945). — М., 2002.

62. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. — М., 2003.

63. Черчилль У.С. Вторая мировая война. — М., 1998. В 6 т.

64. Шелленберг В. Мемуары. — М., 1991.

Х. Материалы периодической печати

1. Российская центральная пресса

«Ведомости»

«Газета»

«Известия»

«Коммерсант»

«Комсомольская правда»

«Независимая газета»

2. Центральная пресса зарубежных стран

«The Assotiated Press»

«Die Presse»

«El Pais»

«Frankfurter Allgemeine Zeitung»

«Foreign Affairs»

«The Economist»

«The Financial Times»

«The Times»

«United Press International»

«Los Angeles Times»

«The Independent»

«Guardian»

« Newsweek»

ЛИТЕРАТУРА

65. Абазов Р.Ф. Исламское возрождение в центрoазиатских новых независимых государствах // Полис. — 1995. — № 3.
66. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. — М., 1995.
67. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. — Ставрополь, 2001.
68. Аврелий М. Наедине с собой. — М., 2000.
69. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. — М., 2000.
70. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года. Амстердам. — 1970.
71. Аристотель. Соч.: в 4 т. — М., 1984.
72. Банников К. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской армии. — М., 2002.
73. Берлин И. История свободы. Россия. — М., 2001.
74. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. — М., 1985.
75. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. — М., 2002.
76. Борхес Х.Л. Буддизм. Расследования: Избр. соч.: в 2-х т. — СПб., 2001.
77. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. — М., 1983.
78. Бугай Н.Ф. Депортация народов в СССР: история и современность // Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации. — М., 1993.;
79. Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». — М., 1995.
80. Булгаков М.А. Великий канцлер. Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». — М., 1992.
81. Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. — М., 2001.

82. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб., 1998.
83. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. — М., 1997.
84. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. — М., 2001.
85. Гегель Г.В.Ф. Христианство и реформация // Мартин Лютер: 95 тезисов. — СПб., 2002.
86. Геллнер Э. Пришествие национализма // Нации и национализм. Б. Андерсон, О.Бауэр, М.Хрох и др. — М., 2002
87. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. — М., 1999.
88. Гете И.В. Фауст. — М., 2002.
89. Гоббс Т. Соч.-Т.2. — М., 1991.
90. Данилов С.Ю. Гражданская война и общенациональное примирение. США, Россия, Испания. — М., 2004.
91. Денисова Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов.—Ростов-на-Дону, 1996.
92. Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. — М., 2003.
93. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. — М., 2002.
94. Игрицкий Ю.И. Распад СССР: роль этнонационализма // Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность/ Отв. ред. В.Л.Мальков. — М., 2002.
95. Кавтарадзе С. Госбезопасность против эмиграции//Дети фельдмаршала. — № 10, 2000.
96. Кавтарадзе С.Д. Развитие этнополитического конфликта. психологические особенности принятия решения в процессе конфронтационной динамики//2—я конференция по экологической психологии. Тезисы.—М.,2000.
97. Кавтарадзе С.Д. Роль масс-медиа в формировании общественного мнения в условиях урегулирования этнополитического кризиса // Сборник докладов к конференции «Актуальные проблемы теории и практики управления». — М., 2002.

98. Кайуа Р. Миф и человек, человек и сакральное. — М., 2003.
99. Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства: В 2-х т. — М., 2001.
100. Козер Л. Функции социального конфликта. — М., 2000
101. Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 — начало 1980 гг.). — Новосибирск, 1999.
102. Кокшаров А. Два полюса Каспийского моря // Эксперт, № 20 от 27.05.2003.
103. Контамин Ф. Война в средние века. — СПб., 2001.— С. 282.
104. Лебон Г. Психология народов и масс.—СПб., 1995.
105. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. — М., 1997.
106. Лукьянов А.Е. Лао-цзы и Конфуций. Философия Дао. — М., 2000.
107. Макиавелли Н. Государь. Размышления над первой декадой Тита Ливия. — Минск, 2003.
108. Малапарте К. Техника государственного переворота.—М., 1998.
109. Мальков В.Л. Игра без мяча: социально-психологический контекст советской «атомной дипломатии» (1945-1949) Холодная война 1945-1963. Историческая ретроспектива: Сб. статей. — М., 2003.
110. Мещеряков В.Ф. Каспий и интересы российского бизнеса // Восточный вектор бизнеса России. — М., 2001.
111. Михайленко А.Н. Содружество Независимых Государств: проблемы и перспективы. — М., 2001.
112. Мнацаканян М.О. Этносоциология: нации, национальная политика и межнациональные конфликты. — М., 1997.
113. Могилевкин И.М. Мегастратегия. Проблемы пространства и времени в политике России. — М., 1997.

114. Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. — СПб., 2003.

115. Национальная политика России: Сб. статей / Михайлов В.А., Абдулатипов Р.Г., Воронин А.Г. и др. — М., 1997.

116. Национальный вопрос на перекрестке мнений. — М., 1992.

117. Население России на рубеже XX — XXI веков. Проблемы и перспективы / Под ред. В.А.Ионцева и А.А.Саградова. — М., 2002.

118. Наполеон Бонапарт. Максимумы и мысли узника Святой Елены. — М., 1999.

119. Никитин А.И. Миротворческие операции: концепции и практика. — М., 2000.

120. Нухаев Х.-А. Чечня и Россия: одно ценностное пространство — две общественные системы // Россия и Чечня: поиски выхода. Сборник. — СПб., 2003.

121. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. — М., 2001.

122. Осипов А.Г. Ферганские события 1989 года (конструирование этнического конфликта) // Ферганская долина. Этничность, этнические процессы, этнические конфликты. — М., 2004.

123. Паин Э.А. Государственная политика России в конфликтных зонах.—М., 1994.

124. Паин Э.А. Динамика национального самосознания россиян (к этнополитическим итогам прошедшего десятилетия) // Этнопанорама.—№ 2.—2002.

125. Паин Э. В России огромный ресурс этнической ненависти // Известия. — 24.03.2004.

126. Пирцио-Бироли Д. Культурная антропология тропической Африки. — М., 2001.

127. Под стягом России. — М., 1992.

128. Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. — М., 1996.

129. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. — М., 2001.
130. Попов А. Причины возникновения и динамика развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. — М., 1997.
131. Потапейко П. Современное состояние Североирландского конфликта (1997—1999). // <http://beljournal.by.ru/1999/4/12.shtml>
132. Почепцов Г.Г. Информационные войны. — М., 2000.
133. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии XX века. — М., 2000.
134. Райх В. Психология народов и масс. — СПб., 1997.
135. Революционная Колумбия. История партизанского движения. Под ред. А. Н. Тарасова. — М., 2003.
136. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. — М., 2001.
137. Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. — М., 2000.
138. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. — М., 2000.
139. Смирнов Ю.Н. «Холодная война» как явление ядерного века // Холодная война 1945-1963. Историческая ретроспектива. Сборник статей. — М., 2003.
140. Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и абвера: Из секретных досье разведки. — М., 2003.
141. Старовойтова Г. Национальное самоопределение: подходы к изучению случаев // Библиотека «Вехи». <http://www.vehi.net>
142. Сунь-Цзы, У-Цзы. Трактаты о военном искусстве. — М., 2002.
143. Таго А. Молдова: своевременность компромисса, которым пренебрегли политики. Штрихи к истории конфликта в Приднестровье // Независимая газета. — 21.4. 1992.
144. Тишков В.А. Национальность и национализм в постсоветском пространстве / Этничность и власть в полиэтничных государствах. — М., 1994.

145. Тишков В.А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. — 1993. — № 4.
146. Тишков В.А. Союз до и после пяти лет перестройки. Национальные процессы в СССР. — М., 1991.
147. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. — М., 2002.
148. Федоров Ю.Е. Миротворческие операции в СНГ: международно-правовые, политические, организационные аспекты. — М., 1998.
149. Флавий И. Иудейская война. — Минск, 1991.
150. Фонд общественное мнение. Результаты репрезентативного опроса, проведенного 20 — 25 июня 2003 г. «Электоральные настроения населения Чеченской республики» // <http://www.fom.ru/reports/frames/body/ch140703.html>.
151. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии: В 2-х т. — М., 2001.
152. Фуко М. Политика — это продолжение войны другими средствами // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч.1. Статьи и интервью 1970-1984. — М., 2002. — С.148.
153. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М., 2004.
154. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М., 2003.
155. Хейзинга Й. Homo Ludens. — М., 1997.
156. Хидашели Т. Федерализм и консоционализм. Перспективы реформирования грузинского государства // Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. — М., 1999.
157. Хомский Н. Новый военный гуманизм. — М., 2002.
158. Хомский Н. Прибыль на людях. — М., 2002.
159. Хоффман В. Терроризм — взгляд изнутри. — М., 2003.
160. Чеченский кризис / Под ред. Л.А.Беляевой. — М., 1995.
161. Чешко С.В. Распад Советского Союза. — М., 1996.
162. Чоран Э. После конца истории. — СПб., 2002.

163. Шосматуллоев Ш. Таджикистан в феврале 1990 года: начало всех начал // Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ. — Ежегодник, 1994.

164. Юнг К.Г. Понятие коллективного бессознательного // Юнг К.Г. Аналитическая психология. — М., 1995.

165. Apter D.E. The Legitimization of Violence. — L., 1997.

166. Auruch K. Culture and Conflict Resolution.-Washington, D.C., 1998.

167. Bakvis H. Structure and Process in Federal and Conso-ciatinal Arrangments // Publius. The Journal of Federalism. Vol. 15. 1985. Л 2.

168 Brecher M., Wilkenfeld J. The Ethnic Dimension of International Crisis // Wars in the Midst of Peace: The International Politics of Ethnic Conflict. — Pittsburg, 1997.

169. Brzezinski Z. The Grand Chessboard. — N. — Y., 1997.

170. Brzezinski Z., Haig A.M. Jr., Kampelman M. An Opening on Chechnya // 'The Wasington Post', 04.07.2001.

171. Brzezinski Z. Exsept from «The Hegemonic Quick-sand»//»In The National Interest», 24.02.2004.

172. Brzezinski Z. National insecurity is the new reality//Newsweek, 02.04.2004.

173. Chomsky N. Media Control. The Spectacular Achievements of Propaganda. — N. — Y. 2002.

174. Chomsky N. Power and Terror. Post — 9/11 Talks and Interviews. — N. — Y. 2003.

175. Coogan T. P. The I.R.A. — Lon.,2000.

176. Dahrendorf R. Class and Class conflict in Industrial Society.—1959.

177. Desk Study on the Environment in the Occupied Palestin-ian Territories. United Nations Environment Programme. — Switzerland., 2003

178. Depleted Uranium in Bosnia and Herzegovina. Post Conflict Enviromental Assessment. United Nations Environment Programme. — Switzerland., 2003.

179. Dubnov A.Y. Tadjikistan // U.S. and Russian Polismaking With Respect to the Use of Force/ Ed. by R.Azrael, E.A.Pain. — Washington D.C., 1996.

180. Forrester J.W. Principles of Systems. Cambridge, 1968. World Dynamics. — Cambridge, 1971.

181. Glucksmann A. Se incontrassi Bin Laden io uciderei. 'Corriere Della Sere', 26.03.2004. // Пер.: <http://www.inopressa.ru>

182. Gurr T., Harff B. Ethnic Conflict in World Politics. Boulder. — San Francisco, Oxsford, 1994.

183. Halpern, Sue M. The Disorderly Universe of Consocialial Democracy // Western Europeanian Politics. Vol. 9. Л 2. 1986.

184. Henry Kissenger: man and power//33л News. 29.11.2002.

185. Huntington S.P. The Clash of Civilizations p The International System after the Collapse of the East—West Order. — N. — Y., 1994.

186. International Security and Desarmament. Anual Edition of CIRPI, 1994.

187. Johnson Ch. Bases for an Empire//Los Angeles Times. 18.01.2004.

188. Kozhokin E.M. Georgia—Abkxazia // U.S. and Russian Polismaking With Respect to the Use of Force/ Ed. by R.Azrael, E.A.Pain. — Washington D.C., 1996. P.77

189. Levine R.A., Campbell D.T. Etnocentrism: Teories of conflict, Ethnic Attitudes and Group Behavior. — N. — Y., 1972.

190. Lincoln A. Speeches and Writings, vol, 2. — N. — Y., 1989. P. 57-358.

191. Maciver R. The Nations and the United Nations. — N. — Y., 1959

192. Pain E. The Political Situation in Conflict Zones // European Security, Vol. 3, No. 4. 1994. P. 790-816.

193. Pain E.A. Contagius Ethnic Conflicts and Border Disputes along Russian Sobsern Flank/ Russia, The Caucasus and Central Asia. The 21st Century Scurity Environment. — N. — Y., 1999.

194. Pappalardo A. The Conditions for Consociational Democracy: a Logical and Empirical Critique // European Journal of Political Research. JI 9. 1981.
195. Perle R, Frum D. U.N. should change — or U.S. should quit // Los Angeles Times, 23.01.2004.
196. Pipes R. Russia's shuddering Empire. New rep. — Wash., 1989, JI 19.
197. Pozen B. The Security Dilemma and Ethnic Conflict // Ethnic Conflict and International Security/ Ed. b M.Brown. — Princeton, NJ., 1993.
198. Secessionist Movements in Comparative Perspective/ Ed. R.Premdas, Lon., 1990.
199. Shibutani T. Improvised news. A sociological study of rumor. — Indianapolis, New York, 1966.
200. Smith G. The Nationalities Problems in the Soviet Union. — Lon., 1990.
201. Soros G., // Liberation, 26.03.2004. // Пер. : <http://www.inosmi.ru>
202. Szporluk R. The National Question // After the Soviet Union: From Union to Commonwealth/ Ed. by T.Colton & R.Legvold. — N. — Y.; L., 1992.
203. Thomas E. The very best men. Four who dared: the early years of the CIA. — N. — Y., 1996.
204. Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and conflict in and after the Soviet Union. — Lon., 1997.
205. Weglun M. Years of Infamy. The Untold Story of America's Concentration Camps. — N.Y. 1976.
206. Weiner E. Coexistence work: a new profession // The Handbook of Interethnic Coexistence. — N. — Y., 1999.
207. Williams A.R. The Soviets. — N. — Y., 1937.
208. Zinoviev A. The Reality of Communism. — Lon., 1984.

05-10243

Кавтарадзе Сергей Дмитриевич

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Издательство «ЭКЗАМЕН»

ИД № 05518 от 01.08.01

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.Д.005320.08.04 от 12.08.2004 г.

Науч. редактор *Е.Е. Узлова*
Корректор *Т.А. Белостоцкая*
Дизайн обложки *И.Р. Захаркина*
Компьютерная верстка *Н.А. Кирьянова*

105066, Москва, ул. Александра Лукьянова, д. 4, стр. 1.
www.examen.biz

E-mail: по общим вопросам: info@examen.biz;
по вопросам реализации: sale@examen.biz
тел./факс 263-96-60

Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, том 2; 953004 — книги, брошюры, литература научная
и производственная

Текст отпечатан с диапозитивов
в ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7

Качество печати соответствует
качеству предоставленных диапозитивов

По вопросам реализации обращаться по тел.: 263-96-60

С.Д. Кавтарадзе

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В монографии автором рассматриваются актуальные вопросы этноконфликтологии: истоки и причины этнополитических противоречий в период распада СССР, вопросы разрешения конфликтов, роль миротворческой деятельности России и влияние геополитических и политико-экономических интересов крупных международных игроков на динамику межнациональной напряженности на постсоветском пространстве.

Использование системного подхода в анализе конфликтов позволило рассмотреть комплекс этих проблем в историческом, политологическом, правовом, этнопсихологическом ключе, и предложить меры и рекомендации по снижению напряженности в зонах конфликтов.

ЭКЗАМЕН